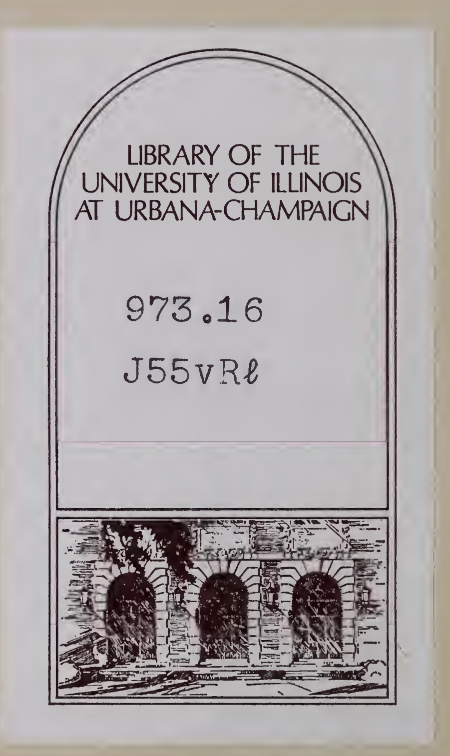

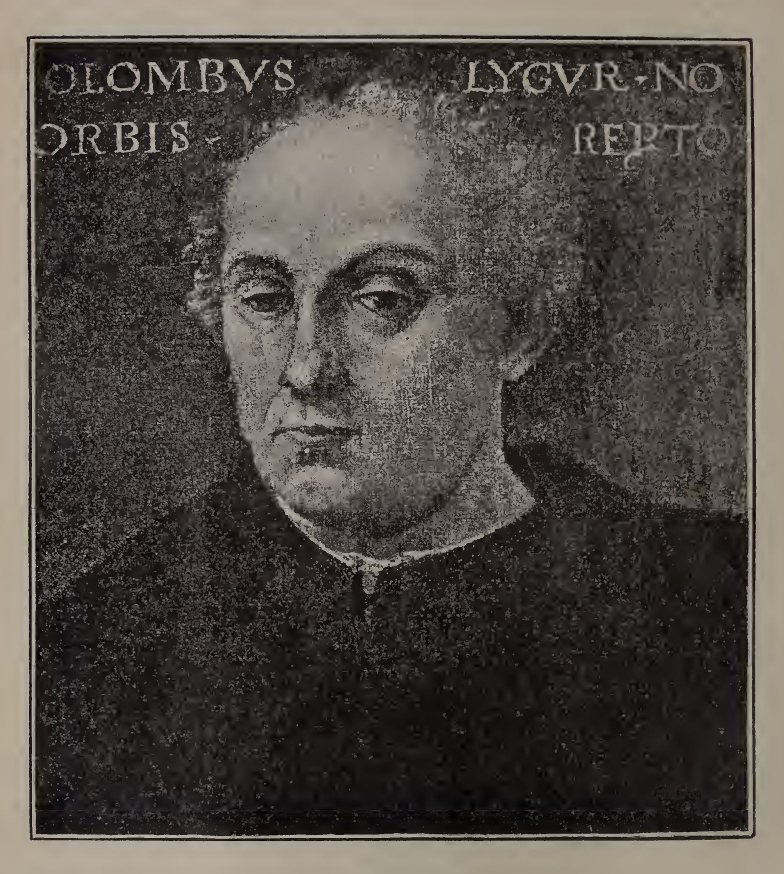

ВАЖНѢЙШІЯ

ОТКРЫТІЯ И ЗАВОЕВАНІЯ ИСПАНЦЕВЪ

ВЪ

НОВОМЪ СВѢТѢ.

Колумбъ.

К. ФАЛЬКЕНГОРСТЪ.

ВАЖНѢЙШІЯ

ОТКРЫТІЯ И ЗАВОЕВАНІЯ ИСПАНЦЕВЪ

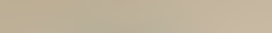
ВЪ

НОВОМЪ СВѢТѢ.

ПЕРЕВЕЛЪ

А. Линбергъ.

Съ 15-ю картинами и 3-мя картами.

МОСКВА.
Книжный магазинъ И. Дейбнера.
Кузнецкій Мость, домъ Варгина.
1892.

Дозволено цензурою. Москва, 10-го іюня, 1892 г.

Типографія Э. Лисснера и Ю. Романа,
Воздвиженка, Крестоводв. пер., д. Лисснера.

Въ текущемъ году исполняется 400-лѣтіе открытія Америки и въ литературѣ всѣхъ странъ являются статьи и сочиненія, посвященныя памяти этого событія. Изъ числа подобныхъ книгъ наиболѣе подходящими по объему и изложенію для русскаго юношества показались мнѣ тѣ выпуски «Библіотеки замѣчательныхъ путешествій» К. Фалькенгорста, въ которыхъ описывается исторія испанскихъ открытій и завоеваній въ Америкѣ. Предлагая здѣсь переводъ этой части сочиненія Фалькенгорста, я долженъ оговориться, что не вездѣ строго держался текста оригинала, а частью опускалъ казавшіяся мнѣ излишними подробности, частью-же позволилъ себѣ сдѣлать нѣкоторыя дополненія по другимъ источникамъ.

А. Линбергъ.

Москва, 28 мая 1892 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Приступая къ изложенію исторіи событій, которыя въ XV и XVI столѣтіяхъ ознакомили Европу съ новымъ, заатлантическимъ міромъ, мы считаемъ не лишнимъ предпослать нашему разсказу краткій очеркъ того, какъ въ теченіе вѣковъ постепенно вырабатывалось въ человѣчествѣ то представленіе о формѣ и размѣрахъ земли, которое послужило главнымъ основаніемъ для попытокъ Колумба и его послѣдователей. Нельзя умолчать также о томъ, что нѣкоторыя части Новаго Свѣта были извѣстны европейцамъ еще задолго до Колумба; но любопытно видѣть, какъ безслѣдно для человѣчества прошли эти случайныя, какъ бы преждевременныя находки, не имѣвшія внутренней связи съ какими-нибудь общими представленіями о землѣ, какъ о цѣломъ.

По понятіямъ древнихъ грековъ, какъ они выражены напр. у Гомера, земля представляла плоскость, со всѣхъ сторонъ омываемую рѣкою — Океаномъ. Плоскость эта была возвышена по краямъ и поката къ срединѣ, которую занимало Средиземное море; сюда поэтому стекали всѣ большія рѣки. Въ самой срединѣ земли возвышалась окутанная облаками вершина Олимпа, которую боги избрали своимъ жилищемъ, а на края земной поверхности, подобно опрокинутой чашѣ, опирался небесный сводъ.

Въ продолженіе многихъ вѣковъ это наивное представленіе о формѣ земли существовало какъ аксіома или религіозный догматъ.

Но и въ тѣ отдаленныя времена уже встрѣчались мыслители, воззрѣнія которыхъ на этотъ предметъ совершенно

отличались отъ общепринятыхъ. Между греческими философами иные приписывали землѣ фигуру пирамиды, другіе — конуса или куба. Кѣмъ впервые была высказана мысль о шаровидности земли, остается неизвѣстнымъ, но ее поддерживалъ и развивалъ цѣлый рядъ древнихъ ученыхъ; упомянемъ только о Парменидѣ въ V вѣкѣ до Р. Х. и объ Аристотелѣ въ IV вѣкѣ. Особенно много было сдѣлано въ III вѣкѣ до Р. Х. Эратосѳеномъ, который собралъ все, что было высказано объ этомъ различными мыслителями и хранилось въ знаменитой александрійской библіотекѣ. Его мнѣніе, послужившее основою всѣмъ позднѣйшимъ географамъ, состояло въ томъ, что небо и земля шаровидны, имѣютъ общій центръ и вращаются вокругъ общей оси. Эратосѳенъ не только вычислилъ замѣчательно вѣрно размѣры земнаго шара, но допускалъ и возможность объѣхать его морскимъ путемъ. Позднѣе Страбонъ, современникъ Августа и Тиверія, высказалъ даже предположеніе о томъ, что въ океанѣ, раздѣляющемъ западные берега Европы отъ восточныхъ береговъ Азіи, могутъ находиться обитаемые материки.

Смутныя догадки о существованіи обитаемой земли на з. отъ Стараго Свѣта были неожиданнымъ образомъ подтверждены въ I вѣкѣ до Р. Х. На берега Германіи, между устьями Везера и Эльбы, была выброшена лодка съ нѣсколькими людьми никому тогда неизвѣстнаго племени. Одинъ германскій военачальникъ принялъ этихъ людей и отправилъ ихъ къ галльскому проконсулу Целеру (въ 62 г. до Р. Х.).

Случайныя указанія на существованіе обитаемыхъ странъ на отдаленномъ западѣ продолжали повторяться и въ теченіе слѣдующихъ вѣковъ, но время воспользоваться ими очевидно еще не настало. Къ событіямъ этого рода слѣдуетъ отнести и открытія норманновъ на сѣверо-западѣ Атлантическаго океана.

Въ концѣ IX вѣка, т.-е. около того времени, когда норманскіе князья водворились между сѣверными славянами и

положили начало русскому государству, горсть ихъ соплеменниковъ была занесена бурею къ неизвѣстной землѣ на с.-з. отъ Фарёрскихъ острововъ. Это былъ высокій, гористый островъ, который за обиліе снѣговъ получилъ названіе „Снѣжной земли“ (Snealand), но потомъ былъ переименованъ въ „Землю льда“ (Iceland). Политическіе перевороты и междоусобія въ Норвегіи заставили многихъ норманновъ искать здѣсь убѣжища, и Исландія стала заселяться уже чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ ея открытія. Въ XII столѣтіи тамъ существовало нѣсколько независимыхъ другъ отъ друга республикъ; она слыла центромъ сѣверной образованности и имѣла оживленныя торговыя сношенія съ Норвегіей, Англіей и Германіей, даже съ Россіей и Византіей.

Во второй половинѣ X вѣка одинъ исландскій викингъ, Эрикъ Рауда (Рыжій) открылъ на з. отъ Исландіи обширную землю, которую назвалъ „Зеленою страною“ (Greenland или Grünland). Въ короткое время въ южной Гренландіи возникли значительныя колоніи, а спустя 100 лѣтъ въ ней уже считалось до 300 деревень, 16 церквей и 2 монастыря.

Вскорѣ послѣ открытія Гренландіи экспедиціи норманскихъ моряковъ достигли и береговъ американскаго материка, приблизительно въ окрестностяхъ нынѣшняго Нью-Іорка. Норманны нашли здѣсь много вкуснаго, дико-растущаго винограда и назвали эту страну „Винландіей“, т.-е. страною вина. И здѣсь были основаны поселенія, слѣды которыхъ найдены на восточныхъ прибрежьяхъ Соединенныхъ Штатовъ. Частыя поѣздки норманновъ между Гренландіей и Винландіей повели къ открытію и другихъ частей Сѣверной Америки, напр. береговъ Лабрадора и Нью-Фаундлэнда.

Сношенія Гренландіи и остальныхъ норманскихъ колоній съ зап. Европой продолжались до XIV вѣка, но прекратились затѣмъ внезапно. Причиною были отчасти политическія обстоятельства въ Скандинавіи (Кальмарская унія 3-хъ скандинавскихъ государствъ), отчасти еще необъясненныя кли-

матическія перемѣны въ сѣверной части Атлантическаго океана. Громадныя массы пловучихъ льдовъ, продвигаясь чрезъ проходъ между Исландіей и Гренландіей, закрыли доступъ къ берегамъ послѣдней, а такъ какъ всѣ сношенія съ болѣе южными поселеніями велись чрезъ Гренландію, то вмѣстѣ съ нею были отрѣзаны и колоніи въ Винландіи. Послѣднее извѣстіе объ этихъ странахъ относится къ 1347 г. Населеніе по всей вѣроятности погибло въ борьбѣ съ туземцами, и въ эпоху Колумба едва-ли сохранилось какое-нибудь воспоминаніе о поѣздкахъ норманновъ на дальній западъ.

ГЛАВА I.

Планъ экспедиціи на западъ.

Открытіе Америки является, по своимъ послѣдствіямъ, наиболѣе знаменательнымъ событіемъ въ исторіи человѣческой культуры, поскольку эта послѣдняя связана съ постепеннымъ захватомъ земной поверхности цивилизованными народами Европы. Не удивительно, что память объ этомъ подвигѣ переплелась у потомства съ цѣлымъ рядомъ легендъ, а личность его виновника съ теченіемъ времени приняла образъ истиннаго героя. Какъ ни привлекательно задуманы всѣ эти легенды, служившія долго, особенно въ книгахъ популярнаго содержанія, оживляющимъ и украшающимъ элементомъ разсказа, но останавливаться на нихъ не стоитъ. Дѣйствительность много интереснѣе вымысла, и историческія личности становятся намъ ближе, понятнѣе, когда мы заставимъ ихъ сойти съ того искусственнаго пьедестала, на который онѣ возведены стараніями поклонниковъ. Тогда только эти лица явятся намъ живыми людьми, со всѣми своими достоинствами и слабостями и тогда только мы будемъ въ состояніи оцѣнить ихъ помыслы и чувства и понять духъ времени, отразившійся въ ихъ дѣяніяхъ. Біографія знаменитаго генуэзца Кристоваля Колона, или, какъ его впослѣдствіи называли — Христофора Колумба, подтвердитъ намъ всю справедливость вышесказаннаго, если мы только будемъ строго держаться однихъ несомнѣнно удостовѣренныхъ фактовъ и откажемся отъ всякихъ фантастическихъ прикрасъ.

На умственное развитіе человѣчества не слѣдуетъ смотрѣть, какъ на дѣло единоличныхъ усилій великихъ пред-

ставителей мысли. Выступая отдѣльными свѣточами изъ кажущагося мрака своихъ вѣковъ, они все же бываютъ дѣтьми своего времени и выражаютъ лишь идеи, давно уже стремившіяся къ свѣту. Успѣхи такихъ личностей конечно упрочиваютъ за ними славу преобразователей, но часто забывается при этомъ, что и сами онѣ у кого-нибудь учились, отъ кого-нибудь получали руководящія указанія, что онѣ вообще имѣли сотрудниковъ, на долю которыхъ иногда по справедливости должна быть отнесена значительная часть успѣха всего дѣла.

Въ нашъ вѣкъ существуютъ свои особыя воззрѣнія на научныя экспедиціи. Новѣйшія поколѣнія путешествуютъ и изслѣдуютъ не ради одной матеріальной выгоды, но главнымъ образомъ для научныхъ цѣлей. Такъ, въ текущемъ столѣтіи, многочисленныя экспедиціи, преслѣдуя исключительно географическіе интересы, проходили по пустынямъ и тропическимъ дебрямъ Африки; тысячи людей рисковали жизнью въ пловучихъ льдахъ сѣвера, боролись со страшной стужей и полярной ночью съ единственною цѣлью обогатить науку. Громадные корабли, снаряженіе которыхъ стоило милліоновъ, высылались во всѣ океаны для изслѣдованія ихъ дна и глубоководной фауны — таковы научныя экспедиціи новѣйшаго времени.

Не такъ думали нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ. Ни одно изъ тогдашнихъ правительствъ не затратило бы гроша на отвлеченныя, исключительно научныя цѣли. Всякій, кто желалъ въ тѣ времена пуститься на географическіе поиски и вмѣстѣ съ тѣмъ пользоваться правительственнымъ вспомоществованіемъ, долженъ былъ доказать сначала практическую, доходную сторону своего предпріятія. Требовалось не изслѣдованіе какихъ-нибудь неизвѣстныхъ странъ, а открытіе земель, богатыхъ золотомъ, драгоцѣнными камнями и пряностями.

А такія страны дѣйствительно существовали на дальнемъ востокѣ. Индія, откуда всѣ эти произведенія привозились къ намъ малоизвѣстными караванными путями, была тогда главною цѣлью морскихъ путешествій. Для

этого, еще до Колумба, снаряжались экспедиціи съ цѣлью обогнуть Африку съ юга; были даже попытки, хотя и безуспѣшныя, проникнуть вдоль сѣверныхъ береговъ Европы чрезъ Ледовитый океанъ въ Китай (или Катай, какъ тогда называли).

Берега Стараго Свѣта во времена Колумба были извѣстны только отчасти и то лишь съ западной стороны. Въ Европѣ Нордканъ былъ уже обойденъ, но льды полярнаго океана скоро положили предѣлъ изслѣдованіямъ на сѣверѣ; а на югѣ крайней точкой смѣлыхъ экспедицій оставался пока мысъ Доброй Надежды (Варѳоломей Діасъ 1487). Наука успѣла извлечь свою долю пользы изъ всѣхъ этихъ путешествій, установивъ болѣе опредѣленныя воззрѣнія на форму и размѣры земнаго шара. Заключенія эти были благопріятны дальнѣйшимъ попыткамъ въ томъже родѣ, и судьба благоволила этому вѣку: самыя ошибки его повели къ новымъ открытіямъ, такъ какъ благодаря имъ рискъ казался меньше.

Шаровидность земли была уже извѣстна древнимъ космографамъ, а въ срединѣ XV вѣка почти всѣ ученые были убѣждены въ справедливости этой идеи; но представленія о размѣрахъ нашей планеты были еще очень смутны и ошибочны.

Хорошей иллюстраціей географическихъ воззрѣній, наиболѣе распространенныхъ въ періодъ, непосредственно предшествовавшій открытію Америки, можетъ намъ служить знаменитый глобусъ Мартина Бегайма, извѣстнаго нюрнбергскаго космографа, который принималъ участіе въ экспедиціи на западный берегъ Африки и пользовался большимъ почетомъ въ Португаліи. Само собою разумѣется, что на этомъ глобусѣ Америка совершенно отсутствуетъ. Между западными берегами Европы и восточными берегами Азіи показанъ неизслѣдованный Атлантическій океанъ и, какъ самыя крайнія точки извѣстнаго міра, помѣщены на немъ острова Азорскіе, Канарскіе и Зеленаго мыса. У восточнаго берега Азіи лежитъ островъ „Сипангу“, считавшійся, по авторитету старинныхъ гео-

графовъ и путешественниковъ, богатою страною. Надъ нимъ на глобусѣ надпись: „Сипанго,—тамъ растетъ много золота; важнѣйшій островъ и лежитъ на востокѣ земли Люди въ этой странѣ поклоняются идоламъ; царь ихъ совершенно независимъ. На островѣ растетъ необыкновенно много золота и тамъ же растутъ всякіе драгоцѣнные камни и восточный жемчугъ. Такъ пишетъ Марко Поло изъ Венеціи въ 3-й книгѣ".

Въ срединѣ океана помѣщены на глобусѣ еще два острова: легендарный островъ св. Брандана приблизительно тамъ, гдѣ лежитъ Колумбія, а сѣвернѣе такъ-называемая „Insula antilia" съ слѣдующею надписью: „Когда въ 734 г. послѣ Р. Х. Испанія была завоевана невѣрными изъ Африки, на помянутую „Insula antilia" прибылъ архіепископъ изъ Португаліи и шестеро другихъ епископовъ и много христіанъ, мужчинъ и женщинъ, со скотомъ и всѣмъ имуществомъ, бѣжавшіе на кораблѣ изъ Испаніи, а въ 1414 г. былъ тутъ довольно близко другой корабль изъ Испаніи".

Каковы-же были представленія того времени о величинѣ земнаго шара и разстояніи между западными берегами Европы и восточными берегами Азіи? Мнѣнія на этотъ счетъ были различны. Въ классической литературѣ существовала уже одна блистательная работа въ этомъ отношеніи. За 200 лѣтъ до Р. Х. Эратосѳенъ изъ Аѳинъ, служившій при александрійской библіотекѣ, занимался вычисленіемъ величины земли и тѣмъ, что мы теперь называемъ измѣреніемъ градуса меридіана. Онъ зналъ, что въ Сіэнѣ (нынѣшнемъ Ассуанѣ) солнце въ полдень самаго долгаго дня въ году стоитъ въ срединѣ неба и отвѣсные предметы не имѣютъ тѣни. Онъ измѣрилъ въ этотъ день длину тѣни, которую въ Александріи отбрасывалъ вертикальный шестъ и вычислилъ, что Александрія отстоитъ отъ Сіэны на 7°12′. Разстояніе между этими городами было извѣстно въ точности, и отсюда Эратосѳенъ могъ опредѣлить длину одного градуса въ 700 стадій, а длину всего меридіана въ 252,000 стадій, или, по теперешнему,

въ 5323 геогр. мили. Результатъ поразительный, такъ какъ новѣйшія измѣренія дали намъ 5400 миль! Въ продолженіе почти 2000 лѣтъ, до 17 столѣтія въ измѣреніи величины земнаго шара не было сдѣлано никакой существенной поправки.

Уже Эратосѳенъ обратилъ вниманіе на возможность морскаго пути изъ Испаніи въ Азію въ западномъ направленіи и его замѣчанія въ этомъ отношеніи интереснѣе, чѣмъ взгляды позднѣйшихъ послѣдователей, не исключая Колумба. Онъ высказалъ, что морское путешествіе изъ Испаніи въ Индію подъ параллелью Родоса было бы вполнѣ мыслимо, если-бы не громадность Антлантическаго океана, который занимаетъ $^2/_3$ окружности земли. „Очень возможно", прибавляетъ онъ, „что въ томъ же умѣренномъ поясѣ существуетъ еще другой обитаемый материкъ, а можетъ быть и нѣсколько, а именно вблизи помянутой параллели, гдѣ она пересѣкаетъ Антлантическій океанъ".

Такимъ образомъ, по мнѣнію Эратосѳена, весьма близкому къ дѣйствительности, берега Европы и Азіи удалены другъ отъ друга на 240° по долготѣ. Географы позднѣйшей эпохи отступили отъ правильнаго метода, и на глобусѣ Мартина Бегайма этотъ промежутокъ уже значительно сокращенъ. Восточные берега Азіи далеко отодвинуты на в., какъ это видно на приложенной картѣ. Но справедливое воззрѣніе Эратосѳена могло только запугать изслѣдователей, между тѣмъ какъ ошибочное мнѣніе, что разстояніе не такъ велико, дѣлало предпріятіе менѣе рискованнымъ.

Португальцы съ своими послѣдовательными экспедиціями уже были на истинномъ пути къ намѣченной цѣли: обогнувъ Африку и постоянно держась береговъ, они могли съ увѣренностью ожидать, что попадутъ въ Индію. Возможность достигнуть той-же цѣли западнымъ путемъ была имъ также небезъизвѣстна.

Къ числу выдающихся космографовъ того времени принадлежалъ флорентинскій врачъ Паоло Тосканелли.

Чтеніе сочиненій Марко Поло и личное знакомство съ Николаемъ де-Конти, путешествовавшимъ по Востоку, привело его къ убѣжденію, что Азія простирается весьма далеко въ восточномъ направленіи и что Сипангу и Китай должны быть не особенно удалены отъ Португаліи. Онъ составилъ карту и отослалъ ее при письмѣ къ канонику Фердинанду Мартинесу въ Лиссабонъ, чтобы обратить вниманіе португальскаго короля на мысль о возможности проникнуть на дальній Востокъ въ западномъ направленіи. Письмо было слѣдующаго содержанія:

„Канонику Фердинанду Мартинесу въ Лиссабонѣ привѣтъ отъ физика Павла Тосканелли. Мнѣ было тѣмъ пріятнѣе узнать о твоихъ близкихъ отношеніяхъ къ е. в. королю, что я уже ранѣе сообщалъ тебѣ мои мысли о болѣе краткомъ морскомъ пути въ страну пряностей, чѣмъ путь чрезъ Гвинею. Король желаетъ теперь получить отъ меня болѣе наглядное разъясненіе, которое было-бы убѣдительно и для людей, не столь близко знакомыхъ съ дѣломъ. Я знаю, что это можно-бы исполнить съ помощію шара, изображающаго землю, но ради сбереженія труда я рѣшилъ разъяснить этотъ путь на картѣ. Посылаю е. в. такую карту, составленную мною собственноручно; на ней нанесены ваши берега и острова, откуда начинается путь на западъ, и мѣста, къ которымъ онъ приведетъ, потребныя отклоненія пути отъ полюса и экватора, а также и разстояніе, т.-е. число миль до тѣхъ мѣстъ, которыя обладаютъ величайшимъ изобиліемъ пряностей и драгоцѣнныхъ камней. Не удивляйтесь, что страны пряностей я называю „Западомъ“, тогда какъ обыкновенно ихъ обозначаютъ именемъ „Востока“, ибо въ западномъ направленіи къ тѣмъ странамъ ведетъ морской подземный путь (subterraneas), тогда какъ на верхней сторонѣ земли ихъ должно всегда искать въ восточномъ направленіи. Продольныя линіи моей карты обозначаютъ разстоянія отъ востока на западъ, а поперечныя — отъ юга на сѣверъ. Я нанесъ кромѣ того на карту еще другія мѣста, куда можно попасть въ случаѣ противныхъ вѣт-

ровъ или другихъ препятствій, а отчасти и съ цѣлью показать обитателямъ, что моряки имѣютъ уже понятіе о тѣхъ странахъ, что должно конечно считаться весьма пріятнымъ. На этихъ островахъ живутъ исключительно купцы, ибо утверждаютъ, что нигдѣ въ мірѣ нѣтъ такого скопленія торговыхъ людей, какъ въ славной гавани Зайтонѣ. Увѣряютъ, что въ этой пристани ежегодно однимъ перцемъ грузится до сотни кораблей, не считая судовъ, нагруженныхъ другими пряностями. Страна эта чрезвычайно многолюдна, изобилуетъ провинціями и городами и подвластна одному правителю, котораго называютъ богдыханомъ, что значитъ царь царей. Мѣстопребываніе и резиденція его обыкновенно въ провинціи Катаѣ. Предки его выразили желаніе сблизиться съ христіанами. Уже 200 лѣтъ тому назадъ они просили папу прислать къ нимъ нѣсколькихъ ученыхъ людей, чтобы утвердить ихъ въ вѣрѣ, но послѣдніе встрѣтили на пути препятствія и вернулись обратно. Въ правленіе папы Евгенія также пріѣзжалъ одинъ посланникъ и удостовѣрялъ ихъ благорасположеніе къ христіанамъ; да и самъ я имѣлъ съ нимъ продолжительную бесѣду о различныхъ предметахъ, о громадности царскихъ дворцовъ, объ изумительной ширинѣ и длинѣ тамошнихъ рѣкъ, объ изобиліи городовъ на ихъ берегахъ и о томъ, что на одной рѣкѣ построено до 200 городовъ съ длиннѣйшими и широчайшими мраморными мостами, украшенными колоннами. Земля эта вполнѣ заслуживаетъ вниманія латинянъ и не только потому, что тамъ можно добыть несмѣтныя богатства золотомъ, серебромъ, драгоцѣнными камнями и пряностями, но и познакомиться съ тамошними учеными людьми, философами и опытными астрологами и узнать въ какомъ духѣ управляется эта великая и могущественная страна и какъ тамъ ведутся войны.

Отъ Лиссабона въ прямомъ направленіи на западъ отложено на картѣ 26 спацій по 250 милліарій каждая до славнаго и великаго города Квипзая. Городъ этотъ имѣетъ въ окружности 100 милліарій, 10 мостовъ и имя его зна-

читъ „небесный городъ“. Много чудеснаго разсказываютъ о его богатствѣ и доходахъ, а также о большомъ числѣ тамошнихъ художниковъ. Разстояніе это составляетъ почти треть окружности земли. Названный городъ лежитъ въ области Манги въ сосѣдствѣ съ провинціей Катай, въ которой находится столица правителя. Но и отъ извѣстнаго острова Антиліи до славнаго острова Сипангу считается 10 спацій. Островъ этотъ очень богатъ золотомъ, жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, а храмы и дворцы тамъ кроютъ чистымъ золотомъ. И такимъ образомъ можно переплыть море, хотя неизвѣстными, но не слишкомъ длинными путями“.

Флоренція, 25 іюня 1474 г.

Карта Тосканелли, къ сожалѣнію, не сохранилась. Мы дали такимъ образомъ краткій обзоръ всего, что необходимо для уразумѣнія первыхъ шаговъ Колумба, и обращаемся теперь къ его личности.

Колумбъ родился въ Генуѣ и былъ сынъ ткача. Относительно года его рожденія нѣтъ вполнѣ достовѣрныхъ указаній; всего вѣроятнѣе это было въ 1456 г. Точнаго портрета его мы также не имѣемъ, и всѣ имѣющіяся изображенія значительно расходятся между собою. По свидѣтельству современниковъ, онъ былъ высокаго роста и крѣпкаго тѣлосложенія, а судя по физіономіи и цвѣту глазъ и лица, могъ-бы скорѣе быть принятъ за сѣверянина, чѣмъ за итальянца. Онъ имѣлъ продолговатое, въ веснушкахъ лицо и голубые глаза; волосы были рыжеватые, но рано посѣдѣли, вслѣдствіе чего онъ казался старше своихъ лѣтъ.

Существуетъ біографія Колумба, такъ назыв. „Vida“, авторомъ которой выставляется его сынъ Фернандо, что впрочемъ несомнѣнно невѣрно. Это жизнеописаніе содержитъ крайне недостовѣрныя свѣдѣнія, такъ что въ концѣ концовъ о молодости великаго человѣка нѣтъ почти никакихъ положительныхъ данныхъ. Четырнадцати лѣтъ онъ уже вступилъ въ морскую службу, не могъ слѣдовательно учиться въ падуанскомъ университетѣ, какъ иные утвер-

ждали. Впослѣдствіи, лѣтъ около 30 отъ-роду, онъ познакомился и съ океаномъ. Изъ Бристоля, куда отправился другой итальянецъ — Каботъ, онъ предпринялъ поѣздку къ сѣверу и побывалъ за 100 миль далѣе Фарѐрскихъ острововъ. Въ восьмидесятыхъ годахъ онъ посѣтилъ берега Гвинеи. Вернувшись въ Лиссабонъ, онъ женился на доньѣ Фелипѣ Мунисъ де-Перестрелло и познакомился съ морскими картами своего умершаго тестя. Проживая въ помѣстьи жены на островѣ Порто-Санто близъ Мадейры, на самомъ краю извѣстнаго тогда міра, онъ слыхалъ часто, что говорилось о таинственной дали океана. А къ берегамъ этихъ острововъ море прибивало иногда своеобразные предметы. Мы знаемъ теперь, какъ далеко морскія теченія заносятъ пловучій лѣсъ, такъ что онъ встрѣчается даже на пустынныхъ побережьяхъ полярныхъ странъ, гдѣ имъ пользуются эскимосы и европейскіе путешественники. Пловучій лѣсъ американскаго происхожденія встрѣчается на Канарскихъ и Азорскихъ островахъ и попадался тамъ также во времена Колумба. Сосновые стволы какой-то неизвѣстной породы были выброшены на западные берега Азорскихъ острововъ. Португальскій морякъ Мартинъ Винсенте выловилъ въ океанѣ кусокъ дерева, искусно обдѣланный, но очевидно безъ помощи металлическихъ орудій; зять его — Педро Коррea показывалъ Колумбу подобную же находку. Найденъ былъ тростниковый стволъ громадныхъ размѣровъ, — такой, какіе могутъ расти только въ Индіи; въ междоузліяхъ его помѣщалось до 9 графиновъ вина. Разсказывались вещи еще болѣе необыкновенныя: къ Азорскимъ островамъ прибило какъ-то челнокъ съ человѣческими трупами совершенно особаго племени. Подобныя наблюденія дѣлались и въ древности, но въ эпоху открытій они должны были привлекать къ себѣ особливое вниманіе; изъ нихъ естественно выводилось заключеніе, что на западѣ и притомъ не въ очень большомъ отдаленіи, должна существовать какая-то земля. Что это могла быть только восточная Азія — было несомнѣнно для многихъ, въ томъ числѣ

и для Колумба. Онъ изучалъ различныя космографическія сочиненія, между прочимъ и „Imago mundi“ Пьерра д'Альи, довольно посредственную компиляцію старыхъ схоластическихъ трактатовъ, и эта-то книга послужила основаніемъ его собственнымъ космографическимъ воззрѣніямъ, а главнымъ образомъ укрѣпила его убѣжденіе, что Атлантическій океанъ не широкъ.

По всей вѣроятности Колумбъ впервые выступилъ со своимъ планомъ въ 1483 году; въ это время по крайней мѣрѣ португальскій король Іоаннъ II предложилъ его на обсужденіе своему ученому совѣту. Совѣтники короля отвергли проектъ, какъ и предложенія Тосканелли, представленныя имъ еще за 10 лѣтъ раньше. За этотъ отказъ ихъ клеймили впослѣдствіи эпитетами невѣждъ и глупцовъ, но это совершенно несправедливо. Имъ незачѣмъ было принимать проектъ, основанный на недостовѣрныхъ предположеніяхъ о длинѣ пути; они были увѣрены въ томъ, что, разъ избравши путь вокругъ Африки, они достигнутъ своей цѣли — Востока, и послѣдствія оправдали ихъ ожиданія; съ своей точки зрѣнія они были поэтому правы, когда рекомендовали королю не дробить свои силы. И что-бы было съ эскадрой Колумба, если бы не существовало материка Америки и ему дѣйствительно пришлось пересѣчь всю ширину океана до береговъ Китая!

Мнѣніе, будто бы португальцы хотѣли воспользоваться идеей Колумба и тайно отправили экспедицію на западъ, есть очевидный вымыселъ уже потому, что первая мысль объ этомъ пути вовсе не принадлежитъ Колумбу. Замѣчательное письмо Тосканелли написано въ 1474 г.; не подлежитъ сомнѣнію, что оно было извѣстно Колумбу и что онъ имѣлъ съ собою карту Тосканелли во время своего перваго путешествія. Но дѣло это въ прежнія времена представлялось такъ, какъ будто-бы Колумбъ узналъ о письмѣ лишь впослѣдствіи и самостоятельно выработалъ свой планъ. Для этой цѣли въ біографіи Колумба сдѣланъ былъ даже подлогъ въ его перепискѣ съ Тосканелли. Письмо послѣдняго, недавно найденное

въ Севильѣ, есть копія, писанная рукою Колумба, а изъ его корреспонденціи съ Тосканелли явствуетъ, что тотъ выслалъ ему, по его просьбѣ, копію съ своего письма и извѣстной карты. Въ послѣднемъ письмѣ Тосканелли говоритъ: „Я одобряю ваше намѣреніе предпринять поѣздку на западъ и убѣжденъ, что путь вашъ, какъ вы уже могли видѣть на моей картѣ, будетъ не такъ труденъ, какъ иные думаютъ; я полагаю напротивъ, что путь къ изображеннымъ мною странамъ совершенно вѣренъ. Вы сами не имѣли-бы на этотъ счетъ никакихъ сомнѣній, если бы, подобно мнѣ, были знакомы со многими побывавшими тамъ людьми. Въ тѣхъ странахъ навѣрное встрѣтятся могущественные короли, многолюдные города и провинціи, имѣющіе несмѣтныя богатства въ драгоцѣнныхъ камняхъ, а государи, управляющіе въ тѣхъ странахъ, будутъ несомнѣнно очень обрадованы войти въ сношенія съ христіанами и получить отъ нихъ наставленія въ католической религіи и всѣхъ наукахъ“.

Такъ какъ Тосканелли умеръ въ 1482 г., то, слѣдовательно, эта переписка относится къ періоду, когда Колумбъ еще не выступалъ со своими планами; ему не принадлежитъ, стало быть, и первая мысль объ экспедиціи на западъ. Идея его составилась изъ множества указаній, заимствованныхъ постепенно изъ различныхъ источниковъ; но окончательно проектъ созрѣлъ лишь послѣ письма Тосканелли.

Потерпѣвъ неудачу въ Португаліи, Колумбъ отправился въ Испанію, но и здѣсь судьба ему не благопріятствовала. Пришлось пускаться въ длинныя разсужденія, цитировать классиковъ, отцовъ церкви и Св. Писаніе. Наконецъ ему объявили, что вопросъ объ его планахъ можетъ быть обсужденъ только послѣ окончанія войны съ Гранадой. Онъ понялъ намекъ и собрался уже покинуть Испанію, какъ вдругъ въ судьбѣ его произошелъ неожиданный поворотъ. Пробираясь пѣшкомъ вдоль рѣки Тинто къ гавани Гуэльвѣ и ведя за руку своего малолѣтняго сына Діего, Колумбъ изнемогъ отъ усталости

и голода. Онъ постучался у воротъ францисканскаго монастыря Рабиды и просилъ хлѣба. Монахи пріютили его, и одинъ изъ нихъ — Хуанъ Пересъ де-Марчена обратилъ вниманіе на иностранный акцентъ путника. Онъ вступилъ съ нимъ въ разговоръ и къ удивленію своему увидѣлъ вскорѣ, что передъ нимъ не нищій, а человѣкъ съ необыкновенными замыслами, уже побывавшій при дворахъ испанскомъ и португальскомъ, но получившій всюду отказъ и собирающійся вовсе покинуть страну. Планъ его — плыть прямо по океану на западъ къ обильному золотомъ Сипангу и богатой пряностями Индіи, показался монаху новымъ и заманчивымъ, но не будучи въ состояніи вполнѣ усвоить идею странника, онъ пригласилъ изъ ближняго города врача, слывшаго знатокомъ астрономіи и космографіи. Этотъ послѣдній также заинтересовался разсказомъ Колумба и пришелъ къ заключенію, что проектъ вполнѣ основателенъ и достоенъ всякаго вниманія. Хуанъ Пересъ могъ оказать съ этомъ отношеніи большую услугу, ибо состоялъ духовникомъ королевы; онъ рѣшился обратиться къ ней съ письмомъ, въ которомъ горячо и настойчиво рекомендовалъ ей генуэзца Христофора Колумба.

Изабелла, супруга короля Фердинанда Арагонскаго, была выдающеюся женщиной; она уважала науки и искусства и приняла чужестранца подъ свое покровительство. Она послала Колумбу 53 червонца, чтобы дать ему возможность явиться ко двору въ приличномъ костюмѣ. При испанскомъ дворѣ давно уже съ завистью слѣдили за возрастающимъ могуществомъ сосѣдней Португаліи, владѣнія которой все увеличивались благодаря открытіямъ ея отважныхъ моряковъ. Генуэзца выслушали очень благосклонно, но осуществленіе его желаній было опять-таки поставлено въ зависимость отъ рѣшенія ученой комиссіи въ Саламанкѣ, передъ которою Колумбъ приглашался изложить свои доводы.

Мы уже знаемъ противорѣчивыя воззрѣнія, господствовавшія въ этомъ отношеніи у ученыхъ того времени.

Колумбъ естественно долженъ былъ встрѣтить ожесточенныхъ противниковъ, и споръ не замедлилъ перейти съ научной почвы на религіозную, такъ какъ духовные члены комиссіи находили его воззрѣнія несогласными съ Св. Писаніемъ и изреченіями отцовъ церкви. Это послужило поводомъ къ тому, что и самъ Колумбъ, религіозный по своей натурѣ, сталъ углубляться въ изученіе богословія и современемъ совершенно вдался въ мистицизмъ.

Рѣшеніе вопроса такимъ образомъ оттягивалось; а когда наконецъ доводы генуэзца все-таки получили одобреніе большинства комиссіи, то явились и новыя затрудненія. Дѣло въ томъ, что Колумбъ былъ чрезвычайно честолюбивъ и выговаривалъ себѣ неслыханныя награды и отличія на случай, если ему удастся открыть морской путь въ Индію. Правители Португаліи конечно также награждали своихъ изслѣдователей, возводя ихъ въ рыцарскій санъ и давая имъ небольшіе острова во владѣніе. Но Колумбу этого было мало. Онъ требовалъ для себя и своего потомства возведенія въ дворянское достоинство съ титуломъ „донъ", званія атлантическаго адмирала, титула вице-короля всѣхъ могущихъ быть открытыми странъ и наконецъ десятую долю всѣхъ казенныхъ доходовъ съ нихъ.

На эти требованія иностранца трудно было согласиться, и дѣло опять затянулось, пока наконецъ Колумбу не удалось привлечь на свою сторону канцлера кастильскаго казначейства. Расположеніе королевы не измѣнилось къ нему во время всѣхъ этихъ переговоровъ. Къ ней обратился теперь канцлеръ съ краснорѣчивой рекомендаціей предпріятія.

При дворѣ въ это время уже стали соглашаться на требованія Колумба, но въ казначействѣ не оказалось денегъ на снаряженіе трехъ кораблей съ провіантомъ на одинъ годъ; а потребная сумма составляла всего 5300 червонцевъ! Тогда Изабелла рѣшилась заложить свои брилліанты, но канцлеръ не допустилъ ее до этого

и предложилъ дать требуемую сумму изъ своихъ собственныхъ средствъ. Остальныя формальности были скоро улажены; 17-го апрѣля 1492 г. Колумбъ подписалъ договоръ съ правительствомъ, 30-го былъ ему выданъ патентъ, соотвѣтствовавшій всѣмъ его требованіямъ, а 23-го мая онъ прибылъ въ Палосъ для снаряженія своей эскадры. Вѣсть объ отважномъ и необычайномъ предпріятіи быстро разнеслась по городу. Океанъ въ тѣ времена не утратилъ еще своего устрашающаго обаянія на умы людей. Экспедиціи португальцевъ никогда не отдалялись отъ береговъ, а о поѣздкахъ норманновъ въ Исландію и Гренландію едва-ли кто слыхалъ на югѣ, такъ что большинство отступило передъ предложеніемъ пуститься въ неизвѣданную морскую даль. Не всѣ однакоже оказались такими боязливыми, и именно между вліятельнѣйшими моряками Палоса нашлись люди, съ убѣжденіемъ примкнувшіе къ планамъ Колумба. Это были три брата Пинсоны: Мартинъ Алонзо, Висенте Янесъ и Франсиско Мартинъ. Ихъ примѣръ подѣйствовалъ на другихъ, и вскорѣ набралось девяносто человѣкъ надежныхъ людей, изъ которыхъ и составился экипажъ Колумба — девяносто смѣльчаковъ, рѣшившихся слѣдовать за своимъ предводителемъ, хотя опасности, которыя ихъ ожидали, должны были имъ казаться тѣмъ страшнѣе, чѣмъ менѣе можно было составить себѣ объ нихъ представленіе.

ГЛАВА II.

Первое путешествіе Колумба.

3-е августа 1492 года — достопамятный день, когда Колумбъ вышелъ изъ гавани Палоса и началъ замѣчательнѣйшее изъ всѣхъ плаваній. Эскадра состояла изъ трехъ судовъ; самое большое изъ нихъ — „Св. Марія“, находилось, въ качествѣ адмиральскаго корабля, подъ

командою самого Колумба; вторымъ — „Пинтою“ начальствовалъ Мартинъ Алонзо Пинсонъ, а третье, самое малое, но наиболѣе быстроходное, „Нинья“ — было подъ управленіемъ Висента Пинсона.

Эскадра Колумба.

Чтобы понять планъ Колумба, намъ слѣдуетъ обратиться не къ современнымъ картамъ, а къ тѣмъ, которыя употреблялись непосредственно передъ открытіемъ Америки; по нимъ былъ направленъ курсъ его кораблей*). Выше было сказано, что по тогдашнимъ представленіямъ материкъ Азіи простирается такъ далеко на востокъ, что берега его не особенно удалены отъ западныхъ береговъ Европы. Въ срединѣ Атлантическаго океана полагалось 3 острова: св. Брандана, сѣвернѣе — Антилія,

*) Такая карта приложена въ концѣ книги.

а далѣе на западъ — Сипангу. По этимъ картамъ наивыгоднѣйшимъ исходнымъ пунктомъ для экспедиціи представлялись Канарскіе острова; отсюда надо было держать курсъ на Антилію, а далѣе на Сипангу. По нашимъ-же картамъ это какъ-разъ будетъ самый далекій путь въ Америку. Ирландія и Нью-Фаундлендъ или Сенегамбія и Южная Америка несравненно ближе другъ къ другу. Взявъ за исходную точку острова Азорскіе или Зеленаго мыса, Колумбъ гораздо скорѣе достигъ-бы Америки, такъ какъ путь его сократился-бы почти вдвое. Но тогда испанцамъ пришлось-бы открыть Флориду или Гвіану и не сразу попасть въ страны, гдѣ оказалось золото, и вся исторія заселенія Америки приняла-бы, быть можетъ, совсѣмъ иное направленіе.

Во время переѣзда къ Канарскимъ островамъ на „Пинтѣ“ случилось какое-то поврежденіе, задержавшее Колумба на 4 недѣли. Онъ оставилъ эти острова лишь 6-го сентября 1492 г., и съ того дня началось собственно путешествіе, въ продолженіе котораго отважные пловцы цѣлыхъ 32 дня видѣли только небо и океанъ.

Колумбъ все время держалъ курсъ на западъ, пользуясь попутнымъ сѣверо-восточнымъ пассатомъ; ближайшею цѣлью его былъ островъ Антилія. Однообразіе морскаго пути впервые было нарушено 16 сентября замѣчательнымъ явленіемъ, о которомъ самъ Колумбъ пишетъ слѣдующее: „Съ нынѣшняго дня море покрылось пучками травы такого свѣжаго вида, какъ будто они сорваны лишь недавно. Полагаемъ поэтому, что вблизи находится какой-нибудь островъ, такъ какъ до материка должно быть еще очень далеко“. На слѣдующій день признаки близости земли сдѣлались еще очевиднѣе. Морскія травы стали попадаться чаще и между водорослями повидимому встрѣчались и прѣсноводныя растенія, среди которыхъ былъ пойманъ даже живой ракъ. Вода на вкусъ казалась менѣе соленой; утромъ увидѣли бѣлую птицу, которую сочли за фаэтона, никогда не ночующаго въ морѣ. Показались небольшія рыбы въ родѣ тунцовъ и одна изъ нихъ была

даже поймана экипажемъ „Ниньи“; воздухъ былъ тихъ и пріятенъ, между матросами господствовало самое веселое настроеніе, и корабли наперерывъ старались обогнать другъ друга, чтобы заслужить королевскую награду, обѣщанную тому, кто первый увидитъ землю.

18 сентября общее возбужденіе еще усилилось, и честолюбивый Мартинъ Пинсонъ обогналъ на своей каравелѣ остальныя суда, такъ какъ твердо былъ увѣренъ, что еще въ ночь встрѣтитъ землю.

На слѣдующій день, 19 сентября, снова показались нѣкоторыя благопріятныя примѣты: встрѣтили пеликановъ, о которыхъ полагалось, что они никогда не удаляются отъ береговъ далѣе, чѣмъ на 20 миль; пошелъ дождь безъ вѣтра — и это тоже, по мнѣнію моряковъ, было вѣрнымъ признакомъ близости земли. Самъ адмиралъ думалъ, что проѣзжаетъ между островами, расположенными къ с. и ю. отъ его курса, и очень неохотно измѣнилъ его на сѣверо-западъ. По картѣ Тосканелли онъ долженъ былъ находиться въ это время вблизи острова Антиліи.

Но такъ же, какъ мнимая Антилія, всѣ эти признаки земли оказались ложными. Травы, плававшія въ морѣ, были тѣ громадныя скопленія водорослей, о которыхъ такъ долго толковали, пока наконецъ въ послѣднее время не удалось опредѣлить ихъ происхожденіе. Оторванныя волнами отъ родныхъ береговъ, онѣ далеко уносятся моремъ и успокоиваются наконецъ въ центрѣ водоворотовъ, описываемыхъ морскими теченіями, всплывая на поверхность съ помощью своихъ воздушныхъ пузырей. Эти массы пловучихъ водорослей получили названіе „Саргассовыхъ морей“. Онѣ мѣняютъ свое мѣсто, смотря по вѣтру и теченіямъ. Тамъ, гдѣ одинъ путешественникъ встрѣчаетъ пловучія водоросли, другой видитъ вокругъ себя лишь открытое море. Нѣсколько такихъ „Саргассовыхъ морей“ можно встрѣтить на прежнихъ картахъ, но въ послѣднее время ихъ большею частью не обозначаютъ, такъ какъ расположеніе они имѣютъ слишкомъ измѣнчивое и неопредѣленное, а зачастую существуютъ только въ вооб-

раженіи прежнихъ моряковъ. Тѣмъ не менѣе они имѣютъ нѣкоторый историческій интересъ. По всей вѣроятности о нихъ знали уже финикіяне, такъ какъ существуетъ старинное преданіе, что за Геркулесовыми столбами море имѣетъ густую, студенистую воду.

Но экипажъ сталъ упывать, когда, въ продолженіе слѣдующихъ дней, несмотря на обиліе водорослей, земля все еще не показывалась; одно обстоятельство въ особенности давало поводъ ко всеобщимъ опасеніямъ — это постоянный попутный вѣтеръ. Моряки стали серьезно опасаться, что въ этихъ мѣстахъ никогда не бываетъ вѣтра, попутнаго для возвращенія въ Испанію. Но 22 сентября онъ сразу измѣнился па юго-западный и пришлось лавировать на з.-с.-з. „Этотъ встрѣчный вѣтеръ", пишетъ Колумбъ, „былъ мнѣ очень кстати, такъ какъ люди мои стали тревожиться мыслью, что имъ никогда уже не вернуться въ Испанію".

25 сентября на бортъ адмиральскаго корабля прибылъ Мартинъ Алонзо Пинсонъ, чтобы возвратить карту Тосканелли, данную ему 3 дня тому назадъ. По этой картѣ суда должны были находиться вблизи острова Антиліи, и когда Мартинъ Алонзо къ вечеру вернулся на „Пинту", ему показалось, что онъ дѣйствительно видитъ вдали землю. Его люди запѣли Gloria in excelsis, на адмиральскомъ кораблѣ имъ вторили хоромъ, а на „Ниньѣ" всѣ влѣзли на мачты и снасти. Самъ Колумбъ также какъ будто различалъ вдали берега, но па утро оказалось, что всѣ были введены въ заблужденіе отдаленными облаками.

Желая поддержать бодрый духъ своего экипажа, Колумбъ уже съ 9 сентября употребилъ въ дѣло хитрость, единственную въ исторіи большихъ экспедицій. Въ корабельномъ журналѣ, доступномъ для всѣхъ, онъ намѣренно уменьшалъ число пройденныхъ миль, но въ тайномъ дневникѣ велъ имъ вѣрный счетъ. Перваго октября по тайной записи значилось 707 миль отъ Канарскихъ острововъ, а 3-го, когда корабли были еще миль на 60—70

западнѣе, Колумбъ былъ твердо увѣренъ, что уже миновалъ острова, означенные на картѣ Тосканелли.

Начался ропотъ; люди стали говорить, что генуэзецъ ведетъ ихъ къ погибели, но Колумбу удалось успокоить возбужденіе. 7 октября съ „Ниньи“ грянулъ пушечный выстрѣлъ и взвился флагъ, возвѣщавшій открытіе земли; но снова пришлось убѣдиться въ ошибкѣ. Причиною была вѣроятно награда въ 25 червонцевъ, назначенная королемъ тому, кто первый увидитъ землю. Рѣшено было, что тотъ, кто на будущее время подниметъ напрасную тревогу, навсегда лишается права на эту награду. 7-го октября курсъ былъ измѣненъ на юго-западный и предвѣстники земли стали учащаться съ каждымъ днемъ; 9-го пронесся, со свѣжимъ вѣтеркомъ, какъ бы ароматъ отдаленныхъ растеній; 11-го на „Пинтѣ“ выловили изъ моря стволъ тростника, колъ, дощечку, палочку съ нарѣзками и первыя свѣжія сухопутныя растенія, а на „Ниньѣ“ — вѣтвь съ ягодами. Къ ночи Колумбъ снова перемѣнилъ курсъ на западъ. „Въ 10 часовъ вечера“, пишетъ онъ въ дневникѣ, „я съ задней рубки разглядѣлъ огонекъ, но такъ неясно, что пригласилъ королевскаго постельничаго Педро Гутіереса взглянуть, не различитъ-ли и онъ этого огня; онъ замѣтилъ то-же, что и я. Тогда я сообщилъ объ этомъ казначею Родриго Санчесу, но тотъ ничего не могъ разглядѣть, такъ какъ съ его мѣста свѣтъ былъ невидимъ. Послѣ этого огонь явился еще раза два, напоминая неспокойное пламя свѣчи“.

Возбужденіе людей достигло высшей степени; впереди всѣхъ шла „Пинта“; мѣсяцъ поднялся на небосклонѣ, и въ 2 часа ночи на 12 октября одинъ матросъ ясно разглядѣлъ бѣлѣющее въ сіяніи луны прибрежье. Съ крикомъ: Tierra! Tierra! онъ бросился къ ближайшему орудію, чтобы дать условленный сигналъ.

Характернымъ для Колумба является обстоятельство, что онъ не уступилъ матросу его 25 червонцевъ, а получилъ ихъ самъ, такъ какъ онъ первый, ночью, замѣтилъ огонь и, стало-быть, первый увидѣлъ землю.

По вычисленіямъ и по картѣ Тосканелли Колумбъ долженъ былъ находиться теперь по близости острова Сипангу.

На разсвѣтѣ глазамъ испанцевъ предсталъ живописный, зеленѣющій островъ. Со слезами радости экипажъ пропѣлъ благодарственный гимнъ: „Te Deum laudamus“ и преклонился передъ своимъ заслуженнымъ вождемъ. Переѣздъ съ Канарскихъ острововъ потребовалъ 35 дней.

Когда разсвѣло, Колумбъ съ отрядомъ вооруженныхъ людей подъѣхалъ на лодкахъ къ острову, который получилъ отъ него наименованіе Санъ-Сальвадора, а у туземцевъ назывался Гванагани. Начиная съ этого момента, онъ былъ уже донъ Кристоваль Колонъ, адмиралъ и вице-король. Съ развѣвающимися знаменами, на которыхъ, рядомъ съ зеленымъ крестомъ, красовались инициалы католической царственной четы, испанцы ступили на берегъ, пали на колѣна и цѣловали землю. Островъ былъ торжественно взятъ во владѣніе короля и королевы Кастиліи. Вскорѣ явились и островитяне; Колумбъ встрѣтилъ ихъ ласково, одарилъ бубенчиками, пестрыми шапками, бусами и разными побрякушками; они предлагали въ обмѣнъ бумажную пряжу, свои дротики, попугаевъ и т. п. Колумбъ описываетъ ихъ слѣдующимъ образомъ: „Въ сущности они показались мнѣ народомъ довольно бѣднымъ. Они ходили совершенно нагіе, даже женщины, изъ которыхъ я видѣлъ впрочемъ только болѣе пожилыхъ, не моложе 30 лѣтъ. Фигуры ихъ стройны, черты лица симпатичны, а цвѣтомъ кожи, не слишкомъ свѣтлымъ и не слишкомъ темнымъ, они напоминаютъ обитателей Канарскихъ острововъ. Они имѣютъ обыкновеніе расписывать разными красками, — бѣлой, черной или иной, кто все тѣло, кто лицо, иные только носъ или окружность глазъ. Оружія у нихъ нѣтъ и оно имъ такъ мало знакомо, что иные хватались за лезвее моей шпаги и при этомъ рѣзали себѣ пальцы. Вмѣсто копій они имѣли просто шесты съ насаженнымъ на концѣ рыбьимъ зубомъ. Когда я разспрашивалъ нѣкоторыхъ о причинѣ ранъ на ихъ тѣлѣ, они

объяснили, что имъ приходится защищаться отъ сосѣднихъ островитянъ, которые нападаютъ на нихъ и уводятъ въ плѣнъ".

Однимъ только обладали туземцы, что для нихъ самихъ не могло имѣть особаго значенія, а въ испанцахъ, напротивъ, возбуждало самые алчные инстинкты: они въ видѣ украшеній носили въ носу небольшія золотыя бляхи, и испанцы не медля приступили къ выгодному для себя мѣновому торгу. На вопросъ, откуда у нихъ золото, туземцы указывали на юго-востокъ, и Колумбъ уже 14-го октября пустился далѣе, чтобы какъ можно скорѣе достигнуть Сипангу. Объѣзжая вокругъ низменнаго острова, Колумбъ увидѣлъ въ срединѣ его озеро; на берегу стояло нѣсколько хижинъ и обитатели ихъ, при видѣ проходившихъ кораблей, пали ницъ, воздѣвая руки къ небу. Испанцы думали, что это означаетъ приглашеніе выйти на берегъ; они еще не знали, что индѣйцы, въ своей наивности, приняли бѣлыхъ людей за сыновъ божественнаго солнца.

Началось плаваніе по вестъ-индскому морю въ сопровожденіи семи островитянъ съ Гванагани, которыхъ Колумбъ взялъ съ собою въ качествѣ проводниковъ. Уже на четвертый день послѣ прибытія въ Новый Свѣтъ онъ называетъ туземцевъ индѣйцами, такъ какъ твердо убѣжденъ, что достигъ острововъ, расположенныхъ у восточнаго прибрежья Азіи.

Въ теченіе слѣдующихъ дней были открыты небольшіе островки; Колумбъ далъ имъ имена — Св. Маріи, Фердинандины и Изабеллы. На послѣднемъ изъ нихъ онъ нашелъ лишь нѣсколько оставленныхъ хижинъ, но за то много благовонныхъ растеній и распорядился собрать грузъ пахучаго дерева.

„Въ эту пору" пишетъ Пешель, „періодъ дождей приближался къ концу и тропическая природа сіяла во всей своей свѣжести и роскоши. Колумбъ не перестаетъ восхищаться пѣніемъ птицъ, сравниваетъ теплый воздухъ Индіи съ андалузской весною, любуется богатствомъ рас-

тительности въ лѣсахъ, оживленныхъ стаями попугаевъ. Всякій островъ кажется ему лучше предъидущаго и прелестнѣе всего, что онъ когда-либо видѣлъ. Опьяненный успѣхомъ, онъ уже видитъ дорогія растенія въ лѣсахъ, жемчужныя раковины въ прозрачномъ морѣ, блестки золота въ пескѣ рѣкъ, и передъ нимъ на яву осуществляются самыя смѣлыя мечты о счастливой Индіи“.

28 октября эскадра вступила въ устье прекрасной рѣки на сѣверномъ берегу Кубы и Колумбъ пришелъ теперь окончательно къ убѣжденію, что онъ достигъ Сипангу. И здѣсь къ туземцамъ приступили съ разспросами о томъ, откуда они достаютъ золото; въ отвѣтъ они говорили только слово „Куба наканъ“, что на ихъ языкѣ означало внутренность Кубы; испанцы же поняли это какъ „ханъ Кубы“ и заключили, что видятъ предъ собою подданныхъ богдыхана. Въ дневникѣ своемъ, отъ 1 ноября, Колумбъ пишетъ: „Куба — это материкъ Азіи; мы теперь на разстояніи около 100 испанскихъ миль отъ Зайтона и Квинзая“. Въ дневникѣ есть и странная замѣтка, что Колумбу до сихъ поръ еще не попадались сирены. Объясненіе мы находимъ на тогдашнихъ картахъ: такъ на глобусѣ Бегайма, между островами на з. отъ Сипангу, имѣется надпись, что „въ этихъ мѣстахъ встрѣчается много морскихъ чудовищъ, сиренъ и иныхъ рыбъ“.

Рѣшено было снарядить посольство къ самому богдыхану. Съ Колумбомъ пріѣхалъ ученый еврей Люисъ де Торресъ, который, кромѣ своего языка, зналъ по-халдейски и даже немного по-арабски. Ему-то пришлось теперь взять на себя обязанность переводчика и отправиться внутрь страны, въ сопровожденіи испанца Родриго де-Переса и двухъ индѣйцевъ. Они имѣли порученіе передать правителю письма отъ короля Испаніи и вмѣстѣ съ тѣмъ навести справки относительно имѣющихся въ странѣ пряностей; съ этою цѣлью ихъ снабдили образцами различныхъ подобныхъ веществъ.

Углубившись внутрь страны миль на 12, послы эти пришли въ мѣстечко домовъ въ 50 съ населеніемъ до

1000 душъ. Туземцы встрѣтили ихъ съ большимъ почтеніемъ, сочли за пришельцевъ съ неба и цѣловали у нихъ руки и ноги; обитательницы Кубы, какъ нынѣшнія негритянки, съ любопытствомъ разглядывали свѣтлую кожу пришельцевъ. Послы убѣдились вскорѣ, что никакого хана здѣсь не было; не пашлось также и желанныхъ пряностей. Когда они показали туземцамъ свои образчики, тѣ стали указывать на югъ. На обратномъ пути чрезъ воздѣланныя ямсомъ и перцемъ поля, послы впервые познакомились съ растеніемъ, которому предстояло впослѣдствіи получить въ торговлѣ несравненно большее значеніе, нежели всѣмъ пряностямъ Индіи. Въ толпѣ сопровождавшихъ любопытныхъ нѣкоторые имѣли при себѣ горячіе уголья и какія-то травы, завернутыя въ сухой листъ, въ видѣ патрона. Они зажигали ихъ съ одного конца, а съ другаго тянули въ себя дымъ. Патроны эти у нихъ назывались „tabacos“, а впослѣдствіи названіе перешло и на самую траву.

На Кубѣ Колумбъ узналъ, что вблизи есть богатый золотомъ островъ Бабеке и рѣшилъ направиться туда: но уѣзжая, онъ приказалъ схватить пятерыхъ ничего не подозрѣвавшихъ туземцевъ и нѣсколькихъ женщипъ, такъ какъ въ Гвинеѣ онъ слышалъ отъ португальскихъ рабовладѣльцевъ, что невольники съ женами бываютъ обыкновенно гораздо послушнѣе.

Путешествіе къ острову Бабеке вначалѣ было замедлено противными вѣтрами; но когда Мартинъ Алонзо тайно покинулъ эскадру, чтобы на „Пинтѣ“ первому добраться до золотоносной страны, Колумбъ напрягъ всѣ усилія и 6 декабря достигъ острова Гаити, который онъ назвалъ Испаньолой. Гаити показался ему еще лучше Кубы. Онъ описываетъ его такъ: „Горы, долины и луга этого острова роскошны. Здѣсь можно воздѣлывать какія угодно растенія, развести всякаго рода скотъ, основать селенія и города; берега изобилуютъ гаванями; всего же прекраснѣе многочисленныя рѣки, въ пескѣ которыхъ большею частью есть золото“. И затѣмъ опъ добавляетъ:

„О, если бы Господь, въ своей благости, сподобилъ меня разыскать золотыя розсыпи!“

Туземцы, которыхъ Колумбъ взялъ съ собою, предупреждали, что населеніе Гаити состоитъ изъ людоѣдовъ. Они называли ихъ „карибами“, адмиралу же послышалось „канибы“, а изъ этого впослѣдствіи произошло слово „канибалы“. „Каниба“, пишетъ онъ отъ 11 декабря въ своемъ дневникѣ, „можетъ означать только народы монгольскаго хана, и столица его, навѣрное, находится недалеко. По всей вѣроятности онъ высылаетъ корабли для захвата невольниковъ, а такъ какъ туземцы никогда уже не встрѣчаютъ своихъ увезенныхъ собратій, то и думаютъ, что ихъ съѣли. Такимъ образомъ я съ каждымъ днемъ все лучше узнаю этихъ индѣйцевъ, и они пріучаются лучше понимать насъ“.

На островѣ Гаити Колумбъ еще разъ былъ введенъ въ заблужденіе сходствомъ звуковъ. Какая-то мѣстность называлась здѣсь Сибао, а такъ какъ онъ, по примѣру Тосканелли, писалъ „Сипанго“ вмѣсто „Сипангу“, то онъ и принялъ это Сибао за Сипанго.

24 декабря, наканунѣ Рождества, съ Колумбомъ случилась большая бѣда. Утомленный долгимъ плаваніемъ и не спавши двѣ ночи сряду, адмиралъ, понадѣявшись на тихую погоду, сошелъ отдохнуть въ свою каюту, оставивъ на вахтѣ штурмана; но и этотъ, также усталый, прилегъ и довѣрилъ руль неопытному юнгѣ. Кончилось тѣмъ, что въ полночь „Св. Марія“ сѣла на мель. Адмиралъ выскочилъ первый, какъ только началась тревога; корабль можно было еще спасти, но часть людей, не слушая приказаній, бросилась въ лодку и поплыла къ „Ниньѣ“, шедшей въ полумилѣ разстоянія. Тамъ ихъ однако не приняли, а напротивъ имъ энергично напомнили ихъ обязанности и сами выслали лодку на помощь адмиральскому кораблю. Но этотъ послѣдній погибъ уже окончательно: съ наступленіемъ отлива онъ сталъ клониться на бокъ и понемногу наполнился водою. Къ счастью море и въ слѣдующіе дни оставалось совершенно спокой-

нымъ, такъ что грузъ можно было свезти на берегъ. Индѣйцы, съ которыми Колумбъ завязалъ уже ранѣе дружественныя сношенія, также пришли на помощь и помогали при разгрузкѣ, а вождь ихъ Гваканагари распорядился охраною спасеннаго имущества.

Мартинъ Алонзо Пинсонъ со своею „Пинтою“ все еще не возвращался и крушеніе „Св. Маріи“ грозило самыми гибельными послѣдствіями, такъ какъ на тѣсной „Ниньѣ“ всему экипажу невозможно было пуститься въ обратный путь. Но вскорѣ испанцы утѣшились и въ самомъ несчастіи увидѣли перстъ Провидѣнія: берега, у которыхъ погибъ корабль, были еще богаче всѣхъ прежнихъ, индѣйцы оказались народомъ добродушнымъ и услужливымъ, а золота у нихъ нашлось еще больше, чѣмъ у посѣщенныхъ ранѣе племенъ, такъ что въ короткое время удалось совершить очень выгодныя мѣновыя сдѣлки. Колумбъ рѣшилъ поэтому основать здѣсь первое поселеніе въ Новомъ Свѣтѣ, и многіе матросы выразили желаніе остаться, надѣясь на скорое обогащеніе. Уже на второй день праздника адмиралъ писалъ: „Надѣюсь, что съ Божьей помощью, когда вернусь сюда изъ Кастиліи, найду здѣсь цѣлую бочку золота, которую остающіеся должны будутъ намѣнять, а также, что имъ удастся разыскать самыя розсыпи и такое множество пряностей, что не пройдетъ и трехъ лѣтъ, какъ король и королева будутъ въ состояніи предпринять походъ для освобожденія Іерусалима; ибо всегда было моимъ намѣреніемъ — свидѣтельствую это передъ вашимъ величествомъ — доставить моими стараніями средства для освобожденія Гроба Господня“.

Изъ обломковъ „Св. Маріи“ была построена на берегу крѣпостца, гарнизонъ которой составили 40 испанцевъ подъ начальствомъ трехъ офицеровъ: Діего де-Арана, Педро Гутіересъ и Родриго де-Эсковедо. Первые поселенцы были почти все матросы, но адмиралъ распорядился оставить съ ними и нѣсколько ремесленниковъ — плотника, портнаго, оружейника, а также врача. Онъ

оставилъ имъ и лодку для продолженія изысканій вдоль береговъ, снабдилъ ихъ оружіемъ и порохомъ, запасомъ сухарей на цѣлый годъ и всѣмъ оставшимся у него товаромъ для мѣновой торговли. Въ память дня несчастнаго событія онъ назвалъ это первое поселеніе „Навидадъ", т.-е. Рождество Христово.

Когда крѣпостца была готова, Колумбъ велѣлъ произвести пальбу и военные маневры, чтобы устрашить индѣйцевъ и дать имъ понятіе о могуществѣ новыхъ поселенцевъ.

4 января „Нинья" оставила Навидадъ. Колумбъ въ началѣ имѣлъ намѣреніе покинуть Новый Свѣтъ лишь въ апрѣлѣ, но теперь сталъ торопиться. Мартинъ Алонзо Пинсонъ не возвращался и адмиралъ началъ опасаться, чтобы тотъ не вернулся одинъ въ Испанію, не возбудилъ тамъ противъ него дворъ и самъ не воспользовался плодами новаго открытія. Но уже 6 января показались на горизонтѣ паруса „Пинты". Корабли сошлись и Мартинъ Алонзо представилъ дѣло такъ, что будто-бы противные вѣтры заставили его по неволѣ отдѣлиться отъ эскадры. Колумбъ сдѣлалъ видъ, что вѣритъ словамъ честолюбиваго моряка и оба корабля вмѣстѣ продолжали путь.

Извѣстія, собранныя Мартиномъ Алонзо на Кубѣ, были въ высшей степени важны. Онъ узналъ, что можно оттуда въ 10 дней доѣхать на лодкѣ до какого-то материка, гдѣ люди носятъ одежду. Туземцы разумѣли при этомъ Юкатанъ, жители котораго стояли на высокой степени цивилизаціи; для Колумба страна эта могла быть только Индіей. Замѣчательно, что позднѣйшія экспедиціи совершенно упустили изъ виду это важное обстоятельство. Пинсонъ открылъ также на сѣверномъ берегу Испаньолы рѣку, на берегахъ которой ему удалось вступить въ очень прибыльную сдѣлку съ индѣйцами: онъ получилъ отъ нихъ слитки золота въ два пальца длиною.

8 января сбылось наконецъ одно изъ самыхъ завѣтныхъ желаній Колумба: когда люди его стали въ устьѣ какой-то рѣки наливать свои боченки прѣсной водой,

въ пескѣ оказались блестки золота въ такомъ изобиліи, что даже на ободьяхъ бочекъ замѣтна была металлическая пыль. Колумбъ назвалъ эту рѣку „Rio del oro“. Дня черезъ два онъ достигъ того мѣста, гдѣ Пинсонъ такъ выгодно торговалъ съ индѣйцами.

12 января корабли пришли въ заливъ Саману у сѣверныхъ береговъ Гаити. Здѣсь испанцы впервые встрѣтили карибовъ, какъ разъ во время ихъ переселенія на Антильскіе острова. Въ противоположность мирнымъ туземцамъ, это было воинственное племя, вооруженное луками и стрѣлами. Здѣсь-же произошло и первое враждебное столкновеніе съ индѣйцами, изъ которыхъ двое были тяжело ранены. Стороны впрочемъ опять помирились и 16 января Колумбъ пустился въ обратный путь въ Испанію.

Погода оставалась благопріятною до 12 февраля, но затѣмъ поднялась буря, продолжавшаяся нѣсколько дней. Въ ночь на 14 число „Пинта“ скрылась изъ виду, а подъ утро опасность достигла высшей степени. По обычаю тогдашняго времени за избавленіе отъ гибели давался обѣтъ сходить на богомолье. Дѣло это рѣшалось жребіемъ, и самому адмиралу два раза досталась отмѣченная крестомъ горошина. Колумбъ терзался въ то-же время мыслью, что въ случаѣ гибели корабля, извѣстіе объ открытіи его не дойдетъ до Европы, а можетъ быть вся честь и выгода достанутся на долю болѣе счастливаго Мартина Алонзо. Онъ изготовилъ записку на пергаментѣ, велѣлъ ее упаковать наглухо въ боченокъ и бросить за бортъ, а копію въ другомъ боченкѣ поставить на палубѣ.

Море наконецъ утихло и вдали показалась земля, которую одни приняли за берега Португаліи, другіе за Азорскіе острова, а иные за Мадейру. Самъ Колумбъ основательно разсчитывалъ пристать къ Азорскимъ островамъ, но уже заранѣе намѣренно постарался сбить съ толку своихъ кормчихъ. Очень характерна замѣтка въ его дневникѣ: „Я постоянно съ намѣреніемъ преувеличивалъ пройденныя разстоянія, чтобы спутать моряковъ на картѣ и

сохранить за собою тайну пути на западъ; и это мнѣ удалось сдѣлать такъ искусно, что теперь никто уже не укажетъ съ достовѣрностью пути въ Индію“.

„Нинья“ подошла къ Азорскому острову Св. Маріи; половина экипажа сошла на берегъ, чтобы въ часовнѣ возблагодарить Богоматерь за свое спасеніе. Но губернаторъ велѣлъ неожиданно окружить и арестовать молившихся: португальцы предполагали, что эти люди возвращаются изъ Гвинеи, считавшейся тогда ихъ владѣніемъ. Когда дѣло объяснилось, матросы были освобождены, и 24 февраля Колумбъ поплылъ въ Европу. Но 3 марта „Ниньѣ“ опять пришлось выдержать страшную бурю, во время которой у нея сорвало всѣ паруса; но и эта опасность миновала благополучно и наконецъ экипажъ съ восторгомъ увидѣлъ высокія горы Синтры у устьевъ Тахо. Колумбъ вошелъ въ гавань Лиссабона и попросилъ аудіенцію у короля Іакова II. Теперь онъ совершилъ то, что прежде въ Лиссабонѣ считали несбыточной мечтою, но португальцы съумѣли скрыть свою тайную досаду и Колумбъ былъ принятъ благосклонно, даже торжественно. Нѣкоторые придворные кавалеры вызвались-было затѣять ссору съ испанскимъ адмираломъ, чтобы при этомъ случаѣ убить его; но король съ негодованіемъ отвергъ это предложеніе и милостиво отпустилъ Кулумба, назначивъ штурману „Ниньи“ въ подарокъ 20 червонцевъ.

15 марта Колумбъ былъ уже передъ Палосомъ и въ тотъ же день пришелъ туда и Мартинъ Алонзо Пинсонъ на „Пинтѣ“.

Честолюбію Пинсона былъ между тѣмъ нанесенъ страшный ударъ. Его корабль принесло бурею къ западнымъ берегамъ Галисіи; высадившись, онъ тотчасъ же отправилъ королю извѣстіе о своемъ благополучномъ возвращеніи и просьбу объ аудіенціи; но ему дали подобающій отвѣтъ, что онъ будетъ принятъ только въ свитѣ своего адмирала. Этого удара онъ не могъ снести и вскорѣ умеръ отъ огорченія. Нельзя не признать, что онъ былъ

Встрѣча Колумба въ Барселонѣ.

самымъ выдающимся изъ всѣхъ спутниковъ великаго генуэзца и своею отвагою и опытностью много способствовалъ его успѣхамъ. Его самовольная экспедиція въ Гаити показываетъ, что въ дѣлѣ изысканія новыхъ путей и искусствѣ собиранія справокъ онъ нисколько не уступалъ своему адмиралу. Заслуги его впослѣдствіи были признаны и испанскимъ правительствомъ, которое даровало его потомкамъ дворянское достоинство.

Колумбъ приглашенъ былъ ко двору, въ то время находившемуся въ Барселонѣ. Путь его по Испаніи былъ настоящимъ тріумфальнымъ шествіемъ — и онъ явился предъ королевскою четою въ публичной аудіенціи на площади города въ сопровожденіи индѣйцевъ, которые несли самыя цѣнныя изъ произведеній Вестъ-Индіи. Самъ король предложилъ ему кресло, что было величайшею почестью того времени. Всѣ выговоренныя имъ для себя привилегіи были вновь подтверждены и правительство немедленно приступило къ снаряженію новой экспедиціи.

Какое-же впечатлѣніе произвело въ Европѣ открытіе Новаго Свѣта?

Между учеными нашлись люди, не соглашавшіеся съ мнѣніями Колумба о величинѣ земнаго шара и сомнѣвавшіеся въ принадлежности къ Азіи вновь открытыхъ острововъ. Рѣшить этотъ вопросъ было тѣмъ труднѣе, что Колумбъ держалъ въ тайнѣ данныя о ихъ географическомъ положеніи; онъ хотѣлъ одинъ пользоваться выгодами своего открытія. Дневникъ свой онъ, въ качествѣ секретнаго документа, отдалъ на сохраненіе самой королевѣ и ни за что не соглашался начертить карту своего путешествія, такъ что еще 5 сентября, незадолго до его вторичнаго отъѣзда, Фердинандъ и Изабелла тщетно просили у него указаній, подъ какою широтою и долготою находятся вновь открытыя земли. Такъ мало было извѣстно самимъ монархамъ о мѣстоположеніи ихъ собственныхъ новыхъ владѣній!

Настоящая цѣль экспедиціи въ сущности также еще не была достигнута; Колумбъ не нашелъ богатыхъ и

многолюдныхъ городовъ Востока, не привезъ съ собою драгоцѣнныхъ пряностей; онъ восхвалялъ лишь выгоды, которыя могутъ со временемъ доставить новые острова, ихъ мягкій климатъ, плодородіе почвы, золотоносные пески и розсыпи, и даже на краснокожихъ не стѣснялся смотрѣть какъ на источникъ дохода; онъ высказалъ мысль, что всѣхъ туземцевъ слѣдовало-бы обратить въ невольниковъ.

Самое сильное впечатлѣніе открытія Колумба произвели конечно въ Португаліи, для которой совершенно неожиданно явился на Атлантическомъ океанѣ грозный соперникъ. Вначалѣ португальцы намѣревались-было силою заставить испанцевъ отказаться отъ продолженія ихъ экспедицій на западъ, но затѣмъ, при посредствѣ папы, состоялся раздѣлъ всѣхъ еще неоткрытыхъ земель между обѣими націями. Была установлена извѣстная демаркаціонная линія, проходившая по меридіану на разстояніи 100 миль къ западу отъ острововъ Зеленаго мыса и дѣлившая всю землю на двѣ половины — испанскую и португальскую. Все, что лежало къ западу отъ этой черты, предназначалось Испаніи, а къ востоку — Португаліи. Пограничный меридіанъ былъ вскорѣ перенесенъ на 360 миль къ западу отъ острововъ Зеленаго мыса, но оставался всегда величиною неопредѣленной, такъ какъ положеніе его никогда не было установлено съ точностью.

Общеизвѣстнымъ открытіе Колумба стало чрезъ посредство летучихъ листковъ, замѣнявшихъ въ то время газеты. Первымъ такимъ листкомъ явился въ Римѣ въ 1493 году латинскій переводъ письма, адресованнаго Колумбомъ королевскому казначею Рафаэлю Сансисъ.

Такъ какъ Колумбъ не далъ карты своихъ открытій и даже намѣренно скрывалъ подробности своего маршрута, то и нельзя было долгое время доискаться, который именно изъ многочисленныхъ вестъ-индскихъ острововъ былъ островъ Гванагани или Санъ-Сальвадоръ. По наиболѣе достовѣрнымъ догадкамъ, это есть нынѣшній островъ Уатлингъ. Багамская группа, бывшая первымъ его открытіемъ, состоитъ изъ 12 большихъ и свыше 600 мелкихъ

острововъ, растянутыхъ на протяженіи 1000 верстъ между Флоридою и Гаити. Это низменные, коралловые острова, покрытые лѣсомъ, но по большей части лишенные прѣсной воды; озера, имѣющіяся на нѣкоторыхъ изъ нихъ, находятся въ связи съ моремъ и имѣютъ солоноватую воду. Единственное произведеніе этихъ острововъ — цѣнныя породы деревьевъ — не особенно привлекало вниманіе испанцевъ; золота-же и пряностей на нихъ не было. Къ тому-же плаваніе между этими островами, по причинѣ безчисленныхъ подводныхъ скалъ, далеко не безопасно. Всѣмъ этимъ достаточно объясняется, почему позднѣйшіе изслѣдователи оставили эти острова въ сторонѣ и Санъ-Сальвадоръ по немногу забылся. Даже самъ Колумбъ на немъ не побывалъ вторично.

ГЛАВА III.

Второе путешествіе Колумба и первая попытка кругосвѣтнаго плаванія.

Колумбъ находился на верху славы, когда предпринялъ свое второе путешествіе на Западъ. Его вдохновенные разсказы о богатствахъ вновь открытыхъ земель и возбужденныя ими ожиданія привлекли къ нему добровольцевъ изъ всѣхъ слоевъ общества; правительство на этотъ разъ также не поскупилось. Годъ тому назадъ онъ вышелъ изъ гавани Палоса съ тремя небольшими судами, изъ которыхъ два не имѣли даже настоящей палубы; теперь онъ, какъ адмиралъ, стоялъ во главѣ цѣлаго флота изъ 14 каравелъ и 3-хъ транспортныхъ судовъ, и войско въ 1200 человѣкъ готовилось сопровождать его изъ Кадиса въ Новый Свѣтъ.

Цѣли, которыми Колумбъ задался на этотъ разъ, были двоякаго рода. Въ качествѣ вице-короля онъ желалъ удержать и разработать свою первую находку; въ качествѣ изслѣдователя, онъ собирался продолжать путь отъ

Испаньолы далѣе на западъ, посѣтить Китай и Индію и возвратиться домой вокругъ Африки: онъ задумалъ кругосвѣтное плаваніе. Запасами для своей будущей колонизаторской дѣятельности онъ былъ снабженъ въ изобиліи. На корабляхъ находился цѣлый грузъ сѣмянъ всевозможныхъ хлѣбныхъ растеній, овощей и винограда, а также множество разнообразныхъ домашнихъ животныхъ, предназначавшихся для разведенія на островахъ. Колумбъ хорошо понималъ, что европейскимъ переселенцамъ было-бы трудно довольствоваться тою пищею, къ которой привыкли туземцы, и опытъ показалъ, что европейскія растенія и животныя отлично прижились въ своемъ новомъ отечествѣ. Испаньола, гдѣ до прибытія Колумба не существовало сколько-нибудь крупнаго звѣря, через сто лѣтъ стала настоящимъ раемъ для охотниковъ. Табуны одичалыхъ лошадей и огромныя стада рогатаго скота паслись на степныхъ равнинахъ острова, а дикія свиньи во множествѣ бродили по лѣсамъ и полямъ. Долгіе годы эти животныя могли служить источникомъ благосостоянія для переселенцевъ, и жизнь ихъ была тѣмъ привольнѣе, что охотиться за ними могли только европейцы, такъ какъ туземцы вскорѣ послѣ открытія острова были совершенно истреблены.

Флотъ вышелъ изъ гавани острова Ферро 13 октября. На этотъ разъ Колумбъ взялъ курсъ южнѣе, такъ что пользовался все время попутнымъ сѣверо-восточнымъ пассатомъ и переплылъ океанъ въ 20 дней. Погода была благопріятна, и весь флотъ привѣтствовалъ священными гимнами землю, показавшуюся на разсвѣтѣ. Первый островъ, встрѣченный Колумбомъ, лежалъ на 8°—9° южнѣе Санъ-Сальвадора и получилъ названіе „Доминики“; это былъ одинъ изъ Малыхъ Антильскихъ острововъ. Въ скоромъ времени открытъ былъ еще другой островъ, прозванный „Маріагаланте“ по имени адмиральскаго корабля; оба были покрыты роскошной растительностью и вполнѣ соотвѣтствовали восторженнымъ описаніямъ Колумба. На третьемъ островѣ — „Гваделупѣ“

испанцы получили первое понятіе о туземномъ населеніи. Среди пышнаго тропическаго лѣса они нашли деревню, только-что покинутую жителями и адмиралъ съ радостью замѣтилъ, что постройки хижинъ и видъ домашней утвари указывали на болѣе высокую степень культуры, нежели та, которую онъ раньше встрѣтилъ на Багамскихъ островахъ, на Кубѣ и Гаити; но ужасъ охватилъ испанцевъ, когда между оставленными объѣдками они увидали человѣческія кости: обитатели этихъ островов были людоѣды. То-же самое повторялось и на другихъ островахъ до самаго восточнаго изъ Большихъ Антильскихъ — Порто-Рико; здѣсь кончались селенія карибовъ. У береговъ Гваделупы, къ великому удивленію, были найдены обломки какого-то европейскаго корабля, а на самомъ островѣ подъ покровительство бѣлыхъ людей отдались два мальчика и шесть женщинъ — невольники карибовъ, воспользовавшіеся удобною минутою для бѣгства. Родина ихъ была на островѣ Порто-Рико, и отсюда Колумбъ направился къ своей колоніи Навидадъ на Испаньолѣ. Онъ ѣхалъ въ твердой увѣренности, что поселенцы успѣли уже намѣнять массу золота и разыскать золотыя розсыпи; спутники его были одушевлены тою-же надеждою. Но по мѣрѣ того, какъ они подвигались вдоль береговъ Испаньолы, имъ стали попадаться все болѣе тревожныя примѣты. Миляхъ въ 12 отъ Навидада они увидѣли въ травѣ на берегу два обнаженные, уже разложившіеся трупа съ веревками на шеѣ и на ногахъ, а чрезъ два дня послѣ того — еще два трупа, хотя и испортившіеся до неузнаваемости, но у одного изъ нихъ была борода, а это было плохимъ признакомъ, такъ какъ островитяне всѣ были безбороды. Къ вечеру 27-го ноября Колумбъ былъ въ виду Навидада, но побоялся высадиться въ темнотѣ и велѣлъ возвѣстить о своемъ прибытіи пушечною пальбою. Сверхъ ожиданія, съ берега не послѣдовало отвѣтнаго салюта: тамъ царили мракъ и мертвая тишина. Къ утру показалась лодка съ туземцами; они вызвали адмирали и поднесли ему нѣсколько подарковъ.

На всѣ вопросы объ испанскихъ колонистахъ послѣдовали смущенные, сбивчивые отвѣты: иные будто-бы умерли отъ болѣзней, другіе погибли въ междоусобіи, остальные живы. Туземцы добавили, что и ихъ земля опустошена набѣгомъ сосѣднихъ вождей Каонабо и Майрени, самъ начальникъ ихъ Гваканагари лежитъ раненый и поэтому не могъ выѣхать навстрѣчу адмиралу.

Когда Колумбъ со своими спутниками вышелъ на берегъ, глазамъ ихъ представилась страшная картина разрушенія: крѣпостца была выжжена до тла, а въ густой травѣ валялись тѣла одиннадцати испанцевъ; туземцы должны были наконецъ признаться, что и всѣ остальные переселенцы погибли. Колумбъ съ вооруженною свитою отправился къ раненому Гваканагари; врачъ осмотрѣлъ его, но не нашелъ никакого поврежденія. Начальникъ подтвердилъ прежній разсказъ и добавилъ, что такъ какъ испанцы во время своихъ экскурсій по острову успѣли пересориться съ туземнымъ населеніемъ, то вождь Каонабо осадилъ ихъ крѣпостцу, взялъ ее приступомъ и перебилъ весь гарнизонъ. Много-ли было правды въ этомъ разсказѣ — такъ и не удалось добиться, ибо на слѣдующій день всѣ туземцы скрылись.

Прошло три мѣсяца, пока выбрано было мѣсто для новаго поселенія и построена была крѣпостца „Изабелла“, а между тѣмъ новые колонисты уже успѣли испытать на себѣ вліяніе тропическаго климата; самъ адмиралъ заболѣлъ лихорадкою. 12 кораблей отправили обратно въ Испанію, чтобы отвезти домой больныхъ и вернуться съ запасомъ свѣжаго провіанта; новая колонія еще не могла держаться собственными средствами.

Золота для отсылки въ Европу у Колумба также еще не было, но онъ нашелъ другое средство покрыть расходы своей колоніи. „Необходимо ежегодно“, писалъ онъ королю, „присылать сюда скотъ, жизненные припасы и все, что относится къ потребностямъ земледѣлія, по цѣнамъ возможно умѣреннымъ; а стоимость транспортовъ окупится вывозомъ невольниковъ, для чего особенно мо-

гутъ быть пригодны карибы по своей силѣ, ловкости и смышлености. Я велѣлъ приступить къ постройкѣ гребныхъ судовъ и надѣюсь, что можно будетъ наловить карибовъ въ большомъ числѣ".

Въ то-же время Колумбъ готовился къ походу во внутренность острова и 16 марта выступилъ съ развѣвающимися знаменами и военной музыкой въ сопровожденіи своей конницы для изслѣдованія горной страны Сибао. Путь велъ по чрезвычайно живописной мѣстности къ рѣкѣ Сибу, впослѣдствіи прославленной не менѣе, чѣмъ въ нашъ вѣкъ калифорнская рѣка Сакраменто. Когда Колумбъ увидѣлъ золотоносные ручьи, онъ былъ увѣренъ, что открылъ землю Офиръ царя Соломона. Сопровождавшій его врачъ Чанка пишетъ: „Съ начала міра никто еще не видалъ такого чуда. Золота столько, что всѣ будутъ изумлены. Можете считать меня за мечтателя, но клянусь Богомъ, что нисколько не преувеличиваю".

Въ новомъ Офирѣ заложили крѣпостцу „Св. Ѳомы" и оставили гарнизонъ изъ 52 солдатъ подъ начальствомъ арагонскаго рыцаря Педро Маргарита. Колумбъ, очень обрадованный своимъ открытіемъ, вернулся въ Изабеллу, назначилъ губернаторомъ своего брата Діэго, а самъ отправился въ новое путешествіе — на разысканіе пути въ Китай.

На этотъ разъ онъ посѣтилъ Ямайку и изслѣдовалъ южные берега Кубы до западной оконечности острова, но ничего замѣчательнаго не открылъ. Воинственныхъ обитателей Ямайки онъ отразилъ съ помощью своихъ собакъ и огнестрѣльнаго оружія. Любуясь красотою береговъ юго-западной части Кубы, онъ назвалъ этотъ островъ „Садомъ Королевы". Сходство названій и здѣсь ввело его въ заблужденіе; онъ узналъ, что близъ взморья живетъ начальникъ по имени Магонъ, а такъ какъ Магономъ назывался царь страны Манги (Китая), то онъ и принялъ Кубу за полуостровъ Малакку. Если бы онъ проѣхалъ еще нѣсколько миль въ западномъ направленіи, то легко могъ-бы убѣдиться въ томъ, что Куба есть

островъ; но корабли его были сильно повреждены и ему пришлось уже здѣсь закончить свое кругосвѣтное плаваніе; предварительно онъ заставилъ однако своихъ спутниковъ подписать протоколъ, что они были въ провинціи Манго. Это было 12 іюня 1494 года.

На обратномъ пути въ Изабеллу эскадра должна была выдержать страшную бурю. Во время этого путешествія, въ продолженіе котораго Колумбъ успѣлъ изслѣдовать всѣ Большіе Антильскіе острова, кромѣ Кубы, онъ серьезно заболѣлъ отъ чрезмѣрнаго напряженія и безсонницы — онъ не спалъ 32 ночи и наконецъ впалъ въ глубокій сонъ, въ родѣ обморока, такъ что экипажъ поспѣшилъ скорѣе вернуться въ Изабеллу. Тамъ Колумба ожидали и хорошія и дурныя вѣсти.

Пріятною для него новостью былъ неожиданный пріѣздъ его брата Варѳоломея, который выѣхалъ изъ Англіи въ Испанію, когда разнеслась вѣсть объ открытіяхъ Колумба, былъ милостиво принятъ королемъ и отправленъ съ тремя кораблями на помощь экспедиціи. Это былъ человѣкъ энергическій, вполнѣ способный привести въ порядокъ дѣла новой колоніи.

За-то въ средѣ самихъ переселенцевъ господствовало всеобщее недовольство. Большинство ожидало совершенно иной жизни, разсчитывая предаться въ этомъ „раю“ всевозможнымъ наслажденіямъ, а вмѣсто того они нашли только лишенія и усиленный трудъ. Многіе вернулисъ въ Испанію на корабляхъ Варѳоломея; другіе стали позволять себѣ относительно туземцевъ всякаго рода вымогательства и оскорбленія. Необузданность солдатъ вызвала въ свою очередь сопротивленіе со стороны индѣйцевъ и самые могущественные вожди ихъ заключили между собою союзъ, чтобы общими силами истребить чужеземныхъ завоевателей. Во главѣ союза стоялъ тотъ-же самый Каонабо, которому приписывалось разореніе Навидада.

Непріязненныя дѣйствія начались съ того, что десятеро испанцевъ попали, по близости форта Св. Ѳомы, въ засаду и всѣ были перебиты. Тогда Колумбъ рѣшилъ за-

хватить какими-бы то ни было средствами самого Каонабо, душу всего заговора. Отважный рыцарь Алонзо де-Гойеда, успѣвшій уже выучиться мѣстному языку, вызвался исполнить планъ, задуманный столь-же смѣло, какъ и просто.

Ничто такъ не волновало туземцевъ, какъ звукъ церковнаго колокола въ Изабеллѣ. По острову только и говорили, что объ „турeѣ“ *), который бесѣдовалъ съ бѣлыми. Гойеда велѣлъ выковать изъ блестящей, свѣтлой бронзы цѣпь съ наручниками и съ этими бряцающими диковинками направился въ сопровожденіи десятка смѣльчаковъ прямо въ Магуану, гдѣ жилъ Каонабо. Посланные впередъ вѣстники объявили, что онъ везетъ съ собою „турей“ въ подарокъ касику отъ начальника бѣлыхъ.

Каонабо довѣрчиво принялъ испанцевъ, а Гойеда съ товарищами почтительно преклонилъ колѣна и поцѣловалъ руку касика. Затѣмъ, побрякивая цѣпями, онъ объяснилъ, что эти украшенія употребляются королями Кастиліи во время ихъ плясокъ и предложилъ Каонабо сдѣлать то-же, но предварительно выкупаться въ ближней рѣкѣ и затѣмъ на одной лошади вмѣстѣ съ нимъ въѣхать въ селеніе. Касикъ съ удовольствіемъ принялъ приглашеніе, ему надѣли оковы и онъ помѣстился на лошади вмѣстѣ съ Гойедою, а тотъ погналъ коня во весь опоръ, но разумѣется не въ селеніе, а прямо въ Изабеллу; за нимъ умчались и его сообщники. Полумертвые отъ усталости и голода, они вмѣстѣ со своимъ плѣнникомъ, добрались наконецъ, до крѣпости. Здѣсь Каонабо содержался нѣсколько времени въ заключеніи; потомъ Колумбъ взялъ его съ собою въ Испанію, но дорогою онъ умеръ.

Союзники Каонабо взялись между тѣмъ за оружіе; Колумбъ вышелъ имъ навстрѣчу съ 200 человѣкъ пѣхоты и 20 всадниками. Въ схваткахъ съ туземцами главную силу его составляло не огнестрѣльное оружіе, которое

---

*) „Турей“ означаетъ небо, а также всѣ чрезвычайныя явленія, исходящія повидимому отъ неба.

было очень плохо, и стальное вооруженіе, конница и въ особенности его большія собаки.

Разсѣявъ индѣйцевъ, Колумбъ раздѣлилъ свое войско на небольшіе отряды, которымъ поручилъ преслѣдованіе ихъ и тогда-то началась настоящая травля туземцевъ. Испанцы нападали только тамъ, гдѣ конница ихъ могла развернуться; сначала стрѣлки давали залпъ въ густую толпу, потомъ пускали на нее всадниковъ и собакъ. Какъ вспуганная стая птицъ разбѣгались индѣйцы во всѣ стороны и кровь ихъ обильно текла при преслѣдованіи. Девять мѣсяцевъ длилась эта безчеловѣчная охота, пока населеніе не было наконецъ усмирено и обложено данью. Всякій взрослый индѣецъ обязанъ былъ доставлять чрезъ каждые три мѣсяца по чашечкѣ золотого песку, стоимостью въ 25—30 рублей на наши деньги, или-же по 25 фунтовъ хлопка. Но уплачивать такой налогъ было не подъ силу населенію; измученные индѣйцы бѣжали въ горы, гдѣ гибли толпами отъ голода и болѣзней. Изъ Испаніи прибыли тѣмъ временемъ новые корабли; по тону королевскихъ посланій Колумбъ догадался, что противъ него замышляется что-то при дворѣ и что правительство дозволило всѣмъ желающимъ искать по ту сторону океана новыя земли. Опасаясь за свои привилегіи, онъ предоставилъ управленіе островомъ своему брату Варѳоломею и отплылъ 10-го марта 1496 г. съ двумя кораблями въ Испанію; съ нимъ поѣхало 225 испанцевъ и 30 индѣйцевъ; 11-го іюня они высадились въ Кадисѣ.

ГЛАВА IV.

Третье путешествіе Колумба и открытіе южно-американскаго материка.

Мы видѣли, что Колумбъ во время своего второго путешествія не былъ въ состояніи справиться съ задачами, которыя онъ себѣ поставилъ. Роль вице-короля постоянно

стѣсняла его, какъ изслѣдователя. Заботы о вновь основанной колоніи удерживали его отъ дальнѣйшихъ изысканій и кромѣ того ему недоставало личныхъ качествъ, необходимыхъ для управленія толпою переселенцевъ, состоявшею почти исключительно изъ необузданныхъ солдатъ. Положеніе его въ Испаніи пошатнулось: колонія, на которую возлагалось такъ много упованій, до сихъ поръ не приносила никакихъ доходовъ и требовала лишь затратъ со стороны государства; небольшое количество золота и сотни двѣ невольниковъ было все, что онъ успѣлъ выслать; а это еще далеко не окупало издержекъ предпріятія. Многочисленныя жалобы недовольныхъ нашли себѣ путь къ престолу и при дворѣ понемногу созрѣло убѣжденіе, что не Колумбу слѣдовало-бы быть правителемъ вновь открытой страны. Въ торговомъ мірѣ также господствовало неудовольствіе на то, что одному человѣку досталось исключительное право на пользованіе богатствами столь обширныхъ земель.

Тѣмъ не менѣе Колумбу удалось еще разъ восторжествовать надъ своими противниками. Онъ снова прошелъ торжественнымъ шествіемъ по Испаніи и его индѣйцы, увѣшанные драгоцѣнными золотыми украшеніями, и на этотъ разъ произвели свое дѣйствіе на толпу. При дворѣ опять воскресли надежды на богатства вновь открытаго Офира, и Колумбу удалось найти средства для третьей экспедиціи, хотя на этотъ разъ и не столь значительныя, какъ три года тому назадъ, такъ какъ Испанія была въ это время занята войною. Добровольныхъ переселенцевъ также не нашлось и Колумбу пришла мысль заселить свое индѣйское царство ссыльными. Правительство согласилось съ этимъ планомъ, но самое переселеніе явилось теперь наказаніемъ, и въ Испаньолу было отправлено множество такихъ личностей, которыя могли только еще болѣе увеличить тамъ смуту. При этомъ полномочія Колумба, какъ вице-короля, подверглись впервые нѣкоторому ограниченію, такъ какъ контроль надъ управленіемъ дѣлами Индіи былъ порученъ епископу Фонсека.

Планъ третьяго путешествія былъ также основанъ на ложномъ предположеніи. Нашлись ученые, которые объясняли бѣдность вновь открытой колоніи тѣмъ, что Колумбъ недостаточно далеко проникъ на югъ. По понятіямъ тогдашняго времени драгоцѣнные камни, пряности и золото были свойственны главнымъ образомъ жаркому поясу, именно тѣмъ странамъ, гдѣ живутъ чернокожіе люди. Правительство рекомендовало Колумбу обратить вниманіе на эти соображенія, и онъ согласился на нихъ тѣмъ охотнѣе, что это соотвѣтствовало и его собственнымъ космографическимъ воззрѣніямъ.

30-го мая 1498 г. Колумбъ вышелъ съ 6-ю кораблями изъ гавани Санъ-Лукаръ при устьѣ Гвадалквивира. На широтѣ острова Ферро онъ отрядилъ три корабля для скорѣйшей доставки провіанта въ Испаньолу, а съ остальными направился через острова Зеленаго мыса на юго-западъ. Онъ проѣхалъ еще 120 миль, какъ наступило безвѣтріе и зной сталъ нестерпимъ; тогда Колумбъ перемѣнилъ курсъ и снова поплылъ къ западу.

31-го іюля показались гористые берега острова, получившаго названіе Тринидада, а насупротивъ его была расположена низменная полоса земли — первая точка американскаго материка, которую увидѣлъ Колумбъ. Чрезъ проливъ между этой землею и островомъ онъ проѣхалъ въ заливъ Парія. Здѣсь воды могучаго Ориноко вливаются въ океанъ, образуя опасные для судоходства водовороты и не даромъ одинъ изъ проходовъ въ заливъ названъ „Пастью дракона". Населеніе, которое встрѣтили здѣсь испанцы, было совсѣмъ не черное, а напротивъ, еще свѣтлѣе, чѣмъ на Большихъ Антильскихъ островахъ. Колумбъ совершенно не воспользовался представившимся ему случаемъ — хотя нѣсколько выяснить географію открытой имъ страны. А между тѣмъ уже одно существованіе огромной рѣки ясно указывало, что онъ имѣетъ дѣло съ какимъ-то новымъ материкомъ. Но, какъ мы уже видѣли, онъ считалъ Кубу за восточную Азію, свою главнѣйшую цѣль, а поэтому и оставилъ безъ вниманія

новую находку. О ней онъ замѣтилъ только, что „если это дѣйствительно материкъ, то ученый міръ будетъ этимъ чрезвычайно удивленъ".

Для грозныхъ водоворотовъ въ заливѣ, Колумбъ нашелъ весьма своеобразное объясненіе.

Дѣло въ томъ, что точное представленіе о фигурѣ земли вырабатывалось очень постепенно, въ теченіе многихъ столѣтій. Прежде всего дошли до убѣжденія, что земля есть шаръ, и это было главнымъ основаніемъ научной географіи; затѣмъ, когда начались измѣренія земного шара, открыто было сжатіе его у полюсовъ, а въ наше время обнаружились и другія неправильности и уклоненія отъ сферической формы, даже въ поверхности океана.

Колумбъ также сомнѣвался въ томъ, что земля имѣетъ фигуру правильнаго шара; но его сомнѣнія были основаны на неточныхъ астрономическихъ наблюденіяхъ и привели его къ странному заключенію, что земля имѣетъ грушевидную форму. Самъ онъ пишетъ объ этомъ слѣдующее:

„Я наблюдалъ такія неправильности въ положеніи полярной звѣзды, что пришелъ къ совершенно другому выводу о формѣ земли, а именно, что она не шарообразна, какъ описывалось до сихъ поръ, но имѣетъ фигуру груши, которая представляетъ выступъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ прикрѣпленъ стебель. Этотъ выступъ ближе всего къ небу и находится подъ экваторомъ на крайнемъ востокѣ земли, среди океана. Крайнимъ-же востокомъ я называю ту страну, гдѣ кончаются всѣ земли и острова. Для доказательства я могу указать на линію, проходящую на 100 миль къ западу отъ Азорскихъ островов; западнѣе ея корабли исподволь поднимаются выше и температура становится болѣе умѣренной. Эта западная часть похожа на половину груши съ возвышеніемъ у стебелька. Птоломей и другіе, писавшіе о фигурѣ земли, не знали этой части ея и судили лишь по извѣстной имъ сторонѣ. Въ той-же части земли, которую я открылъ, дѣло обстоитъ иначе. У береговъ Африки, подъ 20° с. ш. народъ тем-

наго цвѣта кожи и почва раскалена. Подъ широтой острововъ Зеленаго мыса жители еще темнѣе и чѣмъ далѣе на югъ, тѣмъ они становятся чернѣе, такъ что самые черные люди живутъ подъ широтою Сіерры Леоне, гдѣ высота полярной звѣзды составляетъ только 5°. Во время моего плаванія на западъ, жара вначалѣ все увеличивалась; но когда я миновалъ линію въ 100 миляхъ отъ Азорскихъ острововъ, я почувствовалъ, какъ уменьшается зной, а на островѣ Тринидадѣ, лежащемъ также подъ 5° с. ш.*), климатъ столь-же пріятенъ и зелень такъ-же свѣжа, какъ въ апрѣлѣ въ садахъ Валенсіи. Къ тому-же и обитатели были цвѣта не столь темнаго, какъ я прежде видѣлъ въ Индіи. Пріятный климатъ является только послѣдствіемъ возвышеннаго положенія страны, а поэтому земля не можетъ имѣть здѣсь правильнаго сферическаго вида“.

Со всѣмъ этимъ Колумбъ приводитъ въ связь явленія, которыя онъ замѣтилъ въ устьяхъ Ориноко. Стремительныя теченія и водовороты въ заливѣ Парія объясняются по его мнѣнію только тѣмъ, что рѣка низвергается съ высоты упомянутаго грушевиднаго выступа, — и на этомъ-то выступѣ, думаетъ онъ, долженъ находиться земной рай!

Этимъ и окончились открытія третьяго путешествія Колумба. Уже на слѣдующій день послѣ отплытія изъ залива Парія, адмиралъ снова вошелъ въ роль вице-короля; онъ оставилъ берегъ материка, въ 5 дней переплылъ Караибское море и благополучно достигъ вновь основаннаго его братомъ Варѳоломеемъ города Санъ-Доминго на Испаньолѣ.

Географическими результатами путешествіе это весьма скудно; даже то, что открылъ Колумбъ, было истолковано имъ неправильно. Но еще неудачнѣе оказалась его дѣятельность какъ правителя.

Дѣла на Испаньолѣ приняли весьма дурной оборотъ. Индѣйцы были, правда, усмирены, и обращеніе ихъ въ

---

*) Въ дѣйствительности островъ Тринидадъ лежитъ подъ 10° с. ш.

католичество началось, но между самими христіанами господствовали смуты. Испанскіе солдаты и поселенцы неохотно повиновались приказаніямъ братьевъ Колумба, роптали на произволъ итальянцевъ и подъ давленіемъ нужды и трудовъ готовы были къ открытому возстанію.

Главный судья Франсиско Ролданъ, нѣкогда одинъ изъ любимцевъ Колумба, сдѣлался теперь предводителемъ недовольныхъ и удалился съ ними во внутренность острова, гдѣ началъ допускать всяческія притѣсненія жителей и совершенно отказался отъ повиновенія Варѳоломею Колумбу. Когда въ Испаньолу прибыли корабли съ провіантомъ, посланные Колумбомъ, Ролдану удалось переманить на свою сторону часть экипажа, такъ-что теперь онъ уже не боялся возвращенія адмирала въ Санъ-Доминго. Но и среди остальныхъ испанцевъ настроеніе было невеселое, хотя въ это время добыча золота изъ розсыпей Сибао стала нѣсколько обильнѣе; смерть успѣла унести уже многихъ и между оставшимися часто слышалось: „Только-бы Богъ далъ живому вернуться въ Кастилію!“

Всѣ попытки успокоить недовольныхъ оказались тщетными и Колумбъ рѣшился вовсе отдѣлаться отъ нихъ. Онъ объявилъ, что всякому желающему разрѣшается возвратиться въ Испанію на одномъ изъ пяти кораблей, назначенныхъ къ отплытію. Онъ надѣялся, что и Ролданъ воспользуется случаемъ оставить Испаньолу; но тотъ остался на мѣстѣ, отлично понимая, что Колумбъ могъ только уплатою жалованья успокоить своихъ солдатъ, но что денегъ у него нѣтъ; а безъ этого они никогда не будутъ сражаться противъ Ролдана.

Флотъ ушелъ и въ донесеніяхъ, которыя Колумбъ отправилъ къ королю, онъ выставлялъ своихъ противниковъ измѣнниками, ворами и разбойниками, намекая на то, что ему придется возстановить порядокъ силою и въ заключеніе просилъ о присылкѣ ученаго судьи. Золота и пряностей онъ опять-таки выслать не могъ, но отправилъ за то цѣлый грузъ невольниковъ. Само собою разумѣется, что и враги его не преминули воспользоваться случаемъ,

чтобы послать королю жалобы на поборы и жестокости генуэзца.

Между тѣмъ обстоятельства принудили Колумба вступить въ переговоры съ Ролданомъ и его единомышленниками, дабы поддержать миръ во что-бы то ни стало. Дѣло дошло до соглашенія, по которому онъ уступалъ имъ два корабля для возвращенія въ Испанію и обязался выдать удостовѣреніе, что они въ Индіи усердно служили королю. Срокъ отъѣзда наступилъ, но вице-король еще не успѣлъ окончить приготовленій къ отплытію кораблей и вслѣдствіе этого мятежники съ своей стороны объявили договоръ недѣйствительнымъ. Наконецъ, въ сентябрѣ 1499 г. состоялось новое соглашеніе, въ высшей степени унизительное для Колумба: Ролданъ былъ снова назначенъ главнымъ судьею, сторонники его получили въ даръ земельные участки, исправная выдача жалованья была торжественно обѣщана, а если этого не послѣдуетъ, то имъ давалось право добиваться силою исполненія договора.

Распоряженія эти уже сами по себѣ мало достойны вице-короля; но еще въ худшемъ свѣтѣ является Колумбъ въ своихъ сношеніяхъ по этому поводу съ королемъ. Онъ вовсе не имѣлъ намѣренія соблюдать свой договоръ и старался увѣрить короля въ его недѣйствительности. Онъ подписалъ его на бортѣ корабля и якобы дѣйствовалъ только въ качествѣ адмирала, которому нѣтъ дѣла до мятежниковъ на сушѣ; съ таковыми онъ могъ считаться только въ качествѣ вице-короля. Можно судить объ этомъ какъ угодно, ясно только одно, что человѣкъ съ подобными воззрѣніями былъ неспособенъ занимать высшій постъ въ управленіи.

Удовлетворивъ такимъ образомъ Ролдана, Колумбъ принялся за остальныхъ своихъ враговъ. Нѣсколько испанцевъ было повѣшено, одного сбросили съ башни въ пропасть, другіе были посажены въ тюрьму и тамъ ожидали своей участи. Если-бы эта система устрашенія была пущена въ ходъ ранѣе, она, быть можетъ, принесла бы

какую-нибудь пользу, но теперь было слишкомъ поздно — участь Колумба уже рѣшилась въ Испаніи.

Изъ числа первыхъ переселенцевъ, многіе возвратились нищими и калѣками; скитаясь по Испаніи, они конечно обвиняли во всемъ правительство и Колумба. Недовольство еще усилилось, когда прибылъ флотъ и привезъ, вмѣсто золота и пряностей, лишь невольниковъ для продажи на андалузскихъ рынкахъ. Изабелла была возмущена; она приказала освободить всѣхъ индѣйцевъ и отправить ихъ обратно на родину. Ко всему этому присоединились еще жалобы на жестокость и жадность генуэзцевъ; самъ Колумбъ писалъ, что возьмется за мечъ для подавленія возстанія и просилъ о присылкѣ судьи. Не мудрено послѣ этого, что въ Испаніи рѣшили послать ему такого судью,— человѣка, который былъ-бы способенъ спасти колонію отъ конечнаго разоренія.

21-го мая 1499 г. изготовленъ былъ патентъ для вновь назначеннаго верховнаго судьи (Juez gobernador). Ему поручалась судебная и административная власть въ новыхъ колоніяхъ; всѣ чиновники должны были считаться уволенными, пока не будутъ утверждены въ своихъ должностяхъ этимъ полномочнымъ лицомъ. Онъ получилъ право удалять изъ колоніи всѣхъ, чье присутствіе ему покажется неудобнымъ; ему должны были быть сданы всѣ укрѣпленія, арсеналы, корабли, лошади и оружіе. Какая-же власть оставалась въ рукахъ Колумба, какъ вицекороля? Но всѣ эти приказы относились только къ „адмиралу“ Колумбу. Правительству еще ничего не было извѣстно о хитросплетеніяхъ относительно званія адмирала и вице-короля, на которыя втихомолку ссылался Колумбъ при заключеніи договора съ Ролданомъ — ему случайно отплатили тою-же монетою. Новый намѣстникъ везъ съ собою и письмо къ адмиралу слѣдующаго содержанія: „Податель этого письма, командоръ Франсиско де-Бобадилла, передастъ вамъ устно нѣкоторыя соображенія отъ Нашего имени. Примите ихъ съ довѣріемъ и исполните Наши указанія“. Этимъ какъ-бы указывалось

Колумбу, что хотя онъ и устраняется отъ должности вице-короля, но во вниманіе къ его заслугамъ это смѣщеніе не дѣлается открыто. Ему предоставлялось уладить свои дѣла съ новымъ намѣстникомъ и затѣмъ, въ качествѣ адмирала, продолжать свои открытія — словомъ, правительство желало избѣжать огласки. Франсиско де-Бобадилла, на котораго палъ выборъ короля, былъ безупречный рыцарь, но не дипломатъ и притомъ человѣкъ горячаго характера. Его впослѣдствіи обвиняли въ превышеніи данныхъ ему полномочій, но справедливость требуетъ сказать, что новому человѣку было не легко сразу вникнуть въ дѣла колоніи. Когда онъ 23 августа 1500 г. высадился въ Санъ-Доминго, генуэзцы, за исключеніемъ малоспособнаго Діэго Колона, были въ отсутствіи. Колумбъ писалъ впослѣдствіи, что въ это время на островѣ все было покойно; но Бобадилла долженъ былъ взглянуть иначе на дѣло, такъ какъ при самомъ входѣ въ гавань увидѣлъ на висѣлицахъ трупы семи испанцевъ — ясное доказательство тиранніи генуэзца. Самое отсутствіе Колумба несомнѣнно способствовало проискамъ его враговъ и первое впечатлѣніе, полученное Бобадиллою, не замедлило обратиться въ твердую увѣренность.

Высадившись и отслушавъ обѣдню, Бобадилла приказалъ прочесть публично свое полномочіе и сразу привлекъ всѣхъ на свою сторону объявленіемъ, что всѣмъ состоящимъ на государственной службѣ жалованье будетъ уплачено. Потомъ онъ двинулся во главѣ своего войска и толпы поселенцевъ къ крѣпости и именемъ короля потребовалъ ея сдачи. Діэго Колонъ лишь для вида оказалъ сопротивленіе, стоя на стѣнѣ съ обнаженною шпагою, пока солдаты Бобадиллы ломали ворота. Новый намѣстникъ сдѣлалъ заключеннымъ краткій допросъ, помѣстился въ домѣ вице-короля, опечаталъ всѣ его бумаги и послалъ ему самому требованіе явиться лично.

Колумбъ, все еще не получавшій королевскаго указа о своемъ смѣщеніи, узналъ наконецъ о существованіи

тайнаго письма и обширныхъ полномочій, данныхъ Бобадиллѣ. Совершенно уничтоженный, онъ явился въ Санъ-Доминго, гдѣ былъ арестованъ вмѣстѣ съ своими братьями и въ цѣпяхъ посаженъ на одинъ изъ кораблей. Какъ говорятъ, онъ опасался даже за свою жизнь и офицеру, который его сопровождалъ на корабль, едва удалось успокоить и увѣрить адмирала, что его отправляютъ въ Испанію.

Бобадилла плохо выполнилъ свое порученіе, ибо правительство вовсе не имѣло въ виду дать дѣлу такой оборотъ. Возвращеніе Колумба въ оковахъ было позорнымъ фактомъ, значеніе котораго онъ самъ понималъ, такъ какъ на пути не далъ снять съ себя цѣпей, сказавши, что вся Испанія должна видѣть обиду, нанесенную ему якобы по королевскому повелѣнію въ награду за всѣ его заслуги. Въ концѣ ноября 1500 года онъ прибылъ въ Кадисъ и, при содѣйствіи капитана корабля, отправилъ письмо къ своей покровительницѣ доньѣ Хуанѣ де-ла-Торре, бывшей воспитательницѣ покойнаго наслѣдника престола; въ этомъ письмѣ онъ постарался предупредить обвиненія Бобадиллы.

Вернувшись мученикомъ, Колумбъ сразу пріобрѣлъ вновь симпатіи всего народа, а дворъ, неподготовленный къ такому исходу, съ своей стороны постарался всячески искупить нанесенное оскорбленіе. Ему послали 2000 червонцевъ на путешествіе соотвѣтственно его званію. Разсказъ о томъ, будто онъ явился передъ королевскою четою въ цѣпяхъ, принадлежитъ вѣроятно къ числу романтическихъ прикрасъ позднѣйшихъ біографовъ. 17-го декабря онъ былъ принятъ при дворѣ самымъ милостивымъ образомъ, а затѣмъ и впослѣдствіи пользовался постоянно должнымъ почетомъ. Доходы съ колоній, обѣщанные ему ранѣе, были оставлены за нимъ и было дозволено отправить туда особое довѣренное лицо, которое наблюдало-бы на мѣстѣ за его интересами. Званіе адмирала также осталось за Колумбомъ, но сана вице-короля онъ лишился навсегда. Дѣла въ колоніи приняли

между тѣмъ бурный оборотъ; ей суждено было сдѣлаться театромъ дѣятельности самыхъ разнообразныхъ искателей приключеній — личностей, съ которыми Колумбу никогда-бы не удалось справиться. Такимъ образомъ ему оставалось одно — вступить вновь на прежній путь изслѣдователя и готовиться къ четвертому путешествію на западъ; вѣдь за островомъ Синангу (Испаньолой), по его понятіямъ, должны были находиться еще болѣе богатыя страны — Китай и Индія.

ГЛАВА V.

Послѣднее путешествіе Колумба и его смерть.

Испанскій дворъ всѣми силами старался загладить глубокое оскорбленіе, нанесенное Колумбу. Но надеждамъ послѣдняго на возвращеніе всѣхъ правъ высшаго правителя колоній не суждено было осуществиться.

Давно уже Фердинандъ пришелъ къ убѣжденію, что права, данныя Колумбу до его перваго путешествія, стѣсняли свободу дальнѣйшихъ плановъ правительства и пользованіе богатствами ново-открытыхъ земель. Съ цѣлью освобожденія отъ этой зависимости, уже въ 1495 году прежнее запрещеніе плаванія по вестъ-индскимъ водамъ было снято и предоставлено всѣмъ желающимъ, не обращая вниманія на то, что этимъ существенно ограничивались права адмирала. Свободой плаванія не преминули воспользоваться многіе, и всѣмъ стало ясно, что по близости открытыхъ Колумбомъ земель находятся еще другія области, ожидающія изслѣдованія. Королю казалось опаснымъ оставить права надъ всѣми этими странами и ихъ богатствами въ рукахъ одного человѣка, который могъ воспользоваться своимъ могуществомъ и сдѣлаться независимымъ отъ Испаніи. При дворѣ, впрочемъ, обѣщали вознаградить Колумба за всѣ убытки, причиненные Бо-

бадиллою и подтвердили его право на полученіе обѣщанной доли прибылей. Колумбу дали еще другое удовлетвореніе: Бобадилла былъ смѣщенъ и на его мѣсто назначенъ извѣстный справедливостью и безпристрастіемъ донъ Николасъ-де-Овандо. Это возстановило пошатнувшееся довѣріе къ предпріятіямъ за океаномъ, и 2500 человѣкъ отправилось съ Овандо на 30 корабляхъ попытать свое счастье въ Новомъ Свѣтѣ.

Черезъ 3 мѣсяца послѣ этого, а именно 9-го мая 1502 г. и Колумбъ оставилъ гавань Кадиса и поплылъ на 4-хъ корабляхъ съ 150 человѣками искать проѣзда въ море „по ту сторону Гангеса". Колумба сопровождали 12-лѣтній сынъ его Фернандо и братъ Варѳоломей. 29-го іюня онъ достигъ Санъ-Доминго и послалъ просить позволенія войти въ гавань, такъ какъ различныя примѣты предвѣщали сильную бурю. Но Овандо опасался, чтобы появленіе адмирала не вызвало безпорядковъ въ виду того, что во флотѣ, стоявшемъ на якорѣ, находилось много враговъ Колумба, и рѣшительно отказалъ въ его просьбѣ. Глубоко оскорбленный этимъ адмиралъ поплылъ на западъ, ища укрыться въ какой-нибудь бухтѣ отъ предстоящей бури. Въ это время въ гавани Санъ-Доминго 20 кораблей готовилось къ отплытію въ Испанію. Опасаясь за участь этихъ судовъ, Колумбъ предостерегалъ Овандо и совѣтовалъ отложить отплытіе дней на 8; но на его слова не было обращено вниманія. Не успѣли корабли достигнуть ю.-в. оконечности Испаньолы, какъ предсказанная Колумбомъ буря разразилась; изъ 20 судовъ спаслось только одно, — самое плохое изъ всѣхъ; на немъ именно находилось возвращенное достояніе Колумба и адмиралъ увидѣлъ въ этомъ судъ Божій. Бобадилла и Ролданъ погибли во время бури вмѣстѣ со многими другими.

Колумбъ поплылъ на з. отъ Испаньолы, проѣхалъ вдоль южныхъ береговъ Ямайки и достигъ острова Пиноса, названнаго такъ по причинѣ его роскошныхъ хвойныхъ лѣсовъ. Тутъ онъ неожиданно встрѣтилъ большую крытую

лодку, на которой было 25 человѣкъ индѣйцевъ и множество разнаго товара. Впервые увидѣли испанцы различныя американскія издѣлія, искусно исполненныя. Такъ имъ показывали разноцвѣтныя хлопчатобумажныя ткани, мѣдные и глиняные сосуды, кувшины, оружіе и мн. др. Здѣсь-же впервые они познакомились съ какао или шоколадникомъ. Хотя Колумбъ не имѣлъ переводчика, но изъ

Шоколадникъ и его плоды.

объясненій знаками понялъ, что эти люди приплыли изъ большой, населенной и богатой страны, лежащей западнѣе. Если-бы Колумбъ послѣдовалъ указаніямъ индѣйцевъ и направился къ западу, онъ-бы черезъ день или два достигъ береговъ Юкатана — страны, едва-ли не самой цивилизованной во всей средней Америкѣ. Онъ узналъ-бы здѣсь о существованіи могущественнаго и баснословно-богатаго государства астековъ въ Мехикѣ. Но онъ считалъ материкъ Америки за полуостровъ, который надѣялся объѣхать съ юга и двинулся въ этомъ направленіи далѣе. Встрѣтивъ гондурасскій берегъ, онъ поплылъ вдоль

его на востокъ. Постоянныя и страшныя бури сопровождали это плаванiе, такъ что люди давали обѣщанiя поступить въ монастырь или отправиться по крайней мѣрѣ на богомолье, если будутъ спасены; наконецъ самъ Колумбъ захворалъ. Цѣлый мѣсяцъ потребовался для того, чтобы достигнуть восточной оконечности гондурасскаго берега. Далеко въ море выдавался мысъ, который Колумбъ назвалъ „Грасiасъ а Дiосъ", т.-е. „Слава Богу"; это имя онъ сохранилъ и по настоящее время.

Продолжая путь вдоль берега, Колумбъ достигъ Дарiенскаго залива на восточной сторонѣ Панамскаго перешейка, но долженъ былъ вернуться, постоянно преслѣдуемый бурями. Къ тому-же корабли были источены червями и требовали починки. Отъ поисковъ пролива пришлось отказаться.

Страна Верагуа, гдѣ остановились испанцы, оказалась особенно изобильною золотомъ. Мѣстные индѣйцы встрѣтили испанцевъ дружелюбно и даже показали имъ прiиски, находившiеся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ берега. Въ короткое время драгоцѣннаго металла было собрано чрезвычайно много. Колумбъ рѣшился основать здѣсь колонiю и назначилъ начальникомъ ея своего брата Варѳоломея. Но когда индѣйцы увидали, что испанцы хотятъ основаться здѣсь надолго, они выказали неудовольствiе и начали вооружаться. Колумбъ послалъ 2 лодки съ 13-ю испанцами на берегъ, чтобы запастись водою; на нихъ-то прежде всего напали индѣйцы и перебили всѣхъ кромѣ одного, которому удалось бѣжать. Вслѣдъ за тѣмъ было сдѣлано нападенiе на колонiю и хотя его удалось отбить, но всѣмъ стало ясно, что долго здѣсь продержаться нельзя. Постоянно бурное море не давало возможности перебраться на корабли, а также подходить къ берегу на лодкѣ. Въ это время Колумбъ, страдавшiй уже нѣсколько недѣль лихорадкой, слегъ совсѣмъ. Послѣ девятидневнаго тревожнаго выжиданiя погода наконецъ успокоилась на-столько, что испанцы могли перебраться со всѣми своими запасами на корабли, построивъ для этого нѣ-

сколько плотовъ. Но одно изъ судовъ, стоявшее близъ берега для защиты юной колоніи, пришлось оставить на произволъ судьбы.

Колумбъ пустился въ обратный путь на Испаньолу; вскорѣ онъ былъ вынужденъ бросить еще одну каравелу, ибо она пострадала такъ, что не могла болѣе держаться на водѣ. Новыя, почти безпрерывныя бури отнесли два остальные корабля къ южному берегу Кубы. Стало ясно, что на судахъ столь изъѣденныхъ червями, нѣтъ возможности добраться до Испаньолы и Колумбъ рѣшился остановиться въ довольно безопасной бухтѣ на сѣверномъ берегу острова Ямайки. Онъ посадилъ корабли на мель, далъ имъ наполниться водою, а на палубахъ устроилъ небольшія хижины, крытыя пальмовыми листьями, и укрѣпилъ ихъ сколько могъ, на случай нападенія со стороны туземцевъ.

Вскорѣ съѣстные припасы стали приходить къ концу и наступила забота о пріобрѣтеніи ихъ. Къ счастью, предусмотрительному Діэго Мендесу, капитану одной изъ каравелъ, удалось завести торговыя сношенія съ обитателямя окрестныхъ селеній; въ обмѣнъ на разныя мелочи, какъ гребни, ножи и т. п., они согласились доставлять испанцамъ дичь, рыбу и печь хлѣбъ изъ кассавы. Но надолго такое положеніе не могло сохраниться; легко было предвидѣть, что придетъ время, когда вымѣнивать будетъ нечего и придется силою добывать съѣстные припасы. Нужно было во что бы то ни стало дать вѣсть о своемъ положеніи въ Санъ-Доминго и просить Овандо прислать помощь. Но какъ это сдѣлать? Въ распоряженіи адмирала была только небольшая лодка, которую Мендесъ вымѣнялъ у индѣйцевъ. Колумбъ собралъ всѣхъ своихъ людей и изложилъ имъ бѣдственное положеніе, въ надеждѣ, что найдутся добровольцы, готовые для спасенія всѣхъ предпринять опасное плаваніе. Но всѣ молчали, никто не выказалъ желанія пуститься въ бурное море на плохой индѣйской лодкѣ. Тогда Діэго Мендесъ, всегда готовый рисковать жизнью для общаго блага, предложилъ свои услуги. Онъ

велѣлъ высмолить лодку, водрузилъ мачту, взялъ съ собою паруса и отправился въ путь съ 6-ю индѣйскими гребцами. Онъ добрался до восточной оконечности Ямайки, но здѣсь былъ ограбленъ морскими разбойниками, а спутники - индѣйцы хотѣли его убить. Съ большимъ трудомъ избѣгъ онъ опасности и одинъ вернулся на своей лодкѣ къ адмиралу. Несмотря на такую неудачу, Мендесъ соглашался сдѣлать новую попытку, если братъ адмирала съ отрядомъ испанцевъ будетъ сопровождать его по берегу до восточной оконечности острова. Его самоотверженіе возбудило соревнованіе и нашлось нѣсколько человѣкъ, готовыхъ сопровождать Мендеса. Эта вторая экспедиція состояла изъ двухъ лодокъ; въ каждой изъ нихъ помѣстилось по шести испанцевъ и по десяти индѣйскихъ гребцовъ, а Варѳоломей Колумбъ шелъ берегомъ съ 70-ю вооруженными людьми. Благополучно была достигнута восточная оконечность Ямайки и здѣсь смѣлые плаватели разстались съ своимъ прикрытіемъ. Со слезами на глазахъ оставшіеся на берегу провожали лодки, пока онѣ скрылись во мракѣ ночи.

Было условлено, что какъ только лодки благополучно достигнутъ берега Испаньолы, одна изъ нихъ должна вернуться, чтобы сообщить объ этомъ Колумбу и его сподвижникамъ. Но проходили недѣли и мѣсяцы, а лодка не возвращалась и всѣ были увѣрены въ погибели несчастныхъ товарищей. Между тѣмъ среди испанцевъ развились болѣзни, а туземцы перестали доставлять съѣстные припасы.

Часть спутниковъ Колумба, доведенная до отчаянія, возмутилась. Проклиная адмирала, мятежники, въ числѣ 48 человѣкъ, предводительствуемые Франсискомъ Поррасомъ, завладѣли лодками, которыя Колумбъ вымѣнялъ у индѣйцевъ и пустились по пути Мендеса, въ надеждѣ добраться до Испаньолы. Достигнувъ восточной оконечности Ямайки, они набрали достаточное число индѣйцевъ-гребцовъ и пустились въ путь. Море было совершенно спокойно; но едва отъѣхали нѣсколько верстъ, какъ под-

нялся такой вѣтеръ, что испанцы были принуждены не только повернуть къ берегу, но и побросать за бортъ все свое имущество. Только оружіе они сохранили, а для облегченія лодокъ заставили туземныхъ гребцовъ бросаться въ море и искать спасенія вплавь. Хотя индѣйцы были отличные пловцы, но разстояніе отъ берега было слишкомъ велико и они должны были по временамъ держаться за борта лодокъ, чтобы одохнуть. Когда волненіе усилилось и тяжесть хватавшихся индѣйцевъ грозила потопить лодки, испанцы безъ милосердія рубили имъ руки. Несчастные одинъ за другимъ исчезали въ морской пучинѣ и такимъ варварскимъ способомъ было потоплено 18 человѣхъ.

Съ большимъ трудомъ добрались наконецъ испанцы до берега. Сдѣлана была потомъ вторая попытка переплыть въ Испаньолу, но она окончилась столь-же неудачно, какъ и первая. Тогда они отказались отъ своего намѣренія и отправились внутрь острова, оружіемъ принуждая туземцевъ снабжать ихъ жизненными продуктами.

Пока мятежники расправлялись такимъ образомъ на востокѣ острова, Колумбъ хитростью заставилъ сосѣднихъ индѣйцевъ доставлять себѣ съѣстные припасы. Зная, что 29-го февраля 1504 года предстоитъ лунное затменіе, онъ пригрозилъ дикарямъ гнѣвомъ Божіимъ, который выразится тѣмъ, что въ слѣдующую ночь мѣсяцъ потеряетъ свой блескъ. Недовѣрчиво выслушали дикари это предсказаніе; но когда они увидѣли, что дѣйствительно луна въ назначенное время тускнѣетъ все болѣе и болѣе, ими овладѣлъ ужасъ; они обѣщали впредь снабжать испанцевъ всѣмъ необходимымъ и исполняли это съ тѣхъ поръ самымъ добросовѣстнымъ образомъ.

Между тѣмъ Діэго Мендесъ, котораго считали давно погибшимъ, явился на помощь своимъ несчастнымъ товарищамъ. Его плаваніе было чрезвычайно томительно. Море было, правда, совершенно спокойно и царствовало полнѣйшее безвѣтріе; но пловцы страдали отъ нестерпимой жары. Взятая съ собою вода израсходовалась,

когда еще не прошли и половины пути; четыре дня и четыре ночи несчастные страдали отъ жажды; гребцы обезсилили и одинъ изъ нихъ даже умеръ. Наконецъ увидѣли при лунномъ свѣтѣ маленькій островокъ, къ которому и пристали. Послѣ долгихъ поисковъ нашли нѣсколько лужъ. Измученные индѣйцы набросились съ такою жадностью на воду, что нѣкоторые тутъ-же умерли, а другіе опасно заболѣли. Вечеромъ Мендесъ пустился въ дальнѣйшій путь и достигъ на 5-й день самой западной оконечности Испаньолы.

Хотя было условлено, что одна лодка вернется отсюда съ извѣстіемъ о благополучномъ достиженіи цѣли, но никто не рѣшился подвергнуться еще разъ опасностямъ такого плаванія. Оставивъ своихъ спутниковъ въ индѣйскомъ селеніи, неутомимый Мендесъ, сопровождаемый шестью обитателями Испаньолы, продолжалъ путьвъ Санъ-Доминго. Узнавъ по дорогѣ, что Овандо находится въ походѣ внутри острова, онъ оставилъ лодку и пѣшкомъ добрался до намѣстника, который его принялъ ласково, но ограничился одними обѣщаніями. Только черезъ 7 мѣсяцевъ Мендесъ получилъ разрѣшеніе отправиться въ Санъ-Доминго и снарядить тамъ корабль на счетъ адмирала. Пока Мендесъ хлопоталъ объ этомъ, Овандо послалъ небольшую каравелу къ Колумбу, не съ цѣлью спасти его и команду, а разузнать, каковы намѣренія адмирала. Овандо все еще опасался, что Колумбъ хочетъ направиться въ Испаньолу, дабы захватить власть въ свои руки; онъ послалъ адмиралу, какъ бы въ насмѣшку надъ его отчаяннымъ положеніемъ, боченокъ вина и небольшое количество мяса, а также увѣреніе, что какъ только прибудетъ изъ Испаніи большой корабль, онъ его пришлетъ на выручку. Каравела, взявъ письмо отъ адмирала къ намѣстнику тотчасъ-же пустилась въ обратный путь. Хотя теперь знали, въ какомъ печальномъ положеніи находится Колумбъ, но не торопились освободить его и онъ легко могъ погибнуть, если-бы вѣрному Мендесу не удалось купить и отправить корабль на выручку адмирала.

Но пока эта помощь явилась, Колумбу пришлось вынести много тяжелаго. Жалѣя мятежниковъ, онъ далъ имъ знать объ ожидаемой выручкѣ и обѣщалъ полное прощенiе подъ условiемъ покорности съ ихъ стороны. Вмѣсто этого мятежники требовали, чтобы имъ была предоставлена половина ожидаемаго корабля въ полное ихъ распоряженiе и половина запасовъ, оставшихся у адмирала, такъ какъ они лишились всего при попыткѣ переѣзда на Испаньолу. Когда эти безсовѣстныя требованiя были отвергнуты, мятежники задумали силою захватить все въ свои руки и даже арестовать адмирала. Колумбъ узналъ объ этомъ и ему ничего другого не оставалось, какъ выступить противъ возмутившихся съ оружiемъ въ рукахъ. Дѣло дошло до кровопролитiя, при чемъ было убито нѣсколько мятежниковъ, а вождь ихъ — Поррасъ, взятъ въ плѣнъ и посаженъ подъ крѣпкiй караулъ; остальные покорились и получили полное прощенiе.

Наконецъ 28 iюня 1504 г. испанцы увидѣли 2 корабля, спѣшившiе на помощь несчастнымъ, томившимся въ своемъ невольномъ плѣну болѣе года. Одинъ изъ кораблей былъ снаряженъ Мендесомъ, другой отправленъ Овандо, который наконецъ-то рѣшился помочь адмиралу.

13-го августа корабли вошли въ гавань Санъ-Доминго; Овандо принялъ Колумба ласково, даже прiютилъ его въ своемъ домѣ, но всячески старался выказать, что главное лицо въ колонiи — онъ, а не адмиралъ. Такъ онъ освободилъ зачинщика мятежа — Порраса и оставилъ его безнаказаннымъ.

Недолго пробылъ Колумбъ на островѣ Испаньолѣ; 12-го сентября онъ навсегда оставилъ Новый Свѣтъ и 5 ноября 1504 г. высадился въ Санъ-Лукарской гавани. Возвращенiе его прошло на этотъ разъ незамѣченнымъ. Восторгъ, съ которымъ его встрѣчали послѣ первыхъ двухъ путешествiй, охладѣлъ; онъ являлся теперь съ пустыми руками и не привелъ обратно ни одного изъ кораблей, съ которыми выѣхалъ. Изъ толпы друзей, хвалившихся прежде знакомствомъ съ адмираломъ, теперь не многiе встрѣтили его ласково.

Оскорбленный и больной, Колумбъ отправился въ Севилью въ надеждѣ поправить тамъ свое здоровье подъ вліяніемъ мягкаго климата южной Испаніи. Но и здѣсь его преслѣдовали лишь заботы и огорченія, даже нужда. Часть доходовъ съ колоній, обѣщанная ему такъ торжественно, проходила чрезъ руки Овандо, у котораго никто не осмѣливался ее требовать. Тяжкимъ ударомъ для Колумба была кончина всегда покровительствовавшей ему королевы Изабеллы, послѣдовавшая 26 го ноября 1504 г. Адмиралу хорошо было извѣстно, что король Фердинандъ относится къ нему далеко не такъ дружелюбно, хотя и выказываетъ наружные признаки уваженія. Онъ чувствовалъ, что становится въ тягость съ тѣхъ поръ, какъ пересталъ приносить пользу. Тѣмъ не менѣе онъ отправился въ Сеговію, гдѣ находился король. Фердинандъ принялъ Колумба очень любезно, но уклонился отъ обѣщанія возвратить ему санъ вице-короля. Онъ объявилъ, что отлагаетъ рѣшеніе до прибытія инфанты Іоанны, наслѣдовавшей кастильскій престолъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предложилъ Колумбу отказаться отъ притязаній на санъ вице-короля и принять въ вознагражденіе имѣніе въ Кастиліи и титулъ графа. Колумбъ рѣшительно отвергъ это предложеніе и требовалъ признанія обѣщанныхъ правъ. Въ апрѣлѣ дворъ выѣхалъ навстрѣчу инфантѣ въ Вальядолидъ; за нимъ послѣдовалъ туда и Колумбъ; но не дождавшись Іоанны, онъ умеръ тамъ 20-го мая 1506 г. на рукахъ своихъ друзей — францисканскихъ монаховъ. Прахъ его чрезъ нѣсколько лѣтъ былъ перевезенъ въ Севилью и только по прошествіи полустолѣтія исполнено было желаніе покойнаго — схоронить его въ соборѣ Санъ-Доминго. Въ 1796 г. Испаньола была уступлена Франціи и смертные остатки Колумба перевезли въ Гавану, гдѣ они покоятся въ соборѣ и по настоящее время.

Названіе Америки, данное новой части свѣта уже через годъ послѣ кончины Колумба, разсматривается обыкновенно какъ несправедливость по отношенію къ тому, кому мы обязаны ея открытіемъ; ее слѣдовало назвать не Америкой, а Колумбіей. Какимъ-же образомъ могло случиться, что Новому Свѣту было присвоено имя личности, занимающей въ исторіи открытій только второстепенное мѣсто?

Америго Веспуччи былъ соотечественникъ Колумба, родившійся во Флоренціи 9 марта 1451 г. Въ качествѣ агента одного итальянскаго торговаго дома онъ былъ въ Испаніи и живо заинтересовался новыми открытіями. Онъ принималъ участіе въ одной изъ заатлантическихъ экспедицій, въ продолженіе которой ему удалось посѣтить сѣверное прибрежье южно-американскаго материка и проѣхать вплоть до залива Маракаибо. Но настоящую извѣстность онъ пріобрѣлъ со времени путешествія къ берегамъ Бразиліи, куда португальское правительство въ 1500 г. снарядило экспедицію, чтобы подробнѣе ознакомиться съ берегами, только-что открытыми Кабралемъ; Веспуччи принималъ въ ней участіе въ качествѣ астронома. Повидимому, она проникла довольно далеко на югъ, хотя во всякомъ случаѣ не до 50° ю. ш., какъ утверждаетъ Веспуччи. Тѣмъ не менѣе нельзя было не убѣдиться въ огромномъ протяженіи береговъ материка; а фактъ, что созвѣздіе Малой Медвѣдицы совершенно скрылось за горизонтомъ, а Большая — стояла лишь очень невысоко, указываетъ на то, что суда находились приблизительно на широтѣ Ріо-де-Жанейро. Самъ Веспуччи въ письмахъ своихъ выставляетъ себя какъ-бы главою этой экспедиціи, говоритъ о томъ, что ему удалось обнаружить существованіе четвертой части свѣта и предлагаетъ назвать ее Новымъ Свѣтомъ, потому что объ ней до тѣхъ поръ ничего не было извѣстно, а напротивъ господствовало мнѣніе, будто все южное полушаріе покрыто водою.

Ободренный своимъ первымъ успѣхомъ, Веспуччи за-

думалъ обогнуть Новый Свѣтъ съ юга, чтобы добраться до Индіи, но экспедиція, которая была снаряжена съ этою цѣлью и въ которой онъ командовалъ однимъ изъ кораблей, не удалась вслѣдствіе несогласій между руководившими ею лицами. Послѣ этого мы находимъ его въ Испаніи, гдѣ онъ въ 1505 г. встрѣтился съ Колумбомъ. Послѣдній въ одномъ письмѣ къ своему сыну говоритъ, что Веспуччи былъ всегда предупредителенъ къ нему и что „судьба столь-же немилостива къ этому достойному человѣку, какъ и ко многимъ другимъ; и ему также не пришлось получить подобающей награды за свои заслуги". Но Веспуччи былъ, очевидно, практичнѣе Колумба; онъ не предпринималъ новыхъ путешествій, но занялъ видное мѣсто „правительственнаго пилота" съ значительнымъ въ то время годовымъ окладомъ въ 200 червонцевъ. Его обязанностью было экзаменовать моряковъ въ умѣніи владѣть квадрантомъ и астролябіею; званіе штурмана давалось съ тѣхъ поръ только людямъ, знакомымъ съ практикою астрономическихъ наблюденій. Вмѣстѣ съ тѣмъ на него была возложена обязанность выработать карту новооткрытыхъ странъ, долженствовавшую служить руководствомъ всѣмъ морякамъ. Ему одному принадлежало право вносить на карту новыя географическія данныя, выясняемыя путемъ разспроса мореходовъ. Въ этомъ званіи онъ оставался до самой смерти своей въ 1512 г.

Что Веспуччи не былъ чуждъ извѣстнаго самомнѣнія, объ этомъ свидѣтельствуютъ многія мѣста изъ его писемъ и донесеній. „Опредѣленіе долготъ", говоритъ онъ напр., „есть дѣло очень трудное и доступное только тѣмъ, кто умѣетъ обходиться безъ сна. Что касается меня, то мои безсонныя ночи стоили мнѣ навѣрное десяти лѣтъ жизни, но я не жалѣю объ этой жертвѣ, ибо надѣюсь, что этимъ стяжалъ себѣ славу и въ будущіе вѣка".

Веспуччи обладалъ способностью писать увлекательно; онъ пересыпалъ свои разсказы интересными подробностями изъ быта дикихъ народовъ, а поэтому сочиненія его пользовались большею популярностью и читались не-

сравненно охотнѣе, чѣмъ то, что писалъ Колумбъ. Послѣдній говорилъ лишь объ Азіи и нѣсколькихъ новыхъ островахъ ея, а Веспуччи описывалъ „Новый Свѣтъ“ и разсказы его естественно должны были дѣйствовать всего болѣе на воображеніе такихъ людей, которые, не будучи сами путешественниками, занимались географіею въ тиши своихъ кабинетовъ.

Около этого времени герцогомъ лотарингскимъ Рэнэ была основана въ городкѣ С. Діэ географическая школа, въ которой издательствомъ географическихъ книгъ и картъ занимался нѣмецъ Мартинъ Вальценмюллеръ или Вальдземюллеръ. Послѣдній напечаталъ въ 1507 г. нѣмецкій переводъ „четырехъ путешествій“ Веспуччи. Въ введеніи къ своей космографіи, послѣ краткой характеристики Европы, Азіи и Африки, онъ пишетъ: „въ настоящее время эти части свѣта не только изучены лучше прежняго, но открыта даже новая часть свѣта трудами Америго Веспуччи. Поэтому я полагаю, что едва-ли кто воспротивится, если новый материкъ будетъ названъ по имени этого достойнаго человѣка — Америгою, какъ-бы землею Америго (Веспуччи) или Америкою“.

Новое имя вначалѣ извѣстно было только въ Германіи; испанцы продолжали еще называть страну Индіей, Западной Индіей или Новымъ Свѣтомъ. Самая старинная карта, на которой оно встрѣчается въ первый разъ, есть карта Петра Биневица, изданная въ 1522 г.; но и тамъ подъ именемъ „America provincia“ разумѣется лишь часть американскихъ береговъ, открытая Веспуччи. Сѣвероамериканскій материкъ, за исключеніемъ той части, которую нашелъ Каботъ, также еще былъ въ тѣ времена совершенно неизвѣстенъ и на мѣстѣ его на картахъ значилось море. Свое современное значеніе имя „Америка“ получило на картахъ, изданныхъ лѣтъ чрезъ 60 послѣ смерти Веспуччи, а общеупотребительнымъ оно стало лишь въ XVII столѣтіи. „Только извѣстное звуковое сходство съ названіями остальныхъ частей свѣта, пріятное для нашего слуха, объясняетъ намъ“, по замѣчанію Пе-

шеля, „какимъ образомъ имя это могло удержаться вопреки своей несправедливости“.

Самое имя Веспуччи — „Америго“ долго оставалось неразъясненнымъ, такъ какъ оно не встрѣчается ни въ какомъ календарѣ и никто другой такъ не назывался. Въ старинныхъ актахъ нашлось письмо Веспуччи отъ 1497 года, въ которомъ онъ подписался „Amerrigho“. Имя это есть по всей вѣроятности произвольно измѣненное „Эммерико“ или „Эммерикъ“, подобно тому, какъ имя „Дуранте“ могло перейти еще при жизни человѣка въ „Данте“ и удержаться въ такомъ видѣ навсегда.

Несправедливость, допущенную по отношенію къ Колумбу, могло сознать только потомство, успѣвшее понять и оцѣнить громадную важность его открытія. Но современники думали иначе, и не мудрено, что они прозвали новооткрытыя земли не въ честь того, кто первый проложилъ къ нимъ путь, а въ честь человѣка, который впервые рѣшился произнести имя „Новый Свѣтъ“.

ГЛАВА VI.

Открытіе Великаго океана.

Во время своего четвертаго путешествія Колумбъ получилъ первое смутное извѣстіе о существованіи большого моря по ту сторону Америки, но всѣ его старанія найти проливъ, который-бы позволилъ туда проникнуть, были тщетны. Достигнуть этого новаго океана впервые удалось европейцамъ не морскимъ путемъ, не на корабляхъ, а сухопутнымъ путешествіемъ.

Вѣсть о золотыхъ сокровищахъ Верагуа въ короткое время привлекла туда множество поселенцевъ и въ центральной Америкѣ скоро возникла цвѣтущая колонія у Даріенскаго залива.

Въ числѣ проживавшихъ здѣсь испанцевъ находился нѣкто Васко Нуньесъ де-Бальбоа. Въ ранней молодости

онъ перебрался въ Новый Свѣтъ, гдѣ принималъ участіе въ разныхъ походахъ противъ туземцевъ. Не добившись богатства, онъ арендовалъ клочекъ земли на островѣ Испаньолѣ; но и тутъ ему не повезло и онъ совсѣмъ запутался въ долгахъ. Вѣсть о томъ, что собирается новая экспедиція въ западныя области, богатыя золотомъ, возбудила его предпріимчивость и онъ рѣшился присоединиться къ ней и попытать свое счастье. Открыто онъ не могъ этого сдѣлать, такъ какъ должникамъ выѣздъ съ острова былъ воспрещенъ и начальникъ экспедиціи поэтому не взялъ-бы его съ собою. Бальбоа прибѣгъ къ хитрости: онъ велѣлъ провезти себя на корабль въ бочкѣ и вышелъ изъ нея только тогда, когда берега были уже далеко. Неожиданное появленіе новаго пассажира раздражило сначала всѣхъ противъ него и его даже грозили высадить на необитаемый островъ; но его находчивость и отвага при основаніи новой колоніи С. Марія де-Антигуа у Даріенскаго залива, пріобрѣли ему расположеніе всей команды. Вскорѣ онъ сдѣлался страшилищемъ индѣйцевъ и любимцемъ солдатъ, которые низвергли законнаго начальника и провозгласили Бальбоа своимъ предводителемъ. Индѣйцы, населявшіе эту область, стояли на несравненно болѣе высокой степени образованности, чѣмъ робкіе обитатели Антильскихъ острововъ. Это былъ воинственный и вмѣстѣ съ тѣмъ веселый народъ и испанцамъ жилось здѣсь лучше, чѣмъ на островахъ, что впрочемъ не мѣшало имъ предпринимать набѣги на сосѣднія племена съ цѣлью грабежа. Одинъ изъ мѣстныхъ владѣтелей принялъ ихъ очень дружелюбно и даже одарилъ золотомъ; во время раздѣла между испанцами возникла ссора, при видѣ которой индѣйскій вождь сказалъ: „я укажу вамъ страну, гдѣ вы можете вполнѣ удовлетворить вашу страсть къ этому металлу; но вы должны придти въ большемъ числѣ, потому что на пути живутъ сильные и воинственные князья. Съ той горы вы можете увидѣть другое море, по которому плаваютъ корабли не меньшіе, чѣмъ ваши и съ такими-же парусами“.

Впервые услыхали здѣсь испанцы не только подтвержденіе о существованіи новаго моря, но и вѣсть о золотоносной странѣ Перу. Когда они выразили сомнѣніе въ справедливости словъ индѣйца, тотъ прибавилъ: „обитатели тѣхъ странъ такъ богаты, что ѣдятъ и пьютъ изъ золотыхъ сосудовъ". За вѣрность своихъ словъ онъ ручался головою и предлагалъ себя въ заложники.

Возвратившись въ колонію, Бальбоа узналъ, что въ Испаніи вооружаютъ флотъ, чтобы наказать поселенцевъ за сверженіе королевскаго намѣстника. Бальбоа видѣлъ единственное спасеніе свое въ совершеніи какого-нибудь необыкновеннаго подвига, чѣмъ надѣялся умилостивить разгнѣваннаго короля. Планъ для такого предпріятія уже созрѣлъ въ его головѣ. Онъ состоялъ въ томъ, чтобы завоевать для своего государя новое море, въ которомъ водилось несмѣтное множество жемчужныхъ раковинъ, и новую страну, обильную золотомъ.

Панамскій перешеекъ вблизи материка южной Америки имѣетъ всего верстъ 80 ширины, а въ томъ мѣстѣ, гдѣ прошелъ Бальбоа, онъ съуживается до 60 верстъ благодаря глубоко-вдавшейся въ материкъ бухтѣ Св. Михаила, составляющей восточную часть Панамскаго залива. Горы въ этомъ мѣстѣ перешейка имѣютъ не болѣе 250 саженъ средней высоты, но подымаются нерѣдко отвѣсными стѣнами верстахъ въ 10—12 отъ берега Караибскаго моря. Западный склонъ, обращенный къ Великому океану, покрытъ непроницаемымъ тропическимъ лѣсомъ. Исполинскія деревья, перевитыя безчисленными вьющимися и чужеядными растеніями, представляютъ чащу, чрезъ которую можно проложить себѣ путь только съ помощью топора.

Оставивъ часть своихъ товарищей для охраны караблей, Бальбоа 4-го сентября 1513 г., двинулся съ 190 испанцами и 600 туземныхъ носильщиковъ въ достопамятный походъ свой. Индѣйскіе вожаки указывали путь, который велъ чрезъ земли нѣсколькихъ племенъ; одни изъ нихъ принимали испанцевъ дружелюбно, у другихъ приходи-

лось оружіемъ добиваться пропуска. Но самымъ страшнымъ врагомъ европейцевъ оказался нездоровый воздухъ болотистыхъ лѣсовъ и захворавшихъ приходилось отправлять обратно.

У Бальбоа оставалось только 66 товарищей, когда онъ взошелъ на перевалъ хребта. 25-го сентября въ 10 ч. утра индѣйскіе проводники сообщили ему, что съ ближайшаго холма онъ увидитъ новое море. Бальбоа приказалъ своимъ спутникамъ остановиться и одинъ поднялся на безлѣсную вершину. Отсюда онъ увидѣлъ развѣтвленную бухту, соединявшуюся вдали съ океаномъ. Онъ бросился на колѣни, возблагодарилъ Бога и потомъ далъ знакъ своимъ спутникамъ приблизиться. Всѣ бросились къ нему и, увидавъ величественное зрѣлище, также пали на колѣни. Въ память этого событія Бальбоа приказалъ соорудить крестъ и водрузить его на сложенныхъ наскоро камняхъ. Потомъ былъ составленъ актъ и подписанъ всѣми присутствующими. Эти 67 подписей сохранились по настоящее время; третьимъ въ ряду ихъ стоитъ имя Франсиска Пизарро, будущаго завоевателя Перу. Затѣмъ испанцы двинулись далѣе, чтобы достигнуть берега новаго моря. Оставивъ большую часть своихъ воиновъ въ тылу, Бальбоа и 21 изъ его спутниковъ подошли къ самому берегу. Это было во время отлива и пришлось дожидаться прибытія воды. Какъ только зашумѣли волны прилива, Бальбоа въ полномъ вооруженіи, со знаменемъ въ рукахъ, вошелъ по колѣна въ воду и громко провозгласилъ, что принимаетъ новый океанъ „со всѣми его берегами, гаванями, островами, царствами и областями“ во владѣніе короля испанскаго.

По окончаніи церемоніи всѣ испанцы вошли въ воду икаждый попробовалъ ее, такъ-ли она солона, какъ вода всѣхъ прочихъ морей.

Заливъ былъ достигнутъ въ день св. Михаила и получилъ свое названіе въ честь этого святого. Испанцы двинулись далѣе къ берегу открытаго океана. На пути они разграбили индѣйское селеніе, нашли на берегу три лодки

Бальбоа принимаетъ Тихій океанъ во владѣніе Испаніи.

туземцевъ и въ нихъ продолжали путь къ океану. Къ удивленію своему, Бальбоа замѣтилъ, что даже весла найденныхъ лодокъ были выложены драгоцѣннымъ жемчугомъ; вскорѣ онъ узналъ, что въ водахъ моря водится несмѣтное множество жемчужныхъ раковинъ. Индѣйцы добыли ихъ большое количество и открыли на глазахъ испанцевъ; нѣкоторые экземпляры лучшаго жемчуга были тогда-же отправлены въ Европу.

Нѣсколько недѣль пробылъ Бальбоа на берегахъ Великаго океана, который онъ назвалъ „Южнымъ моремъ“. Въ туземныхъ лодкахъ онъ объѣздилъ сосѣднія бухты и посѣтилъ нѣкоторые острова.

Мѣстные индѣйцы подтвердили извѣстіе о могущественныхъ и богатыхъ странахъ, лежащихъ южнѣе; здѣсь-же испанцы услыхали впервые о перуанскихъ ламахъ; одинъ изъ индѣйцевъ вылѣпилъ изъ глины форму животнаго, „что-то среднее между верблюдомъ и овцой“ и объяснилъ, что оно употребляется на югѣ для переноски тяжестей.

Обратно Бальбоа двинулся другой дорогой. Кровавыми стычками съ туземцами и разными жестокостями сопровождался этотъ походъ испанцевъ. Бальбоа хотѣлъ во что-бы то ни стало привезти съ собою какъ можно болѣе золота. 19-го января 1514 г. онъ возвратился въ колонію послѣ $4^1/_2$ мѣсяцевъ отсутствія.

Этотъ первый переѣздъ черезъ перешеекъ останется навсегда памятнымъ въ исторіи открытій. Только теперь стало ясно, что земля не такъ мала, какъ думали прежде и что Колумбъ и его послѣдователи открыли не новый путь въ Азію, а новую часть свѣта.

Бальбоа выказалъ во время своей экспедиціи большія военныя способности въ качествѣ предводителя. Онъ не потерялъ ни одного человѣка въ борьбѣ съ воинственными племенами, которыя впослѣдствіи уничтожали цѣлые отряды новыхъ пришельцевъ. Слава его омрачается, правда, цѣлымъ рядомъ кровавыхъ дѣлъ; но въ тѣ времена кровопролитіе было вполнѣ обычно у всѣхъ завое-

вателей. Послѣдователи его хозяйничали на перешейкѣ съ несравненно большею жестокостью, такъ что край совершенно обезлюдѣлъ, а развалины прежнихъ городовъ и селеній покрылись дремучимъ лѣсомъ.

Бальбоа снарядилъ корабль и отправилъ его въ Испанію съ радостною вѣстью о своемъ открытіи. Чтобы смягчить гнѣвъ короля, онъ послалъ много золота и до 300 крупныхъ жемчужинъ. Но ранѣе, чѣмъ корабль этотъ достигъ Испаніи, у перешейка появился флотъ подъ начальствомъ стараго Педраріи де-Авила. Онъ привелъ 20 кораблей и 1500 человѣкъ и долженъ былъ судить Бальбоа. Судъ однакоже оправдалъ послѣдняго, а тѣмъ временемъ и король, узнавъ объ открытіи, назначилъ его правителемъ земель на южной сторонѣ перешейка, хотя и подчиненнымъ Авилѣ. Бальбоа снаряжалъ новыя экспедиціи и самъ принималъ участіе въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, но Авила постоянно опасался его, какъ соперника и потому ненавидѣлъ. Вслѣдствіе доноса, будто-бы Бальбоа домогается независимости отъ него, Авила приказалъ его арестовать и судить. Бальбоа былъ обвиненъ въ измѣнѣ и обезглавленъ въ 1517 г.

ГЛАВА VII.

Первое кругосвѣтное плаваніе.

Уже въ началѣ 16-го столѣтія, когда стало выясняться, что къ югу отъ открытыхъ Колумбомъ острововъ лежитъ обширный материкъ, въ Испаніи возникла мысль о нахожденіи пути вокругъ этого материка въ богатую Индію, подобно тому, какъ былъ найденъ такой путь вокругъ Африки португальцами.

Въ 1508 г. изъ гавани С. Лукара было отправлено съ этой цѣлью 2 корабля, которые проплыли вдоль береговъ Южной Америки приблизительно до 40° ю. ш. Несогласія начальниковъ кораблей были причиною не-

успѣшности экспедиціи, которая въ слѣдующемъ году вернулась въ Испанію.

Открытіе Тихаго океана, которое сдѣлалъ Бальбоа въ 1513 г., дало новую пищу планамъ испанцевъ, тѣмъ болѣе, что къ этому присоединилось желаніе отыскать морской путь къ новымъ ихъ владѣніямъ на берегахъ Великаго океана.

Хуанъ Діасъ де-Солисъ предложилъ свои услуги выполнить этотъ планъ. Онъ обязался отыскать проѣздъ въ новый океанъ, войти въ сношенія съ намѣстникомъ Педраріасомъ и оттуда проѣхать къ островамъ Пряностей. Онъ отправился 8-го октября 1515 г. съ 3-мя кораблями изъ гавани Гуэльвы и достигъ широкаго устья рѣки Ріо-де-ла-Платы, названной тогда его именемъ — Ріо-де-Солисъ. Оставивъ два корабля въ устьѣ, онъ на одномъ небольшомъ суднѣ поднялся по рѣкѣ и сдѣлалъ попытку высадиться, но попалъ къ индѣйцамъ въ засаду, былъ убитъ и съѣденъ вмѣстѣ съ 8-ю другими испанцами. Смерть начальника прекратила дальнѣйшія изслѣдованія экспедиціи и она возвратилась въ Испанію.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда при испанскомъ дворѣ появился Фердинандъ Магелланъ, которому суждено было осуществить трудное предпріятіе объѣзда южной Америки.

Рожденный въ 1480 г. въ Португаліи, Магелланъ поступилъ на службу въ Индію. Во время экспедиціи въ Малакку онъ отличился такъ, что былъ призванъ въ военный совѣтъ; но смѣлыя возраженія его противъ главнаго начальника Альбукерка возбудили неудовольствіе послѣдняго и Магеллана стали устранять отъ участія въ важныхъ предпріятіяхъ. Оскорбленный этимъ, онъ вернулся на родину и поступилъ въ португальское войско, дѣйствовавшее въ 1514 г. въ Марокко. Здѣсь онъ былъ раненъ въ ногу столь тяжко, что остался хромымъ на всю жизнь. И тутъ судьба его преслѣдовала: обвиненный безъ всякаго основанія въ тайныхъ сношеніяхъ съ непріятелемъ, онъ безъ отпуска отправился въ Лиссабонъ,

чтобы лично подать жалобу королю. Но онъ не добился аудіенціи, а получилъ приказаніе вернуться въ армію и тамъ предстать предъ судомъ. Его оправдали, но онъ не стерпѣлъ обиды, бросилъ службу и возвратился въ Португалію, гдѣ занялся изученіемъ навигаціи и космографіи. Въ это время его другъ Серрано только-что совершилъ поѣздку на Молуккскіе острова. Магелланъ прочиталъ его письма, въ которыхъ разстояніе этихъ островов отъ Малакки было сильно преувеличено, и у него возникла мысль, что они лежатъ ближе къ Америкѣ, слѣдовательно и достигнуть ихъ легче, объѣхавъ ее съ юга. Онъ выработалъ планъ поѣздки, но въ Португаліи не добился ничего, такъ какъ король относился къ нему недоброжелательно. Постоянныя униженія, которыя приходилось испытывать Магеллану на португальской службѣ, побудили его переселиться въ Испанію и предложить тамъ свои услуги. Въ 1517 г. онъ прибылъ въ Севилью и былъ принятъ какъ желанный гость. Мысль, что Молуккскіе острова лежатъ ближе къ Америкѣ, чѣмъ къ Азіи, слѣдовательно на испанской половинѣ земли, была встрѣчена здѣсь съ восторгомъ и Магеллана вызвали ко двору короля.

Въ мартѣ 1518 г. составленъ былъ договоръ между испанскимъ правительствомъ и Магелланомъ, по которому послѣдній обязывался двинуться къ Молуккскимъ островамъ вокругъ Южной Америки и получалъ за это право исключительнаго пользованія этимъ путемъ въ теченіе 10 лѣтъ. Вѣсть о договорѣ дошла до Португаліи и тогда правительство обратилось къ Магеллану съ предложеніемъ порвать сношенія съ испанцами и снова поступить на службу въ Португалію. Но Магелланъ рѣшительно отказался и объявилъ, что сдержать свое слово для него дѣло чести.

Между тѣмъ и въ Испаніи раздались голоса, враждебные Магеллану. Матросы, навербованные для экспедиціи, принадлежали къ различнымъ народамъ и въ числѣ ихъ было не мало португальцевъ; это вызвало подозрѣніе, будто Магелланъ намѣревается все предпріятіе пре-

дать въ руки португальцевъ. Король, однако, не внялъ этимъ извѣтамъ и 19 апрѣля 1519 г. отдалъ приказъ къ отплытію, которое однако состоялось только чрезъ 5 мѣсяцевъ.

Вербовка матросовъ различныхъ народностей была произведена Магелланомъ намѣренно; онъ зналъ очень хорошо, какъ неохотно подчиняются испанцы чужеземнымъ начальникамъ и насколько легче будетъ управлять людьми, собранными изъ различныхъ народовъ. И дѣйствительно, первое время путешествія ознаменовалось цѣлымъ рядомъ мятежей, которые удавалось подавлять только съ напряженіемъ величайшихъ усилій.

Эскадра Магеллана состояла изъ пяти кораблей: „Троицы“—подъ командою самого Магеллана, „Св. Антонія“ (капит. Картахена), „Зачатія“ (капит. де-Казада), „Побѣды“ (кап. Мендоза) и „Св. Іакова“ (кап. Серрано). Въ числѣ спутниковъ находился Антоніо Пигафетта, которому мы обязаны описаніемъ этого замѣчательнаго путешествія.

Передъ отплытіемъ, послѣдовавшимъ 20-го сентября 1519 г. изъ гавани Санъ Лукаръ де-Баррамеда, Магелланъ отдалъ строжайшій приказъ, чтобы корабли не разъединялись. Командорскій корабль „Троица“ долженъ былъ плыть постоянно впереди прочихъ и по ночамъ обозначать курсъ огненными сигналами. Такъ два огня означали перемѣну направленія, нѣсколько огней или пушечный выстрѣлъ служили предостереженіемъ на меляхъ и т. п.

Вскорѣ послѣ отплытія началась рознь между начальниками судовъ. Хуанъ де-Картахена первый выказалъ неуваженіе, назвавъ Магеллана просто „капитаномъ“, а когда этотъ ему замѣтилъ, что онъ долженъ называть его „генералъ-капитаномъ“, то онъ не кланялся ему 3 дня, а потомъ возобновилъ свои притязанія на раздѣленіе съ нимъ главнаго начальствованія. Тогда Магелланъ схватилъ его за грудь, объявилъ арестованнымъ и назначилъ другого командира на корабль „Св. Антонія“. Такимъ образомъ мятежъ былъ прекращенъ въ самомъ

зародышѣ. Эскадра приплыла къ бухтѣ Ріо-де-Жанейро, гдѣ остановилась на нѣкоторое время, чтобы запастись свѣжей водой и съѣстными припасами. Магелланъ тщательно изслѣдовалъ бухту, чтобы убѣдиться, нѣтъ-ли тутъ пролива, который бы привелъ въ Тихій океанъ. Отсюда поплыли вдоль береговъ Южной Америки; Магелланъ двигался медленно, съ величайшей осторожностью, дѣлая всюду изслѣдованія устьевъ рѣкъ и бухтъ.

10-го января 1520 г. эскадра достигла устья Ріо-де-ла-Платы. Прибрежный холмъ, похожій на шляпу, былъ названъ Monte vidi (Монтевидео).

Двѣ недѣли провели здѣсь въ отыскиваніи пролива и поплыли далѣе лишь тогда, когда окончательно убѣдились, что это было только устье большой рѣки. Цѣлый рядъ заливовъ, которые требовали изслѣдованія, послужилъ новой задержкой. Таковы были заливы: „Св. Матѳея", „Св. Георга" и др. Въ мартѣ наступила антарктическая осень и экспедиція была вынуждена перезимовать у негостепріимныхъ береговъ Патагоніи подъ 49° ю. ш.

Пять мѣсяцевъ простояла здѣсь эскадра. Обитателей Магелланъ назвалъ „патагонами", т.-е. людьми съ огромными ногами. Карта Рибейро (1529 г.), изображающая Магеллановъ проливъ, „Tierra de Patagones", имѣетъ слѣдующую надпись: „Жители страны, въ которой Магелланъ нашелъ проливъ, огромнаго роста, почти великаны. Они одѣваются въ шкуры дикихъ звѣрей, страна ихъ безплодна и бѣдна. Здѣсь Магелланъ простоялъ 5 мѣсяцевъ подъ 50° ю. ш. Тутъ приходили къ нему индѣйцы и когда имъ дали отвѣдать хлѣба и вина, то ихъ появилось очень много. Домовъ здѣсь не видно, а живутъ въ открытомъ полѣ. Индѣйцы имѣютъ стрѣлы. Тутъ водится много страусовъ".

Испанцы впослѣдствіи распространили слухъ о патагонскихъ великанахъ, которые оказались просто людьми высокаго роста.

Прежде чѣмъ двинуться въ дальнѣйшій путь, Магелланъ отправилъ на югъ для изслѣдованій Хуана Серрано

Магелановъ проливъ.

на кораблѣ „Св. Іаковъ“. Верстахъ въ 100 южнѣе корабль этотъ, застигнутый бурей, потерпѣлъ крушеніе, и экипажъ его едва спасся.

Магелланъ двинулся 24-го августа и тоже долженъ былъ бороться съ бурями; но на всѣ доводы своихъ спутниковъ, требовавшихъ возвращенія, онъ отвѣчалъ, что если корабли его дважды лишатся всѣхъ снастей, тогда онъ повернетъ на востокъ, но поплыветъ не въ Испанію, а на Молуккскіе острова вокругъ Африки.

Наконецъ 21 октября корабли достигли входа въ проливъ, который по сіе время носитъ имя Магеллана. Онъ имѣетъ около 600 верстъ длины и по своимъ развѣтвленіямъ и виду прибрежій можетъ быть раздѣленъ на 3 части: восточную, среднюю и западную. Восточная часть представляетъ два съуженія, между которыми находятся широкіе заливы, на подобіе озеръ; здѣсь нѣтъ боковыхъ развѣтвленій, берега покрыты невысокими и совершенно безлѣсными горами. Въ средней и западной частяхъ горы подымаются гораздо выше и подступаютъ нерѣдко къ самому проливу почти отвѣсными скалами; тамъ, гдѣ спуски къ водѣ отложе, они покрыты обильнымъ лиственнымъ лѣсомъ. Средняя часть есть наиболѣе широкая, западная—наиболѣе узкая и болѣе другихъ изрѣзанная фіордами. Величественное, но вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно мрачное зрѣлище представляетъ проливъ: всюду видны снѣжныя вершины, замерзшіе водопады, нерѣдко висящіе по бокамъ горъ и темныхъ долинъ, на подобіе стеклянныхъ столбовъ голубовато-зеленоватаго цвѣта. Безчисленныя развѣтвленія пролива являются часто въ видѣ узкихъ каналовъ, изъ которыхъ повидимому нѣтъ выхода и гдѣ мореплаватель можетъ блуждать цѣлыя недѣли. Здѣсь свирѣпствуютъ почти непрерывныя бури и туманы, а небо постоянно покрыто тяжелыми тучами; воды кажутся черными какъ сажа по причинѣ большой глубины и темноты тѣней прибрежныхъ скалъ; каналы мѣстами такъ узки, что лавировать становится трудно или совсѣмъ невозможно, а порывистые вѣтры, врываясь въ проливъ

чрезъ ущелья между горъ, порою подымаютъ въ немъ волненіе, опасное въ особенности для парусныхъ судовъ.

При въѣздѣ въ проливъ капитаны кораблей и кормчіе собрались на совѣщаніе и опять показали себя малодушными: они совѣтовали возвратиться въ Испанію съ извѣстіемъ о нахожденіи пролива и хлопотать о снаряженіи новой экспедиціи, лучше снабженной; дальнѣйшее плаваніе имъ казалось опаснымъ въ виду того, что припасовъ хватитъ теперь не болѣе, какъ на три мѣсяца. Но Магелланъ воспротивился ихъ мнѣнію и объявилъ, что онъ сдержитъ слово, данное королю, хотя бы пришлось жевать ремни такелажа; подъ страхомъ смертной казни запретилъ онъ поминать о возвращеніи и на слѣдующій день вступилъ въ проливъ. Страну, которая лежала съ лѣвой стороны, назвали Огненной Землею, потому что часто видѣли на берегахъ ея огни. Когда доѣхали до южной оконечности материка, то оказалось такое множество развѣтвленій пролива, что Магелланъ послалъ два корабля на развѣдки, а съ остальными занялся охотой и рыболовствомъ. Отправленные корабли были „Св. Антоній“ и „Зачатіе“; первый изъ нихъ направился въ одинъ изъ юго-восточныхъ каналовъ и исчезъ; второй скрылся въ лабиринтѣ острововъ. Въ ожиданіи возвращенія обоихъ кораблей Магелланъ вступилъ въ западную часть пролива и, чтобы не терять времени, послалъ впередъ большую лодку для изслѣдованія пути; она возвратилась чрезъ 3 дня съ радостною вѣстью, что нашла выѣздъ изъ пролива и достигла открытаго моря. Всеобщая радость омрачалась только безпокойствомъ объ участи „Св. Антонія“ — лучшаго изъ кораблей экспедиціи. Опасенія оказались напрасными, ибо „Св. Антоній“ давно плылъ назадъ въ Испанію. Матросы, предводимые кормчимъ Гомесомъ, возмутились противъ капитана корабля, заковали его въ цѣпи и такъ привезли въ Испанію. Мятежники объявили, что Магелланъ сумасшедшій, который обманулъ короля и не имѣлъ понятія о томъ, гдѣ находятся Молуккскіе острова.

Прождавъ напрасно 6 дней, Магелланъ отдалъ приказъ двинуться въ дальнѣйшій путь. Плыли только днемъ и впереди кораблей шли лодки, которыя дѣлали промѣры; на 5-й день достигли наконецъ выхода въ океанъ. Экспедиція пробыла въ проливѣ 3 недѣли, но если вычесть дни, которые простояли въ ожиданіи возвращенія кораблей, то на весь путь потребовалось 12 дней.

1-го декабря Магелланъ навсегда потерялъ изъ виду берега Южной Америки. Вѣтеръ былъ попутный и слабый въ сравненіи съ бурями, которыя пришлось испытать вблизи пролива; поэтому море назвали Mar Pacifico, т.-е. Тихимъ океаномъ. 40 дней эскадра видѣла только воду и небо; потомъ показался небольшой и необитаемый островокъ „Св. Павла", а черезъ 11 дней другой такой-же пустынный; но вокругъ него плавало очень много акулъ и здѣсь корабли остановились на 2 дня для рыбной ловли, такъ какъ съѣстные припасы стали приходить къ концу. Двинулись далѣе, но страхъ предъ голодною смертью подавлялъ людей. „Мы плыли", пишетъ Пигафетта, „три мѣсяца и 20 дней, не имѣя свѣжихъ припасовъ. Сухари обратились въ пыль, и эта пыль, изъѣденная червями, издавала зловоніе; вода тоже помутнѣла и протухла. Мы ѣли кожу, которою были подшиты паруса и которая такъ отвердѣла, что ее надо было вымачивать по нѣсколько дней въ морской водѣ и потомъ запекать въ горячей золѣ. Крысы составляли лакомство. Ко всему этому присоединилась цынга — болѣзнь, отъ которой умерло 19 человѣкъ. Если бы Господь Богъ не послалъ намъ хорошую погоду, то мы-бы всѣ умерли голодной смертью на этомъ громадномъ морѣ, и я думаю, что никогда ни одинъ человѣкъ не предприметъ еще разъ такого путешествія".

13-го февраля Магелланъ переѣхалъ чрезъ экваторъ; онъ зналъ, что подъ нимъ лежатъ острова Молуккскіе, составлявшіе цѣль его путешествія, но тѣмъ не менѣе продолжалъ плыть на сѣверо-западъ, опасаясь встрѣчи съ португальцами, которая могла быть гибельною для

экспедиціи при настоящемъ жалкомъ ея состояніи. Онъ предпочелъ поэтому направиться въ болѣе сѣверныя области Азіи, запастись тамъ свѣжими припасами, вычинить корабли и тогда уже направиться къ Молуккскимъ островамъ.

Наконецъ 6-го марта Магелланъ прибылъ къ Маріанскому архипелагу. По странной случайности на всемъ пути отъ южнаго конца Америки онъ не встрѣтилъ ни одной изъ многочисленныхъ группъ острововъ, разсѣянныхъ по Великому океану. Съ неописаннымъ восторгомъ люди увидѣли кокосовыя пальмы, бананы и сахарный тростникъ. Вскорѣ корабли были окружены массой парусныхъ лодокъ, на которыхъ островитяне двигались такъ быстро, какъ будто летали.

Сначала обитатели показались довѣрчивыми и дружелюбными, но потомъ замѣтили, что они воруютъ. Завязывались поэтому ссоры и кровавыя драки, и испанцы назвали архипелагъ островами воровъ (Ladrones).

Отправляясь отсюда на западъ, Магелланъ достигъ 16-го марта Филиппинскихъ острововъ. Здѣсь испанцы встрѣтились съ малайцами, которые покорили эти острова въ концѣ XV-го столѣтія. Завязались миролюбивыя сношенія и, переѣзжая съ острова на островъ, Магелланъ встрѣтилъ арабскихъ купцовъ, отъ которыхъ услыхалъ и о португальцахъ.

7-го апрѣля пристали къ берегамъ острова Себу, самаго плодороднаго во всей группѣ. Обитатели оказались настолько дружелюбными, что Магелланъ задумалъ обратить ихъ въ христіанство, а князя ихъ сдѣлать главою надъ всѣми окрестными островами и взять его подъ защиту Испаніи. Этотъ планъ для Магеллана сдѣлался роковымъ. Идолъ въ храмѣ былъ поверженъ и островитяне преклонялись уже предъ крестомъ, но владѣтель сосѣдняго острова Матана или Мактана отказался давать требуемую дань. Магелланъ рѣшился его наказать. Хотя его предупреждали о воинственномъ духѣ мактанцевъ, но Магелланъ такъ понадѣялся на превосходство

европейскаго оружія, что отвергъ помощь новокрещеныхъ союзниковъ и отправился на нѣсколькихъ лодкахъ на островъ въ сопровожденіи 50 человѣкъ. Мактанцы его уже поджидали; послѣ перваго залпа изъ ружей они осыпали испанцевъ градомъ стрѣлъ и камней. Магелланъ былъ раненъ въ ногу отравленной стрѣлою и нашелся вынужденнымъ отдать приказъ объ отступленіи, которое однако вскорѣ перешло въ совершенное бѣгство; только 8 человѣкъ, наиболѣе вѣрныхъ, остались при своемъ раненомъ начальникѣ. Со всѣхъ сторонъ напали тогда мактанцы на Магеллана; два раза шлемъ былъ сбитъ съ его головы, но онъ отчаянно защищался и закололъ копьемъ одного изъ враговъ, который его ранилъ. Схватившись за мечъ, онъ могъ вытащить его только на половину, ибо рука отказывалась служить отъ полученной раны, и въ это-то время ему нанесли такой ударъ, что онъ упалъ; тогда мактанцы накинулись на него и добили. Пигафетта такъ описываетъ смерть Магеллана: „когда враги его одолѣли, онъ нѣсколько разъ, уже распростертый на землѣ, оборачивался на насъ, чтобы видѣть, спаслись-ли его сотоварищи. Такъ палъ нашъ вѣрный предводитель, наше утѣшеніе, нашъ образецъ!“ Тщетно пытались испанцы выручить тѣло убитаго; мактанцы рѣшительно отказали въ этомъ и не приняли даже предлагаемый за него большой выкупъ.

Магелланъ былъ убитъ 27-го апрѣля 1521 года на 41-мъ году своей жизни. Цѣли своего путешествія — Молуккскихъ острововъ — онъ не достигъ, но онъ прошелъ труднѣйшую часть пути, открылъ проливъ у южной оконечности Америки и переплылъ чрезъ величайшій океанъ земнаго шара. Своими подвигами онъ стяжалъ себѣ безсмертную славу. Онъ былъ строгимъ начальникомъ, сурово укрощавшимъ всѣхъ мятежниковъ; онъ въ своихъ предпріятіяхъ не надѣялся на счастливыя случайности, а дѣйствовалъ всегда по строго обдуманному плану. Непоколебимая настойчивость въ преслѣдованіи цѣли, отвага, съ которою онъ пустился чрезъ величайшій изъ

всѣхъ океановъ, раздѣляя съ своими подчиненными всѣ опасности и лишенія, — все это ставитъ его на ряду съ величайшими изслѣдователями и героями эпохи открытій.

Смерть Магеллана была ужаснымъ ударомъ для экспедиціи; значеніе ея въ глазахъ малайцевъ упало, и даже крещеный князь острова Себу задумалъ истребить чужестранцевъ. Онъ обѣщалъ послать королю испанскому подарокъ изъ драгоцѣнныхъ камней и пригласилъ испанцевъ на пиръ, во время котораго хотѣлъ передать имъ обѣщанное. Не подозрѣвая коварства, .24 испанца послѣдовали приглашенію. Во время пира на нихъ внезапно напали и перебили всѣхъ, за исключеніемъ Хуана Серрано. Остававшіеся на корабляхъ испанцы, при видѣ этого, снялись съ якоря. Раненаго Серрано притащили на берегъ и онъ знаками умолялъ его выкупить; но испанцы не довѣряли вѣроломнымъ малайцамъ и не отважились приблизиться, боясь засады; такимъ образомъ несчастный Серрано былъ предоставленъ неизвѣстной участи.

Число людей, оставшихся въ живыхъ послѣ этихъ столкновеній, было слишкомъ мало для трехъ кораблей, и самый плохой изъ нихъ — „Зачатіе“ испанцы сожгли у сосѣдняго острова Боголя.

Посѣтивъ берега острововъ Минданао и Палавана, экспедиція приплыла къ Борнео. Здѣсь она находилась въ центрѣ малайской цивилизаціи. На слѣдующее утро по прибытіи кораблей ихъ посѣтили мѣстные вельможи. На своихъ лодкахъ, изукрашенныхъ позолоченными головами змѣй и небольшими бѣлыми флагами, они привезли подарки, которые состояли изъ бетеля, жасминовъ, померанцевыхъ цвѣтовъ, куръ, козъ, сахарнаго тростника и трехъ кувшиновъ пальмоваго вина. Испанцамъ позволили торговать и запасаться водой и дровами; съ своей стороны и они отправили на берегъ посольство съ подарками королю. Для перевозки посланныхъ прибыли два слона, увѣшанные шелковыми тканями; на спинѣ у каждаго былъ большой ящикъ, въ которомъ помѣщалось 12

человѣкъ; они везли большое фарфоровое блюдо для принятія подарковъ. Слоны опустились на колѣни, испанцы взобрались въ ящики и проѣхали такъ по многолюднымъ улицамъ къ королевскому дворцу, куда были введены придворными. Король, какъ и большая часть его подданныхъ, былъ магометанинъ; онъ бесѣдовалъ съ испанцами черезъ переводчиковъ и подтвердилъ разрѣшеніе вести торговлю.

Городъ Борнео, по описанію Пигафетты, состоялъ изъ 25,000 деревянныхъ домовъ, построенныхъ на сваяхъ. Установившіяся мирныя сношенія внезапно были прерваны недоразумѣніемъ: случайно собралось много лодокъ вокругъ кораблей, такъ какъ всѣ желали торговать съ пріѣзжими. Послѣдніе заподозрили недоброе намѣреніе и вдругъ напали на туземцевъ, потопили нѣсколько лодокъ и пробили себѣ дорогу въ открытое море; часть испанцевъ осталась на берегу и была брошена товарищами на произволъ судьбы.

Недѣль шесть простояли послѣ того испанцы у одного изъ сосѣднихъ острововъ, чтобы вычинить сильно поврежденные корабли. При отплытіи они избрали начальникомъ экспедиціи лоцмана дель-Кано и съ нимъ достигли наконецъ, 8-го ноября, цѣли своего путешествія — Молуккскихъ острововъ — послѣ плаванія, продолжавшагося слишкомъ $2^1/_4$ года. Раджа (владѣтельный князь) Тидора встрѣтилъ испанцевъ дружелюбно; казалось, онъ даже радовался найти въ нихъ соперниковъ португальцамъ, такъ какъ могъ брать теперь гораздо большую цѣну за гвоздику.

Португальскихъ кораблей въ это время не было въ гавани; нѣкоторые изъ нихъ незадолго передъ тѣмъ ушли съ грузомъ пряностей. Испанцы нашли здѣсь только португальскихъ торговыхъ агентовъ, съ которыми вступили въ мирныя сношенія.

Къ срединѣ декабря оба корабля были исправлены и нагружены гвоздикой, мускатнымъ орѣхомъ и имбиремъ. Но оказалось вдругъ, что корабль „Троица“ получилъ

такую течь, что долженъ былъ остаться для починки еще на неопредѣленное время; такимъ образомъ одна „Побѣда“, подъ начальствомъ Севастіана дель-Кано, съ 47 испанцами и 13 туземцами, продолжала путь. Въ срединѣ мая корабль, при страшной бурѣ, обогнулъ южную оконечность Африки. Снова оказался недостатокъ припасовъ и вслѣдствіе того умерло 15 испанцевъ и 6 тидорцевъ, пока наконецъ, 9-го іюля, достигнуты были острова Зеленаго мыса. Хотя послѣдніе и были заняты португальцами, но испанцы надѣялись, что ихъ не задержатъ, если они объявятъ, что ѣдутъ изъ Америки. Здѣсь первые кругосвѣтные путешественники были поражены недочетомъ одного дня: оказалось, что былъ четвергъ, тогда какъ по ихъ счету выходила среда. „Это насъ очень удивило“, говоритъ Пигафетта, „такъ какъ я записывалъ дни во все время пути, не пропуская ни одного. Только послѣ мы узнали, что тутъ не было ошибки, и я дѣйствительно не пропустилъ ни одного дня; эта разница въ одномъ днѣ произошла вслѣдствіе того, что мы объѣхали земной шаръ въ направленіи съ востока на западъ. При этомъ путешественникъ непремѣнно долженъ потерять одинъ день въ сравненіи съ тѣми, кто остается на мѣстѣ“.

Между тѣмъ португальцы все-таки догадались, что корабль „Побѣда“ принадлежитъ къ эскадрѣ Магеллана, и когда снова была послана лодка на берегъ, то находившіеся на ней 13 человѣкъ были арестованы. Когда дель-Кано это увидѣлъ, онъ тотчасъ-же ушелъ въ море и прибылъ 6-го сентября 1522 г. въ Санъ Лукаръ, — ту самую гавань, изъ которой Магелланъ выѣхалъ 20-го сентября 1519 года.

„Побѣда“, изъѣденная червями, со сломанными мачтами и изорванными парусами, одна возвращалась изъ пяти отправившихся судовъ. Но цѣнный грузъ гвоздики, имбиря, мускатнаго орѣха и корицы, который она привезла съ собою, стоимостью своею покрылъ съ лихвою расходы на экспедицію.

9-го сентября кругосвѣтные путешественники торжественной процессіей отправились въ соборъ, чтобы возблагодарить Бога за благополучное свое возвращеніе; ихъ осталось всего 18 человѣкъ изъ 239, отправившихся съ Магелланомъ въ дальнее плаваніе. Потомъ путешественники были приглашены къ королевскому двору въ Вальядолидъ. Дель-Кано получилъ новый гербъ и шлемъ съ изображеніемъ глобуса и надписью: „Primus circumdedisti me“ (ты первый меня объѣхалъ).

А что сталось съ другимъ кораблемъ — „Троицей“? Послѣ того, какъ его исправили, 17 оставшихся на немъ матросовъ попытались еще разъ переплыть Великій океанъ и достигнуть испанскихъ владѣній въ центральной Америкѣ. Страшныя бури и новыя поврежденія корабля заставили ихъ вернуться на Молуккскіе острова и просить помощи у португальцевъ. Ихъ возили съ острова на островъ, въ Малакку, потомъ отправили въ Индостанъ и наконецъ въ Африку; большинство перемерло въ дорогѣ и только трое вернулись чрезъ нѣсколько лѣтъ въ Европу; но и здѣсь ихъ еще 7 мѣсяцевъ держали подъ арестомъ въ Лиссабонѣ, пока наконецъ состоялся королевскій приказъ объ ихъ освобожденіи.

Научное значеніе этого путешествія было громадно. Прежде всего оно дало неоспоримое доказательство шаровидности земли; затѣмъ оно показало, что Новый Свѣтъ и на западѣ отдѣленъ океаномъ отъ Стараго; оно ознакомило съ разстояніемъ между Америкой и Азіей и распредѣленіемъ суши и воды на земной поверхности. Невѣрныя представленія о величинѣ земли, наслѣдованныя отъ прежнихъ временъ и не исчезнувшія даже послѣ открытій Колумба, были совершенно разрушены достославнымъ путешествіемъ Магеллана и дель-Кано.

Съ возвращеніемъ „Побѣды“ начинается новая эра землевѣденія.

ГЛАВА VIII.

Событія на островѣ Кубѣ. Планъ экспедиціи Кортеса.

Прошелъ цѣлый рядъ лѣтъ со времени достопамятныхъ путешествій Колумба, а великія ожиданія, которыми привѣтствовали его открытія, не оправдывались. Новымъ морскимъ путемъ надѣялись достигнуть Индіи съ ея многолюдными городами, храмами, дворцами и несмѣтными богатствами; вмѣсто того на Антильскихъ островахъ нашли только бѣдныхъ дикарей, и количество золота, доставляемое оттуда въ сокровищницу короля, было незначительно.

Важнѣйшія поселенія испанцевъ въ то время находились на Испаньолѣ. Самый большой изъ Антильскихъ острововъ — Куба еще не былъ занятъ; Колумбъ, проплывшій вдоль южнаго берега его, такъ и умеръ въ томъ убѣжденіи, что онъ составляетъ часть материка Азіи. Сынъ его — Діего въ 1509 году былъ назначенъ правителемъ Испаньолы и поручилъ другу своего семейства Веласкесу занять Кубу, такъ какъ золотые пріиски Испаньолы истощились. Веласкесъ прошелъ весь островъ и покорилъ его безъ большаго кровопролитія. Одинъ только вождь, бѣжавшій съ Испаньолы отъ преслѣдованій испанцевъ, оказалъ сопротивленіе и былъ за то приговоренъ Веласкесомъ къ сожженію на кострѣ. Когда онъ былъ уже привязанъ къ столбу, къ нему подошелъ присутствовавшій при казни монахъ и убѣждалъ принять христіанскую вѣру, дабы тѣмъ открыть своей душѣ доступъ на небеса; въ противномъ случаѣ стращалъ его адомъ и вѣчными мученіями. Индѣецъ на минуту задумался, а затѣмъ спросилъ монаха: „А попадаютъ въ рай испанцы?“ — „Да“ отвѣчалъ монахъ, „и особенно добрые“. — „Я не хочу въ рай, а пойду лучше въ адъ, чтобы не встрѣчаться съ такими злыми и жестокими людьми“.

На островъ Кубу, послѣ его покоренія, направился потокъ искателей наживы, и вскорѣ онъ сдѣлался средо-

точіемъ дальнѣйшихъ экспедицій для открытія и покоренія новыхъ земель. Веласкесъ, назначенный губернаторомъ острова, заботился объ устройствѣ и благосостояніи этой новой колоніи. Онъ основалъ нѣсколько поселеній, привлекъ переселенцевъ щедрой раздачею земель и невольниковъ; особенное вниманіе онъ обратилъ на разведеніе сахарнаго тростника и на разработку золотыхъ пріисковъ.

Въ это время одинъ изъ поселившихся на Кубѣ испанскихъ гидальго (дворянъ) — Гернандесъ де Кордова — предпринялъ экспедицію на сосѣдніе острова съ цѣлью добыть новыхъ индѣйскихъ невольниковъ (въ 1517 г.). Подъ его начальствомъ было 3 корабля и 110 человѣкъ воиновъ. Выдержавъ ужасныя бури, экспедиція, послѣ трехнедѣльнаго плаванія, пристала къ незнакомымъ еще въ то время берегамъ полуострова Юкатана у мыса Каточе. Съ берега навстрѣчу кораблямъ выѣхало 5 лодокъ, наполненныхъ множествомъ индѣйцевъ; они приглашали испанцевъ посѣтить ихъ городъ, расположенный недалеко отъ берега. Испанцы приняли приглашеніе и высадились на берегъ, но попали въ засаду. Только благодаря превосходству оружія они добрались до своихъ кораблей и тотчасъ-же поплыли далѣе.

Двигаясь вдоль низменнаго берегъ на западъ, они послѣ 15-дневнаго плаванія въѣхали въ бухту и увидѣли невдалекѣ отъ нея большой городъ съ каменными домами, храмами и башнями. И здѣсь туземцы приглашали ихъ въ свой городъ, который называли „Кимпечъ“ (Кампечъ); послѣ нѣкотораго размышленія испанцы согласились; они увидѣли здѣсь большіе храмы, выстроенные изъ камня, съ стѣнами, украшенными изображеніями боговъ, людей, животныхъ и разныхъ фигуръ. Вокругъ одного изъ алтарей стояли лужи крови — остатки только-что совершенныхъ человѣческихъ жертвоприношеній. Замѣтивъ разныя воинственныя приготовленія у туземцевъ, испанцы догадались, что имъ и здѣсь готовятъ пагубу и потому поспѣшили возвратиться на корабли. — Изслѣдуя берегъ

все въ томъ-же направленіи, они увидѣли другой большой городъ. Недостатокъ воды заставилъ ихъ высадиться на берегъ, чтобы наполнить бочки. Во время этой работы на нихъ напало большое число индѣйцевъ, вооруженныхъ копьями и стрѣлами. Испанцы едва на другой день пробились къ своимъ лодкамъ, преслѣдуемые туземцами; только одинъ изъ нихъ остался совершенно невредимъ,— всѣ остальные были переранены, въ томъ числѣ и Кордова. Въ самомъ печальномъ видѣ возвратилась экспедиція на островъ Кубу, гдѣ Кордова вскорѣ умеръ отъ полученныхъ двѣнадцати ранъ.

Неудачная экспедиція эта убѣдила однако въ томъ, что Юкатанъ населенъ племенемъ несравненно болѣе цивилизованнымъ и богатымъ, чѣмъ были въ то время островитяне Кубы и Гаити. Испанцы пришли въ удивленіе отъ обширности и прочности построекъ; ихъ поразили также тщательная обработка земли, тонкія ткани одеждъ и отдѣлка золотыхъ украшеній.

Привезенныя извѣстія убѣдили Веласкеса въ важности открытія и онъ поспѣшилъ снарядить новую экспедицію изъ 4-хъ судовъ подъ начальствомъ своего племянника — Хуана де-Грихальва. Эта вторая экспедиція отправилась изъ Кубы 1-го мая 1518 г. и слѣдовала по пути первой.— Всюду, гдѣ приставалъ Грихальва, его встрѣчали такъ же враждебно, какъ и его предшественника — Кордову.

Грихальва терпѣлъ менѣе отъ воинственныхъ индѣйцевъ, такъ какъ былъ лучше приготовленъ къ отпору. Въ одномъ мѣстѣ Кампечскаго залива онъ вошелъ въ устье рѣки Табаско, названной потомъ его именемъ — Ріо-де-Грихальва — и здѣсь нашелъ дружественный пріемъ у одного индѣйскаго вождя, который далъ ему, между прочимъ, множество золотыхъ вещей.— Продолжая путь вдоль береговъ Мексиканскаго залива, Грихальва вскорѣ встрѣтился въ первый разъ съ астеками. Управлявшій этой областью касикъ уже имѣлъ извѣстіе о приближеніи испанцевъ. Онъ желалъ собрать какъ можно больше

свѣдѣній о пришельцахъ и о цѣли ихъ посѣщенія, чтобы донести своему государю. Грихальва вышелъ на берегъ со всѣмъ своимъ войскомъ и дружелюбно былъ встрѣченъ индѣйцами. Испанцы обмѣнялись съ туземцами подарками и получили много драгоцѣнныхъ камней, золотыхъ украшеній и сосудовъ самой затѣйливой работы за разныя бездѣлушки, какъ цвѣтныя бусы, ножницы и т. п. Имѣя приказаніе ограничиться торгомъ съ туземцами, Грихальва считалъ цѣль своего путешествія достигнутой и вернулся на островъ Кубу послѣ почти полугодоваго плаванія.

Фердинандъ Кортесъ.

Веласкесъ остался недоволенъ результатомъ экспедиціи и, главнымъ образомъ тѣмъ, что не была основана колонія на новооткрытомъ берегу. Поэтому Грихальва былъ принятъ холодно и на его мѣсто подыскали другаго, болѣе смѣлаго и рѣшительнаго человѣка, который долженъ былъ проникнуть внутрь открытой страны. Этотъ человѣкъ былъ Фердинандъ или Гернандо Кортесъ.

Кортесъ родился въ Меделлинѣ, небольшомъ городкѣ юго-восточной Эстремадуры, въ 1485 году. Четырнад-

цати лѣтъ онъ поступилъ въ саламанкскій университетъ и долженъ былъ сдѣлаться юристомъ. Но онъ мало обнаруживалъ охоты къ избранному для него отцомъ поприщу; предпріимчивая натура влекла его во вновь открытыя земли, гдѣ можно было испытать свои юныя силы. Девятнадцатилѣтнимъ юношей онъ отправился въ Испаньолу и поступилъ въ военную службу. Подъ начальствомъ Веласкеса онъ участвовалъ въ усмиреніи неоднократныхъ возстаній индѣйцевъ и особенно отличился при покореніи острова Кубы. Здѣсь онъ получилъ обширныя владѣнія и большое количество невольниковъ, развелъ плантаціи, разработывалъ рудники и сдѣлался богатымъ человѣкомъ. Мирная жизнь его была нарушена извѣстіемъ объ открытіяхъ Грихальвы и громадныхъ барышахъ торга съ жителями. Мгновенно разнеслись эти новости по всему острову. Веласкесъ рѣшился отправить туда большую экспедицію и искалъ человѣка, способнаго начальствовать ею и вмѣстѣ съ тѣмъ раздѣлить расходы снаряженія. Выборъ его палъ на Кортеса, уже извѣстнаго своей отвагой и распорядительностью. Назначеніе это возбудило во многихъ зависть, и Веласкесу начали нашептывать о мнимыхъ проискахъ Кортеса. Клевета подѣйствовала настолько, что Веласкесъ уже рѣшился передать начальство въ другія руки; но совѣтники его сообщили объ этомъ Кортесу, который порѣшилъ отплыть со своими кораблями немедленно, хотя снаряженіе ихъ еще не было окончено. Въ полночь, когда весь городъ былъ погруженъ въ глубокій сонъ, Кортесъ со всѣми своими спутниками перебрался на корабли. Извѣстіе объ этомъ быстро распространилось, и съ восходомъ солнца Веласкесъ со свитой прискакалъ на берегъ. Когда Кортесъ его узналъ, онъ сѣлъ въ лодку и приблизился къ берегу на такое разстояніе, что могъ переговариваться.

„Такимъ-то образомъ вы разстаетесь со мною?“ крикнулъ ему Веласкесъ.

„Извините“ отвѣчалъ Кортесъ, „время не терпитъ, и есть вещи, которыя должно дѣлать прежде, чѣмъ о

Кортесъ оставляетъ Кубу.

нихъ можно подумать. Ваше превосходительство имѣете какія-нибудь приказанія?“

Но оскорбленный намѣстникъ ничего не отвѣчалъ и Кортесъ, раскланявшись вѣжливо, возвратился къ своимъ кораблямъ. Докончивъ вооруженіе въ сосѣднихъ испанкихъ колоніяхъ, Кортесъ имѣлъ подъ своимъ начальствомъ 11 кораблей, 110 моряковъ и 553 солдата. Артиллерія состояла изъ 10 тяжелыхъ и 4 легкихъ орудій. Только конница была слаба, такъ какъ Кортесъ не могъ достать болѣе 16 лошадей.

18-го февраля 1519 года экспедиція двинулась къ берегамъ Юкатана.

ГЛАВА IX.

Прибытіе въ Мехику.

Страна, въ которую отправился Кортесъ, была совершенно неизвѣстна; никто не зналъ, какими племенами она населена, никто не понималъ языка населявшихъ ее народовъ. Экспедиціи недоставало надежнаго переводчика; случай доставилъ Кортесу двоихъ — мужчину и женщину еще прежде, чѣмъ онъ ступилъ на мехиканскую землю. Оба переводчика настолько способствовали успѣху предпріятія, что нельзя умолчать объ ихъ участи.

Изъ числа испанскихъ кораблей, которые уже посѣщали воды Антильскаго моря, многіе потерпѣли крушеніе у неизвѣстныхъ береговъ. Люди, которымъ удавалось спастись отъ разъяренныхъ волнъ, попадали въ руки индѣйцевъ; большинство изъ нихъ гибло подъ ударами дикарей или было принесено въ жертву идоламъ.

Одинъ изъ такихъ кораблей разбился у береговъ острова Козумеля, и Кортесъ остановился здѣсь, чтобы узнать объ участи людей, которые, по слухамъ, еще томились въ плѣну на материкѣ. Поиски оказались тщетными, и

Кортесъ уже потерялъ надежду узнать что-нибудь о несчастныхъ, какъ съ сосѣдняго берега Юкатана появился челнокъ съ нѣсколькими туземцами; одинъ изъ нихъ приблизился къ испанцамъ и спросилъ ломаннымъ кастильскимъ языкомъ, находится-ли онъ среди христіанъ? Когда ему отвѣтили утвердительно, онъ бросился на колѣни и благодарилъ Бога за свое чудесное избавленіе. Это былъ одинъ изъ числа спасшихся во время кораблекрушенія; звали его Іеронимомъ де-Агиларомъ. Товарищи его попали въ руки людоѣдовъ и были ими принесены въ жертву богамъ. Самъ онъ спасся отъ той-же участи бѣгствомъ внутрь страны, гдѣ попался къ одному касику. Принятый сначала сурово, онъ кротостью расположилъ къ себѣ новаго повелителя своего такъ, что мало-помалу сдѣлался значительнымъ лицомъ въ государствѣ. Индѣйцы отпустили его, хотя и неохотно, когда вѣсть о прибытіи испанцевъ дошла до нихъ. Агиларъ былъ принятъ Кортесомъ съ радостью, ибо онъ хорошо зналъ языкъ юкатанскихъ индѣйцевъ, а по-испански онъ скоро опять научился говорить. Но этотъ переводчикъ мало принесъ-бы пользы Кортесу въ Мехикѣ, такъ какъ мехиканцы не знали языка индѣйцевъ Юкатана. Но вскорѣ въ лагерѣ испанцевъ появился новый переводчикъ.

Кортесъ обогнулъ мысъ Каточе и достигъ устья Rio de Tabasco или Rio Grijalva, гдѣ этотъ мореплаватель производилъ выгодный торгъ съ туземцами. Вода въ Ріо-Грихальва оказалась такъ мелка отъ наносныхъ песковъ, что Кортесъ нашелся вынужденнымъ оставить корабли на якорѣ у входа и подняться по рѣкѣ въ лодкахъ. Берега были покрыты густою чащею, изъ которой выглядывали темныя фигуры туземцевъ, слѣдившихъ за движеніями испанцевъ. Достигнувъ открытаго мѣста, на которомъ собралась огромная толпа, онъ просилъ чрезъ переводчика позволенія пристать и объявилъ о своихъ дружелюбныхъ намѣреніяхъ. Но индѣйцы, размахивая оружіемъ, отвѣчали угрозами. Такъ какъ солнце уже клонилось къ закату, то Кортесъ высадилъ свое войско на сосѣд-

немъ островѣ, намѣреваясь вступить въ бой на слѣдующее утро. Когда разсвѣло, испанцы увидѣли на берегу гораздо большее число индѣйцевъ, чѣмъ ихъ было наканунѣ, а челноки, наполненные вооруженными людьми, рыскали вдоль берега. Кортесъ высадилъ отрядъ изъ 100 человѣкъ подъ начальствомъ Алонзо де-Авила и приказалъ ему итти къ городу Табаско, находившемуся невдалекѣ; самъ-же онъ съ остальными испанцами атаковалъ непріятеля. Борьба началась на лодкахъ, и вскорѣ обѣ стороны были выше пояса въ водѣ. Несмотря на то, что дно было вязко и скользко, такъ что самъ Кортесъ потерялъ въ тинѣ башмакъ, испанцы оттѣснили индѣйцевъ на берегъ. Здѣсь они выстроились и открыли мѣткую пальбу изъ пищалей и самострѣловъ. Индѣйцы, пораженные громомъ огнестрѣльнаго оружія, о которомъ не имѣли понятія, отступили за устроенный поперекъ дороги завалъ, но испанцы овладѣли имъ и погнали до самого города. Тутъ съ противоположной стороны подоспѣлъ Авила, ударилъ на непріятеля и окончательно обратилъ его въ бѣгство. Испанцы заняли городъ, который нашли безлюднымъ, такъ какъ обитатели разбѣжались ранѣе. Кортесъ расположился во дворѣ главнаго храма, всюду разставилъ часовыхъ и принялъ всѣ мѣры предосторожности на случай внезапнаго нападенія. Мертвая тишина, царствовавшая въ городѣ и окрестностяхъ, казалась подозрительною; однако ночь прошла спокойно. На утро Кортесъ отправилъ два отряда на развѣдки; имъ пришлось выдержать сильное нападеніе табасканцевъ и отступить къ городу. Въ этой стычкѣ было взято нѣсколько плѣнныхъ, отъ которыхъ узнали, что собралось нѣсколько тысячъ воиновъ и на слѣдующій день готовится общее нападеніе.

Кортесъ отослалъ раненыхъ на корабли, велѣлъ привезти оттуда шесть большихъ пушекъ и всѣхъ лошадей. Рано утромъ онъ двинулъ свое войско, но только отойдя на нѣсколько верстъ отъ города, оно увидѣло несмѣтныя толпы непріятелей. Кортесъ приказалъ

пѣхотѣ и артиллеріи ударить на враговъ съ фронта, а самъ съ конницей намѣревался совершить обходъ, чтобы напасть на нихъ съ фланга или тыла. Какъ только приблизились испанцы, ихъ встрѣтили тучи стрѣлъ и каменьевъ, которые застучали какъ градъ по щитамъ и шлемамъ и переранили многихъ. Они отвѣтили убійственнымъ огнемъ изъ пушекъ и пищалей. Каждый залпъ губилъ тьму людей, но храбрые дикари не падали духомъ и осыпали испанцевъ новыми тучами стрѣлъ и каменьевъ. Болѣе часа продолжался бой и, несмотря на превосходство оружія, испанцевъ начали тѣснить со всѣхъ сторонъ. Тогда вдругъ заколебались задніе ряды индѣйцевъ и раздался воинскій кликъ „San Jago" кортесовскихъ всадниковъ. Въ пылу сраженія табасканцы не замѣтили ихъ приближенія. Кортесъ велѣлъ имъ направлять копья прямо въ лица непріятелей, которые ужаснулись, когда увидѣли въ первый разъ лошадей; они вообразили, что конь и всадникъ — одно существо и обратились въ бѣгство, побросавъ оружіе.

На другой день табасканцы явились въ лагерь съ повинною и просили позволить имъ похоронить своихъ павшихъ воиновъ. Кортесъ согласился на это, снова увѣряя посланныхъ въ своихъ дружелюбныхъ намѣреніяхъ, но потребовалъ, чтобы явились главные касики съ выраженіемъ покорности. Это требованіе было исполнено, и они пришли съ многочисленной свитой и подарками, въ числѣ которыхъ было 20 невольницъ; изъ нихъ одна была природная мехиканка, служила потомъ переводчицей и оказала испанцамъ громадныя услуги.

Эскадра двинулась далѣе и пришла къ „С. Жуанъ Уллоа", острову, названному такъ Грихальвою. Едва она бросила якорь, какъ подплыла лодка, наполненная туземцами; довѣрчиво взошли они на палубу и привезли съ собою подарки. Но тутъ оказалось, что Агиларъ уже не годился какъ переводчикъ, ибо языкъ мехиканцевъ совсѣмъ не походилъ на языкъ юкатанцевъ. Тогда Кортесъ вспомнилъ, что одна изъ его невольницъ родомъ мехи-

канка и знаетъ также языкъ юкатанскій. Съ этихъ поръ она стала приближенною къ Кортесу, и ея вліяніе на всю судьбу экспедиціи было такъ велико, что память о ней сохранилась въ Мехикѣ по сіе время. Испанцы назвали ее Мариной, а мехиканцы передѣлали это имя въ Малинче и такъ какъ она потомъ всегда являлась въ сопровожденіи Кортеса, то и его всѣ стали называть Малинче.

Отецъ Марины былъ богатый и могущественный касикъ и умеръ, когда она была еще очень молода. Ея мать вступила во второй бракъ, отъ котораго родился у нея сынъ. Желая доставить послѣднему наслѣдство отъ своего перваго мужа, она придумала слѣдующую хитрость: у одной изъ ея невольницъ умерла дочь; пущенъ былъ слухъ, что умерла Марина и безсердечная мать притворно убивалась надъ покойницей, схоронивъ ее съ большою пышностью. Между тѣмъ Марину передали въ руки странствующихъ торговцевъ, которые привезли ее въ Табаско и продали тамошнему касику. Здѣсь она выучилась мѣстному языку и могла теперь легко объяснятся съ Агиларомъ; ему она переводила мехиканскую рѣчь на языкъ юкатанцевъ, а онъ въ свою очередь передавалъ это на испанскій. Но медленный способъ двойного перевода былъ непродолжителенъ, ибо Марина была очень способной дѣвушкой и скоро научилась не только говорить, но и писать по-испански. О ней сохранилось извѣстіе, что она отличалась необыкновенной красотой и благородствомъ. О прекрасныхъ душевныхъ качествахъ ея свидѣтельствуетъ ея отношеніе къ матери, съ которой она всегда обходилась ласково, несмотря на все зло, отъ нея испытанное.

Въ страстную пятницу, 21 апрѣля, Кортесъ высадился не берегъ со всѣмъ своимъ войскомъ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится городъ Вера-Крусъ.

Страна не отличалась ни красотой, ни богатствомъ тропической растительности. По берегу моря тянулась безконечная равнина, покрытая только кое-гдѣ кустами

да невысокими деревьями; большая-же часть представляла видъ пустыни, окаймленной по берегу дюнами. На этихъ песчаныхъ холмахъ помѣстили артиллерію, а у подножія ихъ разбили лагерь. Туземцы приходили и помогали испанцамъ рубить деревья и разставлять палатки.

Вѣсть о прибытіи чужестранцевъ быстро распространилась по окрестностямъ и въ день Пасхи явился губернаторъ въ сопровожденіи многочисленной свиты, чтобы привѣтствовать Кортеса.

Благодаря особому устройству почтовыхъ сообщеній помощію скороходовъ, властитель Мехики могъ получать вѣсти съ берега въ однѣ сутки, несмотря на разстояніе почти въ 400 верстъ; вѣроятно и губернаторъ явился къ Кортесу съ цѣлью развѣдать все о новыхъ пришельцахъ и послать подробное донесеніе въ столицу,

Въ разговорѣ Кортесъ превозносилъ короля Карла, а губернаторъ — своего властителя Монтесуму. Кортесъ передалъ разные подарки для мехиканскаго государя; главную роль играли мелкія стеклянныя вещи, которыя всего болѣе удивляли мехиканцевъ, не знавшихъ стекла и потому считавшихъ его за драгоцѣнный камень. Губернатору особенно понравился позолоченный шлемъ одного испанца, ибо подобный надѣвался на голову мехиканскаго бога Квецалкоатла. Онъ просилъ послать Монтесумѣ этотъ шлемъ, на что Кортесъ охотно согласился, выразивъ надежду, что его пришлютъ обратно наполненнымъ золотымъ пескомъ. Преданіе гласитъ, будто онъ сказалъ губернатору, что испанцы страдаютъ болѣзнью сердца, отъ которой золотой песокъ составляетъ лучшее лѣкарство.

По тѣмъ подаркамъ, которые губернаторъ въ свою очередь привезъ Кортесу, какъ напр. по тонкимъ и прекрасно окрашеннымъ тканямъ, можно было заключить о высокой степени образованности мехиканцевъ. Но каково было удивленіе, когда увидѣли, что одинъ индѣецъ изъ свиты губернатора, вооруженный кистью, началъ что-то срисовывать на полотнѣ. Кортесъ разсмотрѣлъ эту работу и увидѣлъ, что рисунокъ изображаетъ испанцевъ, ихъ одежду

и вооруженіе со всѣми красками. Губернаторъ объяснилъ, что это дѣлается по особому желанію Монтесумы, который получитъ этимъ способомъ болѣе вѣрное представленіе о чужестранцахъ, чѣмъ можетъ дать самое краснорѣчивое устное описаніе.

Кортесу понравилась эта мысль и онъ приказалъ конницѣ выѣхать на мокрый и твердый песокъ прибрежья и продѣлать нѣсколько военныхъ упражненій. Быстрота и легкость движеній невиданныхъ животныхъ, блескъ мечей, звуки трубъ — все это возбудило удивленіе мехиканцевъ; а когда они услышали громъ пушекъ, увидѣли огонь и дымъ, извергаемые страшными орудіями и услышали свистъ ядеръ, разбивашихъ въ щепки сучья деревьевъ, тогда ими овладѣлъ ужасъ.

Все видѣнное до мелочей было передано живописцемъ на полотно; не были забыты и корабли — эти водяные дома, какъ называли ихъ мехиканцы, съ ихъ темными корпусами, надъ которыми развѣвались снѣжно-бѣлые паруса. Все было нарисовано съ тщательностью, удивившей въ свою очередь испанцевъ, которые не ожидали встрѣтить у мехиканцевъ такого искусства. Испанцы не подозрѣвали, что это были не живописцы въ европейскомъ смыслѣ, а писцы, и изображенія ихъ — знаменитыя письмена астековъ.

ГЛАВА X.

Государство астековъ.

Прибрежная полоса земли, на которой Кортесъ стоялъ лагеремъ, получила отъ испанцевъ названіе „Tierra caliente“, т.-е. знойная страна. Песчаныя равнины перемѣшаны здѣсь съ плодородными землями и болотистыми пространствами. Подъ палящими лучами тропическаго солнца изъ болотъ подымаются вредныя испаренія и про-

исводятъ упорныя желтыя лихорадки. Въ зимніе мѣсяцы эта область подвержена дѣйствію холодныхъ сѣверныхъ вѣтровъ, нерѣдко переходящихъ въ страшные ураганы. Въ плодородныхъ пространствахъ тропическая растительность развивается во всей своей роскоши, и милліоны разнообразныхъ цвѣтовъ покрываютъ равнину — это родина какао и ванили.

Чѣмъ дальше внутрь страны, тѣмъ выше и здоровѣе становится мѣстность. Рощи шокаладника замѣняются плантаціями сахарнаго тростника и полями банановъ. Дорога идетъ у подножія гигантскихъ горъ, высоко подымающихся надъ путникомъ, несмотря на то, что уже находишься саженъ на 500 выше уровня моря. Вершины и верхніе склоны горъ покрыты вѣчнымъ снѣгомъ; въ этой области нѣтъ уже удушливаго зноя прибрежья, и испанцы называютъ ее „tierra templada“, т.-е. умѣренной страной.

Далѣе внутрь дорога ведетъ чрезъ гребень горъ; здѣсь уже исчезаютъ сахарный тростникъ и бананы, а на мѣсто ихъ появляются кукуруза и пшеница. По нижнимъ склонамъ горъ растутъ дубовыя рощи, а верхніе — покрыты темными сосновыми лѣсами, придающими мѣстности характеръ сѣверный. Это „tierra fria“ или холодная страна, подымающаяся надъ моремъ на 1000 и болѣе саженъ; надъ нею высятся громады потухшихъ, а частью и дѣйствующихъ вулкановъ. Съ высоты гребня горъ открывается съ западной стороны видъ на продолговато-круглую долину, имѣющую верстъ 500 въ окружности; на днѣ ея расположено 5 озеръ, и на берегахъ самаго широкаго изъ нихъ стоитъ столица страны — Мехико.

Въ наши дни пестрый коверъ мехиканскихъ полей часто прерывается безжизненными пространствами, пропитанными солью. Причина этого заключается въ томъ, что рѣки и ручьи въ теченіе послѣднихъ стотѣтій сильно пересохли, ибо прекрасные лѣса, нѣкогда покрывавшіе скаты горъ, сильно порѣдѣли, а мѣстами и совсѣмъ вырублены испанцами. Несравненно болѣе цвѣтущій видъ имѣла

страна во время перваго посѣщенія ея европейцами. На берегахъ большаго озера расположены были, другъ противъ друга, два большихъ города, два мощныхъ соперника — Теночтитланъ или нынѣшній городъ Мехико, и Тескуко.

Государство Монтесумы, разрушенное Кортесомъ, не было первымъ погибшимъ здѣсь царствомъ; въ теченіе сотенъ и тысячъ лѣтъ появлялись и исчезали многіе народы, стоявшіе на значительной степени образованности. Страна усѣяна развалинами городовъ и храмовъ, по остаткамъ которыхъ изслѣдователи древностей стараются ознакомиться съ исторіей страны. Есть развалины въ Мехикѣ, построенныя, какъ гласитъ преданіе, великанами; никто не знаетъ, какой народъ были эти исполины. Изъ всѣхъ народовъ, появлявшихся послѣдовательно другъ за другомъ, самымъ цивилизованнымъ были толтеки, пришедшіе, по народнымъ сказаніямъ, изъ за моря. При нихъ страна пришла въ цвѣтущее состояніе и ихъ познанія переходили и къ другимъ, замѣстившимъ ихъ народамъ. Это культурное племя было уничтожено дикарями. Въ старинныхъ изображеніяхъ попадаются фигуры людей, вооруженныхъ стрѣлами и съ головами, покрытыми снѣгомъ; эти фигуры представляютъ охотничье племя хименековъ, спустившееся съ высокихъ, снѣжныхъ горъ въ долину. Они покорили толтековъ, но приняли мало-по-малу ихъ культуру и основали государство съ столицею Тескуко. Но едва они утвердились во вновь завоеванной странѣ, какъ съ сѣвера появились новыя орды; между ними особенное значеніе пріобрѣли астеки, которые долгое время бродили по долинѣ, пока не осѣли въ 1325 году на ю.-з. берегу озера. По ихъ преданію, они увидѣли на скалѣ кактусъ и на немъ орла, который держалъ въ когтяхъ змѣю и раскрылъ свои мощныя крылья противъ восходящаго солнца. Они приняли это за указаніе своихъ боговъ и основали здѣсь городъ, который назвали „Теночтитланомъ“ т.-е. „кактусомъ, растущимъ на камнѣ“. Воспоминаніе объ этомъ преданіи сохранилось до нашего

времени, и въ гербѣ республики Мехики изображается орелъ и кактусъ.

Первоначально городъ Теночтитланъ представлялъ очень жалкій видъ: берега озера были низки и болотисты; астеки вбивали сваи въ мокрую землю и на нихъ строили мелкія, камышевыя хижины. Рыболовство и охота за болотной дичью доставляли имъ средства существованія. Таково было начало этой американской Венеціи! А чрезъ два столѣтія столица повелителя астековъ — Монтесумы — была городомъ, который привелъ въ удивленіе европейцевъ. Это была уже не рыбацкая деревня, а великолѣпный городъ, надъ которымъ высились безчисленныя бѣлыя башни и храмы; надъ всѣмъ этимъ подымалась гора Хаполтепекъ съ царскимъ дворцомъ, окруженнымъ тѣнистой рощей кипарисовъ. Кругомъ столицы, по берегамъ озера, раскинуты были безчисленныя селенія и города, смѣнявшіеся садами и перелѣсками. Восхищенный этимъ видомъ, Кортесъ такъ описывалъ городъ въ письмахъ къ своему королю Карлу:

„Городъ имѣетъ величину такую, какъ Севилья и Кордова. Главныя улицы очень широки, совершенно прямы и многія изъ нихъ наполовину состоятъ изъ каналовъ, по которымъ плаваютъ лодки. Продольные каналы соединены поперечными, такъ что всѣ имѣютъ между собою сообщеніе; чрезъ нихъ перекинуты прочно устроенные, деревянные мосты, настолько широкіе, что по нимъ могутъ проѣхать 10 всадниковъ въ рядъ. Когда я увидалъ, что туземцы, если замыслятъ противъ насъ коварство, могутъ легко разрушить мосты и уморить насъ съ голода, то я тотчасъ по вступленіи въ городъ велѣлъ построить 4 бригантины, чтобы при ихъ помощи 300 человѣкъ и всѣ лошади могли быть перевезены на сушу тотчасъ, когда это понадобится.

Городъ имѣетъ много площадей, гдѣ постоянно бываютъ базары; одна изъ нихъ вдвое больше города Саламанки и вся обставлена крытыми галлереями. На этой площади ежедневно собираются болѣе 60,000 человѣкъ — продавцевъ и покупателей.

Здѣсь можно найти съѣстные припасы, золотыя, серебряныя, мѣдныя и жестяныя издѣлія, перья, кости, раковины, тесанные камни, кирпичъ и строевой лѣсъ во всевозможныхъ видахъ. Есть тамъ охотничья улица, на которой продаютъ всякихъ мѣстныхъ птицъ, какъ куръ, перепеловъ, дикихъ утокъ, всякихъ голубей, въ томъ числѣ турмановъ, попугаевъ, орловъ и соколовъ; есть и чучела хищныхъ птицъ. Продаютъ также кроликовъ, зайцевъ, оленей и маленькихъ собакъ, которыхъ откармливаютъ и ѣдятъ. Есть садовая улица, гдѣ можно найти всѣ растущіе въ странѣ коренья и травы; есть дома, подобные нашимъ аптекамъ, гдѣ продаютъ готовыя лѣкарства, какъ внутреннія, такъ и наружныя въ видѣ мазей и пластырей. Имѣются цирюльни, гдѣ моютъ и стригутъ волосы; на улицахъ есть носильщики. Продаютъ много лѣса, угольевъ, глиняныхъ плошекъ и рогожъ очень различныхъ родовъ для постелей и болѣе тонкихъ для сидѣнія и вмѣсто комнатныхъ ковровъ. Имѣются всевозможныя овощи, особенно лукъ, чеснокъ, щавель, артишоки и т. п., а также плоды, между которыми есть вишни и сливы, похожія на испанскія. Продаютъ медъ и воскъ, разнообразныя бумажныя ткани, окрашенныя во всевозможные цвѣта, какъ-будто находишься на шелковомъ рынкѣ Гранады; но всѣ товары въ гораздо большемъ количествѣ. Продаютъ краски, какія только есть въ Испаніи и лучшихъ цвѣтовъ, чѣмъ гдѣ-нибудь. Продаютъ мѣха и кожи, различно окрашенные, всевозможный горшечный товаръ, приготовленный изъ особой глины и по большей части глазурованный и цвѣтной. Продаютъ кукурузу зернами и хлѣбами и она превосходитъ вкусомъ кукурузу всѣхъ острововъ; приготовляются также паштеты изъ мяса птицъ и рыбъ. Продаютъ много свѣжей и соленой рыбы, а также яйца куриныя, утиныя и другихъ птицъ. Словомъ продаютъ всевозможные предметы, какіе только имѣются на свѣтѣ и многіе превосходнаго качества. Каждый родъ товаровъ продается на особой улицѣ и другіе товары сюда не должны попадать; за этимъ строго наблюдаютъ.

Все продается по числу и по мѣрѣ, но по вѣсу еще до сихъ поръ ничего не продавалось. На площади стоитъ очень красивый домъ, какъ-бы ратуша, гдѣ постоянно засѣдаетъ 10—12 судей, обязанныхъ разбирать всѣ ссоры, происходящія на рынкѣ и наказывать виновныхъ. Кромѣ того здѣсь есть особо назначенныя лица, которыя постоянно ходятъ по рынку и слѣдятъ за правильностью продажи. Я видѣлъ, какъ нѣкоторые товары были уничтожаемы этими надсмотрщиками, потому что они нашли ихъ недоброкачественными".

Въ Теночтитланѣ были и другія достопримѣчательности — царскіе дворцы и особыя постройки „увеселительныя", которыя тогда не были извѣстны въ Европѣ, а въ наше время встрѣчаются во всѣхъ большихъ городахъ: это зоологическіе сады или звѣринцы. Они принадлежали повелителю Монтесумѣ, о которомъ Кортесъ доноситъ Карлу такъ: „У него были, какъ въ городѣ, такъ и за городомъ, многочисленные увеселительные дворцы, назначенные каждый для особаго времяпровожденія и такъ превосходно устроенные, что ихъ описать невозможно. Внутри города онъ имѣлъ такіе великолѣпные дворцы, что мнѣ они кажутся также выше всякаго описанія. Я поэтому скажу только, что Испанія не имѣетъ ничего подобнаго. У него есть домъ, менѣе красивый, чѣмъ прочіе, но съ прекраснымъ садомъ, въ которомъ много бесѣдокъ, украшенныхъ колоннами изъ ясписа, великолѣпной работы. Въ этомъ домѣ есть комнаты такой величины, что могутъ вмѣстить двухъ знатныхъ вельможъ со всей ихъ свитой. Въ этомъ домѣ есть 10 большихъ водовмѣстилищъ, гдѣ содержатся всевозможныя водяныя птицы, какія только водятся въ странѣ и всѣ приручены какъ домашнія; для морскихъ птицъ водоемъ съ соленой водой, а для рѣчныхъ — пруды съ прѣсной, которая по временамъ спускается и замѣняется свѣжей, проведенной по трубамъ. Уходъ за каждой породой соотвѣтствуетъ ея природнымъ потребностямъ, такъ что питающіяся рыбой получаютъ рыбу, другихъ кормятъ червями,

третьихъ кукурузой и т. д. Увѣряю Ваше Величество, что птицамъ, питающимся рыбой, давали ея ежедневно по 250 фунтовъ. Надзоръ за этими птицами имѣютъ 300 человѣкъ, исключительно этимъ занятые; на обязанности другихъ лежитъ врачеваніе заболѣвшихъ птицъ. Надъ каждымъ водоемомъ сдѣланы бесѣдки и галлереи, прекрасно устроенныя, откуда Монтесума могъ любоваться своими птицами. Другой очень красивый домъ имѣетъ большой дворъ, выложенный квадратными камнями на подобіе шахматной доски. И каждый квадратъ занимаетъ клѣтка, искусно сплетенная изъ камышей, въ 6 квадратныхъ шаговъ ширины и въ $1^1/_2$ раза выше человѣческаго роста. Въ каждой клѣткѣ находится по хищной птицѣ всевозможныхъ породъ, какія извѣстны въ Испаніи, и какихъ никто никогда не видалъ. Каждая клѣтка имѣетъ двѣ поперечныя жерди, на которыхъ птицы сидятъ; одна изъ нихъ помѣщается подъ крышей, куда птицы садятся на ночь и во время дождя, другая — подъ рѣшеткой, сидя на которой онѣ могутъ наслаждаться солнечнымъ тепломъ и свѣжимъ воздухомъ. Всѣхъ этихъ птицъ кормили ежедневно курами и ничѣмъ болѣе. А внизу того-же дома находятся огромныя залы, наполненныя большими клѣтками изъ крѣпкаго дерева и въ нихъ держатъ львовъ, тигровъ, волковъ, лисицъ и кошекъ различныхъ породъ и всѣхъ въ большомъ числѣ. Ихъ тоже кормятъ курами и очень обильно. Для ухода за этими животными также приставлено 300 человѣкъ. Въ другомъ домѣ содержится много разныхъ уродовъ, мужчинъ и женщинъ — карликовъ, горбатыхъ и т. п.; каждый помѣщается въ особой комнатѣ и для присмотра за ними приставлены тоже особые люди. Я умалчиваю о другихъ, очень разнообразныхъ увеселеніяхъ Монтесумы".

Богатству повелителя соотвѣтствовала и роскошь въ дворцахъ и при общественныхъ торжествахъ.

„Ежедневно съ восходомъ солнца собирается во дворцѣ до 600 царедворцевъ. Они сидятъ или гуляютъ по за-

ламъ и галлереямъ въ ожиданіи своего владыки; ихъ свита и прислуга занимаетъ два или три большихъ двора и кромѣ того многіе находятся на улицѣ, которая очень широка. Они остаются здѣсь весь день до захода солнца. Во время обѣда Монтесумы и имъ подается все точно такъ-же, какъ ему; и изъ прислуги каждый получаетъ свой пай. Столовая и погреба открыты ежедневно для всѣхъ желающихъ ѣсть и пить. Способъ подавать кушанья слѣдующій: отъ 300—400 молодыхъ людей вносятъ безчисленныя блюда, ибо за каждымъ обѣдомъ и

Монтесума.

ужиномъ подаются всѣ роды кушаній изъ мяса, рыбы, плодовъ и овощей, какіе только производитъ государство. А такъ какъ страна довольно холодна, то подъ каждымъ блюдомъ находится другое, наполненное горячими угольями, чтобы кушанья не остыли. Всѣ блюда подаются вмѣстѣ въ огромной столовой, которая ими вся наполняется; она покрыта весьма красивыми половиками и очень чиста. Онъ (Монтесума) сидитъ на маленькой, прекрасно сдѣланной пружинной подушкѣ. Во время обѣда стоятъ въ нѣкоторомъ отдаленіи 5 или 6 стариковъ,

которыхъ онъ самъ одѣляетъ изъ своихъ блюдъ. Одинъ изъ прислужниковъ стоитъ наготовѣ подавать и убирать блюда и передаетъ ихъ другимъ, стоящимъ далѣе. При началѣ и при концѣ трапезы всегда подаютъ воду для омовенія рукъ. Полотенце, которымъ Монтесума разъ утерся, онъ никогда болѣе не употребляетъ; точно такъ никогда не подаются тѣ-же блюда и та посуда, въ которыхъ уже разъ подано было кушанье. Ежедневно онъ переодѣвается 4 раза и каждый разъ въ совершенно новыя платья, которыя никогда болѣе не надѣваются. Всѣ входящіе во дворецъ должны вступать босикомъ, а когда являются по его требованію, то склоняютъ голову и держатся въ очень почтительномъ положеніи. Говоря съ нимъ, никто не смотритъ ему въ лицо изъ страха и уваженія. Придворные упрекали испанцевъ въ томъ, что они при разговорѣ смотрятъ ему въ лицо, а это, по ихъ мнѣнію, неприлично. Когда Монтесума выходитъ изъ дворца, что случается рѣдко, то всѣ его сопровождающіе и встрѣчные низко наклоняются, не смѣя глядѣть на него, или бросаются на землю и лежатъ пока онъ пройдетъ. Впереди его всегда идетъ одинъ изъ приближенныхъ и несетъ три тонкихъ жезла въ знакъ того, что самъ повелитель слѣдуетъ. А когда его вынимаютъ изъ носилокъ, то онъ самъ несетъ одинъ изъ такихъ жезловъ до того мѣста, куда направляется. Обряды и церемоніи вообще такъ многосложны, что я не нахожу возможнымъ все описать, да и память моя не въ силахъ всего удержать. Ни одинъ изъ султановъ или другихъ невѣрующихъ повелителей, о которыхъ только имѣются свѣдѣнія, не окруженъ такими разнообразными церемоніями“.

Такой видъ представлялъ во время Кортеса городъ, который за два вѣка передъ тѣмъ былъ рыбацкой деревушкой, построенной на сваяхъ. Спрашивается, какимъ качествамъ своихъ гражданъ и повелителей онъ былъ обязанъ такимъ превращеніемъ?

Астеки не были мирными земледѣльцами. Они были народомъ воинственнымъ и имя ихъ было страшно во

всѣхъ сосѣднихъ странахъ, ибо храбростью и жестокостью они превосходили всѣхъ. Набѣгами они усилили свою власть и заключили съ небольшими государствами Тескуко и Тлакапаномъ оборонительный и наступательный союзъ, главною цѣлью котораго былъ грабежъ. Вскорѣ вся долина была завоевана и Теночтитланъ сдѣлался главою союза. Уже въ срединѣ 15-го столѣтія астеки перешли чрезъ Кордильеры и достигли береговъ Мехиканскаго залива. Никто не могъ противостоять ихъ набѣгамъ и ежегодно союзники возвращались обремененные добычей. Столица росла необыкновенно быстро и ко времени открытія Америки власть астековъ простиралась отъ Атлантическаго океана до Великаго.

Такое полудикое племя не могло создать своей собственной цивилизаціи, и все то, что нашли у нихъ европейцы, т.-е. тѣ признаки болѣе высокой культуры, какъ ихъ постройки, ихъ техническія искусства и даже начала письменности, — все это были остатки вліянія толтековъ. Кроткіе нравы послѣднихъ перемѣшались съ свирѣпыми привычками астековъ и этимъ объясняются непримиримыя противоположности въ религіи и государственномъ устройствѣ мехиканцевъ — кротость и жестокость одновременно. Такое государство не могло быть прочно; оно достигло своего величія исключительно счастливыми битвами, и двухъ-трехъ проигранныхъ сраженій было достаточно, чтобы оно рушилось. Можно чувствовать состраданіе къ погибели этого могущественнаго племени, но въ интересахъ человѣчности нельзя сожалѣть о разрушеніи ихъ государства; ибо цивилизація астековъ представляетъ такія тѣневыя стороны, которыя могутъ возбуждать только отвращеніе и ужасъ.

Между божествами мехиканцевъ были нѣкоторыя весьма симпатичныя; но рядомъ съ ними были жестокіе военные боги, храмы которыхъ надо посѣтить, чтобы оцѣнить астековъ и извинить до извѣстной степени образъ дѣйствій Кортеса. Древняя Мехика была очень богата храмами; въ нѣкоторыхъ городахъ ихъ насчитывали бо-

лѣе сотни. Огромные насыпные холмы, обложенные кирпичами, составляли основаніе, на которомъ уже воздвигался каменный или деревянный храмъ. Были храмы, посвященные добрымъ и мирнымъ богамъ, покровительствовавшимъ земледѣлію и ремесламъ; въ нихъ совершалось мирное богослуженіе и на алтаряхъ ихъ могли быть приносимы въ жертву только животныя. Это были старые боги толтековъ, которые и у побѣдителей ихъ пользовались почитаніемъ. Но настоящими народными божествами астековъ были боги войны и высшій и самый жестокій изъ нихъ Мехитли, по которому испанцы назвали городъ Теночтитланъ Мехикою. На алтаряхъ этого страшилища постоянно текла человѣческая кровь. Въ честь его приносились въ жертву военноплѣнные и невольники. Острыми каменными ножами жрецы вскрывали жертвѣ грудь, вынимали еще трепещущее сердце и клали его къ ногамъ божества. Число ежегодно приносимыхъ этому богу человѣческихъ жертвъ показываютъ различно, но наименьшее простирается до 50,000, а наибольшее до 80,000 людей. Черепа жертвъ помѣщались въ особо построенныхъ для этого зданіяхъ; частью ихъ складывали другъ на друга въ видѣ пирамидъ, частью вмазывали въ стѣны, а частью вѣшали на жердяхъ. Спутники Кортеса насчитали только въ одномъ такомъ домѣ 136,000 череповъ. Еще отвратительнѣе были сцены, слѣдовавшія за жертвоприношеніями. Трупъ жертвы бросали со ступеней храма и одѣляли кусками мяса народъ, который ихъ поджаривалъ и пожиралъ. Судя по этому кажется правдоподобнымъ извѣстіе о томъ, что невольниковъ, назначенныхъ для жертвоприношеній, впередъ откармливали въ клѣткахъ.

Народъ страдалъ подъ гнетомъ такой религіи, но находилъ утѣшеніе въ преданіяхъ толтековъ. Изъ нихъ онъ зналъ о Квецалкоатлѣ, богѣ воздуха, который во время своего пребыванія на землѣ научилъ людей употребленію металловъ и земледѣлію. Это былъ, безъ сомнѣнія, одинъ изъ благодѣтелей племени, котораго благо-

дарное потомство причислило къ богамъ. Преданіе украсило время его владычества всевозможнымъ блескомъ. Въ его эпоху земля производила цвѣты и плоды безъ стараній о томъ человѣка. Колосъ кукурузы вѣсилъ столько, что его съ трудомъ могъ поднять человѣкъ. Хлопчатникъ, безъ стараній объ немъ людей, самъ принималъ всевозможныя окраски. Воздухъ былъ наполненъ опьяняющимъ благоуханіемъ и сладкимъ пѣніемъ птицъ. Это былъ золотой вѣкъ Мехики.

По какой-то невыясненной причинѣ Квецалкоатлъ навлекъ на себя гнѣвъ одного изъ главныхъ боговъ и былъ вынужденъ покинуть страну. На своемъ пути онъ остановился въ городѣ Чолулѣ, гдѣ въ честь его построенъ былъ храмъ, громадныя развалины котораго и теперь еще принадлежатъ къ замѣчательнѣйшимъ остаткамъ мехиканскихъ древностей. На берегахъ Мехиканскаго залива онъ разстался съ своими спутниками, обѣщалъ возвратиться современемъ въ страну, сѣлъ на свой волшебный корабль, сдѣланный изъ змѣиныхъ шкуръ и пустился по океану въ сказочную страну Тлапаланъ. Преданіе гласитъ, что онъ былъ высокаго роста, имѣлъ бѣлую кожу, длинные, темные волосы и большую, волнистую бороду. Мехиканцы вѣровали въ возвращеніе своего добраго бога и это замѣчательное сказаніе много способствовало успѣхамъ испанцевъ.

ГЛАВА IX.

Походъ Кортеса въ Мехику.

Когда Монтесума услыхалъ о прибытіи европейцевъ, онъ не могъ не вспомнить о народномъ преданіи, ибо онъ былъ воиномъ и въ то-же время жрецомъ, былъ одинаково храбръ, какъ и суевѣренъ. Въ послѣдніе годы случился рядъ таинственныхъ происшествій, которыя всѣ предвѣщали скорое возвращеніе Квецалкоатла.

Въ 1510 г., безъ всякой видимой причины, озеро Тескуко вдругъ сильно заволновалось, вышло изъ береговъ и затопило столицу. Чрезъ годъ въ храмѣ необъяснимымъ образомъ произошелъ пожаръ. Какое-то загадочное сіяніе показалось на восточной сторонѣ неба и сразу появились 3 кометы; въ то-же время слышались въ воздухѣ тихіе и жалобные стоны. Несомнѣнно предстояло возвращеніе бога съ бѣлой кожей и длинной, волнистой бородой; воинственному государству астековъ оно грозило бѣдствіемъ. Монтесума мучился мрачными предчувствіями, запирался отъ всѣхъ, всматривался въ звѣзды и хотѣлъ прочесть въ нихъ будущее, постился и тщетно искалъ рѣшенія — идти-ли испанцамъ навстрѣчу съ оружіемъ въ рукахъ или встрѣтить ихъ ласково. Въ совѣтѣ жрецовъ и вельможъ мнѣнія также раздѣлялись и пока въ столицѣ тратили время на совѣщанія и отправляли къ испанцамъ одно посольство за другимъ, Кортесъ собрался въ походъ и какъ болѣе рѣшительный, пріобрѣталъ одну выгоду за другою. Онъ продвинулся по берегу до Семпоаллы и основалъ здѣсь городъ Вилла-Рика де-Вера Крусъ. Между тѣмъ въ его собственномъ лагерѣ возникли смуты, которыя удалось усмирить только съ большимъ трудомъ.

Кортесу нужно было послать донесеніе о своей экспедиціи Карлу V. Въ то время было въ обычаѣ отправлять, вмѣстѣ съ письмами, образцы произведеній и племенъ вновь открытыхъ земель. На лучшій изъ кораблей посадили 4-хъ невольниковъ, освобожденныхъ изъ клѣтокъ, въ которыхъ ихъ откармливали для жертвоприношенія. Отправили также нѣсколько образцовъ мехиканскаго письма; но главную посылку составляли золотыя вещи, какъ доказательство необыкновеннаго богатства страны. Корабль долженъ былъ направиться прямо въ Испанію, не заходя ни на островъ Кубу, ни на Испаньолу; ибо Кортесъ былъ увѣренъ, что Веласкесъ послалъ на него жалобу въ Испанію, а доказательствами своихъ успѣховъ онъ надѣялся расположить короля въ свою пользу.

Между солдатами Кортеса далеко не всѣ были расположены принять участіе въ походѣ внутрь страны. Составился заговоръ противъ Кортеса и ему пришлось казнить двоихъ; тогда онъ рѣшился отнять у всѣхъ робкихъ возможность бѣгства и уничтожить флотъ. Онъ распустилъ слухъ, что корабли пришли въ негодность, приказалъ снять съ нихъ паруса, желѣзо и все что было можно и потопить. Оставленъ былъ только одинъ и то самый малый корабль, а когда солдаты ворчали, онъ имъ сказалъ рѣчь и кончилъ ее словами: „если между вами есть трусы, которые не хотятъ раздѣлить съ нами опасностей достославнаго похода, то пусть ихъ возвращаются домой. Одинъ корабль уцѣлѣлъ — пусть они его возьмутъ и возвратятся на островъ Кубу. Они могутъ тамъ разсказать, какъ они оставили своего командира и товарищей и спокойно выжидать, пока мы вернемся нагруженные добычей“.

Рѣчь эта произвела свое дѣйствіе: солдаты отвѣтили единодушнымъ крикомъ: „въ Мехико, въ Мехико!“

16 августа 1519 г. Кортесъ двинулся изъ Вилла-Рики де Вера Крусъ во главѣ 400 человѣкъ пѣшихъ и 15 конныхъ, при 7-ми орудіяхъ. Туземцы несли съѣстные припасы и везли на себѣ пушки; они вмѣстѣ съ тѣмъ были проводниками и заложниками за вѣрность своихъ единоплеменниковъ. Первая страна, по которой надлежало пройти, была Тласкала, еще не подвластная астекамъ. Она занимала гористую, но плодородную мѣстность и составляла союзное государство, которымъ управлялъ союзный совѣтъ изъ родоначальниковъ и вельможъ. Астеки, распространившіе свою власть на большую часть Анагуака, требовали покорности и отъ Тласкалы; но воинственные обитатели ея не хотѣли признавать надъ собою власти мехиканцевъ и успѣшно отбивались отъ своихъ могущественныхъ сосѣдей. Горы, окружавшія ихъ родину, представляли имъ естественную защиту, а въ одномъ мѣстѣ, гдѣ доступъ былъ возможенъ, тласкаланцы построили гигантскую стѣну въ 3 сажени толщины и $1^1/_2$ сажени

вышины. Она тянулась на нѣсколько верстъ, упиралась концами въ крутыя скалы и имѣла только одинъ входъ по срединѣ.

Къ этому воинственному народу Кортесъ отправилъ пословъ съ просьбою о пропускѣ и съ предложенiемъ союза противъ общаго врага — астековъ. Тласкаланцы однако не вѣрили дружбѣ испанцевъ, которые разрушали по дорогѣ индѣйскiе храмы и принимали подарки отъ Монтесумы. Поэтому они приняли испанцевъ враждебно; послѣднiе къ своему счастью нашли знаменитую стѣну не занятой и прослѣдовали безпрепятственно далѣе. Только тогда, когда они вышли на равнину, показались толпы вооруженныхъ тласкаланцевъ. Произошли отчаянныя схватки, но остались безъ особенныхъ послѣдствiй; наконецъ 5 сентября разразилось генеральное сраженiе, въ которомъ противъ испанцевъ дралось 20,000 человѣкъ. Ознакомившись въ мелкихъ стычкахъ съ храбростью своихъ противниковъ, испанцы приготовились къ смерти и наканунѣ битвы приняли причастiе. Побѣда осталась за ними, но ею они были обязаны не пушкамъ и конницѣ, до тѣхъ поръ незнакомымъ индѣйцамъ; тласкаланцы ворвались въ ряды испанцевъ, не обращая никакого вниманiя на громъ орудiй и вступили въ рукопашный бой. Участь битвы рѣшили острые стальные мечи, противъ которыхъ легкое вооруженiе тласкаланцевъ было безсильно. Въ битвѣ пало нѣсколько человѣкъ испанцевъ; ихъ схоронили ночью; индѣйцы не должны были знать, что испанцы могутъ умереть: былъ впередъ пущенъ слухъ, что они безсмертны, какъ боги.

Могущество тласкаланцевъ не было уничтожено понесеннымъ ими пораженiемъ; они призвали на помощь своихъ жрецовъ и спросили ихъ, такiе-ли люди эти чужеземцы — изъ крови и плоти, какъ они сами, или же они существа сверхъестественныя. Жрецы будто-бы отвѣчали, что испанцы хотя и не боги, но дѣти солнца, что они получаютъ свою мощь отъ этого свѣтила, а когда потухнутъ его лучи, то и ихъ силы исчезаютъ. Они со-

вѣтовали поэтому сдѣлать ночное нападеніе, отъ каковаго можно ожидать наилучшаго успѣха.

Вслѣдствіе такого объясненія предводителю индѣйцевъ было дано приказаніе напасть ночью съ 10,000 воиновъ на лагерь испанцевъ. Для индѣйцевъ такое предпріятіе было рисковано, ибо противорѣчило военнымъ обычаямъ страны, а испанцы въ этомъ были гораздо опытнѣе.

Осенняя луна освѣщала укрѣпленный лагерь; испанцы спали, но оружіе лежало рядомъ и лошади были осѣдланы. Кругомъ стояли часовые; одинъ изъ нихъ замѣтилъ вдали темную толпу индѣйцевъ и поднялъ тревогу. Въ пять минутъ испанское войско стояло готовымъ къ бою. Тихо выждали приближеніе непріятеля, пока онъ дошелъ до подножія холма, на которомъ находились испанцы, и потомъ вдругъ бросились въ битву. Индѣйцы были разбиты на голову; тогда они заключили міръ и изъ озлобленныхъ враговъ сдѣлались вѣрными союзниками испанцевъ. Съ этого времени Кортесъ сталъ твердой ногою въ Мехикѣ. Онъ думалъ обратить тласкаланцевъ въ христіанство, а когда это не удалось, онъ по крайней мѣрѣ выпустилъ на свободу военноплѣнныхъ, назначенныхъ для жертвоприношенія богамъ. Насколько онъ былъ жестокъ на войнѣ, настолько заботливъ къ индѣйцамъ во время мира и хотѣлъ отъучить ихъ отъ варварскихъ обрядовъ.

Когда Монтесума услышалъ о побѣдахъ испанцевъ надъ тласкаланцами и союзѣ съ ними, онъ сильно оробѣлъ. Въ Тласкалу явилось второе посольство, привезло подарки и приглашало направиться въ городъ Чолулу, гдѣ все было приготовлено для дружелюбной и торжественной встрѣчи Кортеса.

Въ сопровожденіи 6000 своихъ новыхъ союзниковъ, Кортесъ вступилъ въ Чолулу,— городъ, въ которомъ по его словамъ было до 20,000 домовъ и красовались безчисленные храмы. Для мехиканцевъ этотъ городъ имѣлъ такое-же значеніе, какъ Іерусалимъ для христіанъ и Мекка для магометанъ, ибо здѣсь находился большой

храмъ Квецалкоатла, куда стремились богомольцы со всего Анагуака; развалины этого храма сохранились и по настоящее время. Астеки уже успѣли осквернить эту святыню и сердца человѣческихъ жертвъ клались къ ногамъ добраго бога воздуха.

Кортесъ не подозрѣвалъ, что Монтесума готовилъ ему западню въ этомъ городѣ. Пріемъ, сдѣланный испанцамъ, былъ чрезвычайно дружелюбенъ; но чрезъ нѣсколько дней дѣла приняли иной оборотъ. Тласкаланцы донесли Кортесу, что жители Чолулы замышляютъ что-то недоброе, ибо они принесли въ жертву богамъ много дѣтей и заложили проѣзды на нѣсколькихъ улицахъ. Поведеніе касиковъ возбуждало подозрѣніе и вскорѣ послѣ того Марина сообщила весь планъ заговора. Случилось это такъ: жена одного касика полюбила Марину и хотѣла ее спасти; съ этой цѣлью она посовѣтовала ей бѣжать изъ дома, занимаемаго испанцами. Марина притворно согласилась, разузнала всѣ подробности заговора и сообщила ихъ Кортесу.

Предполагалось напасть на испанцевъ во время оставленія ими города. Улицы были загромождены съ цѣлью задержать конницу, а на пѣхоту должны были напасть жители города. Войско въ 20,000 человѣкъ мехиканцевъ стояло невдалекѣ отъ города, готовое поддержать нападеніе обитателей Чолулы. Надѣялись, что испанцы, стѣсненные въ своихъ движеніяхъ, не въ силахъ будутъ одолѣть столь многочисленныхъ противниковъ. Предполагалось часть плѣнныхъ принести въ жертву богамъ въ Чолулѣ, а остальныхъ отправить въ столицу къ Монтесумѣ.

Никогда ни одинъ заговоръ не былъ такъ жестоко наказанъ, какъ этотъ. Кортесъ видѣлъ, что жестокихъ астековъ можно устрашить только жестокостью-же и рѣшился показать имъ страшный примѣръ.

Онъ объявилъ касикамъ, что на слѣдующее утро оставитъ городъ и потребовалъ 2000 носильщиковъ, которые должны были собраться на площади передъ домами, зани-

маемыми испанцами. Касики охотно на это согласились, а Кортесъ ночью расположилъ свои пушки и солдатъ такъ, чтобы площадь можно было обстрѣливать перекрестнымъ огнемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ данъ былъ приказъ дружественнымъ тласкаланцамъ по данному знаку напасть на городъ.

Все совершилось по предположенію: какъ скошенная трава падали мехиканцы подъ пулями и ядрами европейцевъ; но оправившись отъ перваго смятенія, они сдѣлали отчаянное нападеніе на испанцевъ и едва-ли бы послѣднимъ удалось отбиться, если бы въ тылу непріятеля не появились тласкаланцы. Страшная рѣзня происходила около храма бога воздуха. Существовало преданіе, что при разрушеніи части стѣны святилища, этотъ богъ произведетъ наводненіе, чтобы погубить своихъ враговъ. Суевѣрные чолуланцы съ большимъ трудомъ выбили нѣсколько камней изъ стѣны, но показалась только пыль, а не вода; лукавый богъ ихъ оставилъ въ минуту опасности. Чолуланскій погромъ окончился сожженіемъ теокалли или храмовъ и большей части города, который послѣ того никогда уже не могъ оправиться.

Вслѣдъ затѣмъ Кортесъ двинулся къ столицѣ. Какъ доказательство смѣлости и выносливости его воиновъ можетъ служить то, что нѣкоторые изъ нихъ поднимались на вершину Попокатепетла. Восхожденіе это тѣмъ поразительнѣе, что на менѣе высокую вершину Монъ-Блана впервые удалось взобраться чрезъ 250 лѣтъ послѣ того.

Тщетно отправлялъ Монтесума новыхъ пословъ къ Кортесу, чтобы побудить его къ отступленію. Чѣмъ болѣе онъ опасался встрѣчи съ испанцами, тѣмъ рѣшительнѣе настаивалъ Кортесъ на посѣщеніи столицы. Монтесума не могъ остановить испанцевъ и рѣшился принять ихъ дружелюбно. Одинъ изъ его пословъ выѣхалъ навстрѣчу Кортесу и передалъ ему торжественное приглашеніе.

8-го ноября 1519 г. Кортесъ вступилъ на плотину Истапалананъ, ведшую въ городъ. Она тянулась на нѣсколько верстъ и имѣла такую ширину, что 8 всадниковъ могли свободно ѣхать въ рядъ. Въ нѣсколькихъ

мѣстахъ плотина прерывалась и чрезъ эти промежутки были перекинуты деревянные мосты. Испанцы не могли не замѣтить, что стоило эти мосты разрушить, чтобы отрѣзать имъ отступленіе изъ города. Число испанцевъ простиралось до 400 человѣкъ; во главѣ ихъ ѣхалъ Кортесъ въ сопровожденіи своей конницы. За ними шла пѣхота, въ срединѣ везли пушки, а въ хвостѣ шествія двигалось 6000 тласкаланцевъ. Озеро было усѣяно безчисленными лодками, съ которыхъ мехиканцы смотрѣли на странныхъ гостей. Войско прошло чрезъ открытыя городскія ворота и было встрѣчено нѣсколькими сотнями знатныхъ индѣйцевъ, которые провозгласили приближеніе своего властелина.

Издали показалось блестящее шествіе; его открывали трое высшихъ сановниковъ съ золотыми жезлами въ рукахъ. За ними двигалось болѣе 200 вельможъ, посрединѣ которыхъ находились царскія носилки, блестѣвшія золотомъ и драгоцѣнными камнями.

Кортесъ сошелъ съ лошади и бросилъ поводья пажу; Монтесума также оставилъ носилки и направился навстрѣчу грозному врагу своему, опираясь на руки брата и племянника. Онъ былъ довольно высокаго роста и имѣлъ лѣтъ 40 отъ роду; цвѣтъ кожи его былъ нѣсколько свѣтлѣе, чѣмъ у прочихъ астековъ. Волосы онъ имѣлъ черные, носъ нѣсколько сгорбленный; взглядъ его былъ ясенъ и не имѣлъ еще того грустнаго выраженія, которое позднѣе никогда не исчезало съ его лица. Кортесъ приблизился и привѣтствовалъ его низкимъ поклономъ. Монтесума отвѣчалъ по обычаю своей страны, прикоснувшись рукою земли и прикладывая ее затѣмъ къ губамъ.

Кортесъ повѣсилъ ему на шею цѣпь изъ цвѣтнаго хрусталя и хотѣлъ его обнять, но провожатые царя воспротивились этому, дабы онъ не осквернилъ священную особу ихъ повелителя. Монтесума сказалъ нѣсколько привѣтливыхъ словъ и подалъ съ своей стороны Кортесу драгоцѣнное ожерелье. Онъ поручилъ затѣмъ своему брату проводить чужестранцевъ въ отведенный для нихъ дворецъ.

Съ распущенными знаменами и шумной музыкой прошло войско по улицамъ, занятымъ густыми толпами народа. Испанцы изумлялись чистотѣ и порядку, господствовавшимъ всюду, а также многочисленности обитателей. Но еще болѣе удивлялись туземцы; Венеція Новаго Свѣта никогда еще не видала такого зрѣлища. Что это за существа, которыя ѣхали верхомъ на незнакомыхъ животныхъ? Какъ громко раздавались удары копытъ о мостовую, по которой до сихъ поръ ступали только пѣшіе; что это за невиданныя орудія — эти пушки? что за металлъ, изъ котораго сдѣланы брони воиновъ, что за странное оружіе и что за звукъ трубъ, совершенно отличный отъ рѣзкаго тона ихъ рожковъ?

Во дворцѣ испанцевъ ожидали прислужники Монтесумы и пригласили ихъ на роскошный обѣдъ; но Кортесъ прежде всего позаботился о безопасности, разставилъ часовыхъ и размѣстилъ пушки такъ, что дворецъ сразу обратился въ укрѣпленный лагерь.

Въ тотъ-же день Монтесума явился къ Кортесу и спрашивалъ объ испанскомъ королѣ и о томъ, зачѣмъ онъ послалъ его въ Мехику. Марина опять была переводчицей и изъ ея устъ Монтесума услыхалъ, что иноземный повелитель хочетъ навязать ему и его народу новую вѣру.

Вечеромъ испанцы праздновали свой въѣздъ въ Теночтитланъ залпами изъ пушекъ. Впервые разносился громъ ихъ по улицамъ города; какое впечатлѣніе произвелъ онъ на обывателей? Впервые пороховой дымъ разстилался надъ крышами домовъ и своимъ сѣрнымъ запахомъ напоминалъ обитателямъ изверженіе огнедышащей горы! Что были астеки, завоеватели Анагуака, въ сравненіи съ этими незнакомцами!

На другой день Кортесъ посѣтилъ Монтесуму въ его большомъ дворцѣ. Онъ тотчасъ-же началъ попытки къ обращенію въ христіанство; но Монтесума остался къ этому равнодушенъ. Марина была вѣроятно плохимъ посредникомъ въ вопросахъ такого рода; слова индіанки не могли тронуть повелителя. Онъ снова увѣрялъ испан-

цевъ въ дружбѣ и предлагалъ Кортесу жить среди его народа съ такою-же пышностью, какъ онъ самъ.

Прошло 8 дней, въ теченіе которыхъ испанцы осматривали достопримѣчательности города. Кортесъ посѣтилъ и храмъ бога войны; его подвели къ жертвеннику, онъ видѣлъ еще теплыя сердца несчастныхъ жертвъ, лежавшія на золотыхъ блюдахъ и, возмущенный, оставилъ святилище, наполненное болѣе тяжелымъ трупнымъ запахомъ, чѣмъ любая кастильская бойня. Онъ съ живостью обратился къ Монтесумѣ и сказалъ: „Я не понимаю, какъ ты, столь великій и мудрый повелитель, можешь вѣрить въ этихъ истукановъ, которые суть не что иное, какъ злые духи и исчадія сатаны. Позволь мнѣ воздвигнуть здѣсь Животворящій Крестъ и ты скоро убѣдишься, что передъ нимъ затмится блескъ твоихъ лжебоговъ!“

„Это боги“, воскликнулъ возмущенный Монтесума, „которые до сихъ поръ вели народъ астековъ къ побѣдамъ и каждый годъ милостиво даютъ ему урожаи; если бы я могъ думать, что ты такъ дерзко оскорбишь ихъ, я никогда не допустилъ-бы тебя до этой святыни“.

На другой день испанцы просили у Монтесумы позволенія обратить одну изъ залъ ихъ жилища въ часовню, въ которой они могли-бы воздавать хвалу истинному Богу. Монтесума охотно согласился на это и даже прислалъ имъ на помощь своихъ рабочихъ.

Кортесъ казался спокойнымъ, но приближенные слышали, какъ онъ по ночамъ ходилъ взадъ и впередъ по своей комнатѣ. Тяжелая забота объ участи войска удручала его. Онъ пришелъ съ цѣлью покорить это государство и теперь находился въ его столицѣ; повелитель страны относится къ нему дружелюбно и какъ будто покорился королю испанскому. Но могъ-ли Кортесъ полагаться на эту дружбу и ожидать дальнѣйшихъ успѣховъ путемъ мирныхъ переговоровъ? Онъ помнилъ заговоръ въ Чолулѣ, который былъ задуманъ Монтесумой; онъ соображалъ и другое обстоятельство, которое скрылъ

отъ войска, чтобы не поколебать его мужества: съ берега моря получено было извѣстіе, что и тамъ испанцамъ пришлось отбиваться отъ мехиканцевъ. При этомъ двое испанцевъ было убито; одному изъ нихъ астеки отрѣзали голову и прислали ее Монтесумѣ. Это случилось еще до прибытія Кортеса въ столицу. Монтесума тогда впервые увидѣлъ лицо бѣлаго человѣка, но изуродованныя разложеніемъ черты привели его въ такой ужасъ, что онъ приказалъ зарыть голову за городомъ, а не помѣщать въ число жертвъ какому-нибудь изъ боговъ.

Такова была дружба Монтесумы! Онъ очевидно искалъ погибели испанцевъ и только страхъ удерживалъ его пока отъ исполненія этого намѣренія. Кортесъ хорошо зналъ, что страхъ современемъ долженъ исчезнуть и рѣшилъ поэтому дѣйствовать, пока еще не поздно.

Но какъ дѣйствовать? вызвать-ли городъ на бой? Что могъ онъ сдѣлать противъ безчисленнаго войска астековъ? Отступить обратно къ морю? Но онъ собственно только открылъ Мехику, а не завоевалъ ее! Это значило-бы сознаться предъ всѣмъ свѣтомъ, что все предпріятіе было пустымъ хвастовствомъ! Наконецъ могъ-ли онъ надѣяться при этомъ на благосклонность своего государя и на прощеніе за свои самовольные поступки?

Въ 8-ой день по прибытіи испанцевъ въ Мехико, Кортесъ созвалъ своихъ офицеровъ на совѣщаніе и предложилъ имъ такой планъ: во что-бы то ни стало надо Монтесуму перевести изъ его дворца въ жилище испанцевъ, чтобы его самого сдѣлать орудіемъ разрушенія собственнаго государства. Этотъ планъ — самый отчаянный изъ всѣхъ доселѣ извѣстныхъ въ исторіи испанскихъ завоеваній, былъ принятъ офицерами Кортеса.

На слѣдующій день Кортесъ отправился, въ сопровожденіи храбрѣйшихъ изъ своихъ воиновъ, во дворецъ государя. Бесѣда началась съ шутокъ и Монтесума былъ такъ благосклоненъ, что предложилъ Кортесу одну изъ своихъ дочерей въ жены. Кортесъ благодарилъ, но ска-

Взятіе въ плѣнъ Монтесумы.

залъ, что уже имѣетъ жену на островѣ Кубѣ, что его религія запрещаетъ многоженство и вдругъ далъ разговору совершенно другое, серьезное направленіе.

Онъ сообщилъ объ убійствѣ испанцевъ на берегу моря и потребовалъ удовлетворенія за обиду. Монтесума взвалилъ всю вину на своего губернатора и обѣщалъ вызвать его въ столицу, чтобы подвергнуть отвѣтственности. Кортесъ поблагодарилъ за его готовность дать удовлетвореніе и объявилъ, что и его король долженъ получить въ томъ увѣренность, а лучшимъ доказательствомъ невинности Монтесумы будетъ переселеніе его изъ собственнаго дворца въ помѣщеніе испанцевъ. Монтесума выслушалъ такое предложеніе съ удивленіемъ; онъ подумалъ нѣсколько мгновеній, а потомъ воскликнулъ, покраснѣвъ отъ злобы: „Слыханное-ли дѣло, чтобы могущественный государь, какъ я, добровольно оставилъ свой дворецъ, чтобы отдаться какъ плѣнный въ руки чужихъ людей! Если-бы я самъ согласился на такое униженіе, мои подданные никогда-бы этого не потерпѣли!“

Его старались убѣдить, что рѣчь идетъ не о плѣненіи, а о добровольной перемѣнѣ мѣстожительства. Два часа прошло въ безплодныхъ переговорахъ, какъ вдругъ одинъ изъ испанскихъ рыцарей, утомленный безконечнымъ споромъ, воскликнулъ: „Что мы попусту теряемъ слова съ этими дикарями! мы зашли слишкомъ далеко, чтобы теперь отступить; возьмемъ его подъ стражу, а если онъ будетъ сопротивляться, то изрубимъ его въ куски!“ Слова эти, сказанныя дерзкимъ тономъ и сопровождаемыя угрожающими движеніями, смутили монарха и онъ спросилъ Марину, что сказалъ сердитый испанецъ. Она передала содержаніе словъ и убѣждала его послѣдовать за испанцами. Властелинъ посмотрѣлъ на мрачныя лица и грозныя фигуры своихъ враговъ и понялъ, что насталъ конецъ его владычеству; онъ покорился своей участи и едва слышнымъ голосомъ согласился послѣдовать за чужестранцами.

Между тѣмъ въ городѣ распространился слухъ, что испанцы хотятъ силою увести Мантесуму и народъ мас-

сами собрался на улицахъ, по которымъ испанцы несли повелителя на носилкахъ. Возмущеніе готово было вспыхнуть, но Монтесума крикнулъ народу, что онъ по собственному почину навѣщаетъ своихъ друзей. Этимъ способомъ онъ хотѣлъ скрыть унизительность своего положенія и вступилъ на путь, на которомъ все болѣе и болѣе отчуждался отъ своего народа.

Хотя и окруженный всевозможными удобствами и наружными знаками уваженія, Монтесума содержался въ жилищѣ испанцевъ какъ плѣнникъ, пока привели съ морскаго берега обвиненнаго губернатора, который былъ переданъ Кортесу для разслѣдованія. Судъ приговорилъ его и 15 астекскихъ князей къ сожженію на кострѣ, несмотря на ихъ показанія, что всѣ они дѣйствовали по повелѣнію своего государя.

Костры были сложены изъ стрѣлъ, дротиковъ и другаго оружія, взятаго изъ арсеналовъ Монтесумы. Кортесъ воспользовался случаемъ, чтобы сжечь часть оружія, которое мехиканцы могли употребить противъ его воиновъ.

Кортесъ нашелъ нужнымъ подвергнуть Монтесуму еще большему униженію. Когда совершались приготовленія къ казни, онъ вошелъ въ комнату государя съ солдатомъ, несшимъ въ рукавъ оковы. Онъ принялъ грозный видъ и сталъ обвинять Монтесуму въ убійствѣ испанцевъ, что доказало признаніе исполнителей его приказаній. Такое преступленіе и для него не можетъ пройти безнаказаннымъ. Сказавъ это, онъ приказалъ солдату надѣть оковы на ноги государя.

Молча выслушалъ Монтесума это послѣднее оскорбленіе, но глухія стенанія, вырывавшіяся по временамъ изъ груди, выдавали душевную тоску его. Онъ зналъ теперь, что онъ болѣе не повелитель. Тщетно убивались его вѣрные прислужники, держали ноги его въ рукахъ и старались ослабить давленіе желѣза мягкими платками. Онъ былъ человѣкъ уничтоженный, для котораго утѣшенія не существовало.

На дворѣ между тѣмъ совершалась страшная казнь.

Всѣ испанскія войска были выстроены для предупрежденія всякаго сопротивленія со стороны астековъ. Но народъ молча смотрѣлъ на исполненіе приговора, произнесеннаго, какъ онъ думалъ, Монтесумою.

Послѣ казни Кортесъ снова вошелъ въ покои государя и собственноручно снялъ съ него цѣпи. Затѣмъ онъ предложилъ ему возвратиться въ свой дворецъ; но уничтоженный Монтесума не отважился оставить свою темницу — онъ предпочелъ принять присягу королю Карлу и признать себя вассаломъ Испаніи.

Послѣ этого Кортесъ потребовалъ присяги своему королю отъ всѣхъ начальниковъ астековъ, а также подарковъ въ знакъ покорности и вѣрности. Страхъ предъ его именемъ былъ такъ великъ, что ему повиновались и онъ получилъ на огромную сумму драгоцѣнныхъ вещей. Но Кортесъ пришелъ не съ исключительными цѣлями наживы; въ душѣ онъ сохранилъ и болѣе идеальныя стремленія. Главной цѣлью его было разрушить мрачные алтари, на которыхъ приносились человѣческія жертвы и обратить мехиканцевъ въ христіанскую вѣру. Онъ представилъ Монтесумѣ, какъ испанцы недовольны тѣмъ, что должны исполнять обряды своей вѣры какъ-будто украдкою, за стѣнами своего жилища. Они желали-бы дать народу возможность пользоваться благодѣяніями христіанства. Для этого они просятъ отдать въ ихъ распоряженіе большой храмъ, какъ самое удобное мѣсто для отправленія богослуженія въ виду всей столицы. Монтесума съ ужасомъ выслушалъ это новое требованіе и воскликнулъ: „Зачѣмъ ты, Малинче, думаешь о такихъ вещахъ и хочешь погубить весь нашъ городъ! Ты безнаказанно не можешь возбудить гнѣвъ нашихъ боговъ; народъ не стерпитъ оскверненія своихъ святынь и ты рискуешь жизнію своей и своихъ товарищей“. Но Кортесъ былъ непоколебимъ; онъ грозилъ сбросить всѣхъ идоловъ съ высоты храма, если ему не будетъ предоставлено хоть одно изъ святилищъ теокалли. Монтесума, сильно встревоженный, обѣщалъ посовѣтоваться съ жре-

цами. Собраніе жрецовъ дало свое согласіе и чрезъ нѣсколько дней храмъ огласился торжественнымъ пѣніемъ христіанскаго богослуженія.

Но мѣра терпѣнія астековъ была переполнена; обнаружились признаки сильнаго волненія во всей странѣ и однажды Монтесума пригласилъ къ себѣ Кортеса для объясненій. Онъ встрѣтилъ испанца холодно-вѣжливо и сообщилъ ему, что боги грозятъ жрецамъ лишить страну астековъ своей милости, если ненавистные чужестранцы не будутъ изгнаны изъ государства или не будутъ принесены въ жертву на алтаряхъ. Онъ пояснилъ, что возбужденіе столь сильно, что ему стоитъ поднять палецъ и весь городъ вооружится; поэтому онъ совѣтовалъ испанцамъ оставить страну.

Кортесъ былъ пораженъ этимъ извѣстіемъ, но не потерялъ присутствія духа; онъ надѣялся, что скоро прибудутъ подкрѣпленія изъ Испаніи и хотѣлъ только выиграть время. Онъ объявилъ поэтому, что ему невозможно оставить страну, такъ какъ у него нѣтъ кораблей; если же его принудятъ къ тому силою, то онъ долженъ будетъ взять съ собою государя. Монтесума былъ этимъ смущенъ; онъ спросилъ, сколько времени потребуется для постройки судовъ и согласился дать для этого въ распоряженіе испанцевъ своихъ плотниковъ. Тѣмъ временемъ онъ увѣрялъ народъ, что испанцы уйдутъ, когда корабли будутъ готовы. Такимъ образомъ возстаніе еще удерживалось вмѣшательствомъ Монтесумы; но положеніе испанцевъ было незавидно. Шесть мѣсяцевъ они занимали уже столицу и всѣмъ, отъ старшаго офицера, до послѣдняго рядоваго, приходилось нести самую тягостную службу. Надо было постоянно держать караулы, чтобы помѣшать неожиданному нападенію; а внутри лагеря приходилось охранять высокаго плѣнника. Лошади стояли постоянно осѣдланными и воины спали, не снимая оружія. Наконецъ, въ началѣ мая 1520 г., пришли вѣсти изъ Вилла-Рики, но для Кортеса онѣ были крайне неблагопріятны и безпокоили его больше, чѣмъ угрозы астековъ.

ГЛАВА XII.

Пораженіе Кортеса.

23-го апрѣля 1520 года у береговъ Мехики, около С. Жуанъ Уллоа, появился могущественный флотъ: 18 кораблей съ 900 воиновъ, между которыми было 80 конныхъ и столько-же стрѣлковъ, съ нѣсколькими пушками. Этотъ значительный отрядъ, подъ начальствомъ Нарваэса, послалъ намѣстникъ Кубы Веласкесъ, чтобы наказать Кортеса за его ослушаніе.

Способность полководца проявляется въ минуты опасности и теперь умъ и рѣшительность Кортеса показались во всемъ блескѣ. Угрожаемый испанцами и астеками, онъ не выпустилъ изъ рукъ ни одной изъ пріобрѣтенныхъ выгодъ. Онъ оставилъ главныя силы въ Мехикѣ и поручилъ начальство храброму рыцарю Педро де-Альварадо, который пріобрѣлъ къ себѣ большое расположеніе мехиканцевъ; самъ-же онъ съ 70-ю человѣками отправился къ берегу моря. Увеличивъ составъ своего войска разсѣянными въ разныхъ мѣстахъ гарнизонами до 266 человѣкъ, онъ въ темную, дождливую ночь напалъ на своего противника въ Семпоаллѣ. Нарваэсъ былъ взятъ въ плѣнъ и Кортесъ торжествовалъ тѣмъ болѣе, что всѣ высланныя противъ него войска перешли на его сторону.

Материкъ Америки еще никогда не видалъ такого большаго европейскаго войска. Кортесъ командовалъ теперь 1250 испанцами. Онъ приказалъ снять съ судовъ желѣзо, такелажъ, всѣ удобопереносимыя вещи и уничтожить корабли, чтобы никто не могъ тайкомъ бѣжать, какъ онъ самъ это сдѣлалъ на островѣ Кубѣ, и послалъ отряды въ разныя стороны, чтобы покорить новыя области.

Тогда изъ столицы пришла неожиданная вѣсть: Педро де-Альварадо извѣщалъ, что мехиканцы взялись за оружіе и сильно тѣснятъ испанцевъ; суда, которыя Кортесъ

построилъ для того, чтобы уйти по озеру, если мехиканцы разрушатъ плотины, сожжены и скорая помощь необходима.

Кортесъ собралъ свои войска и двинулся быстрыми переходами къ столицѣ; города и селенія были пусты, а когда они приблизились къ плотинѣ, то на озерѣ виденъ былъ только одинъ сторожевой челнокъ. Мрачный, ожидая недоброе, Кортесъ ѣхалъ впереди своего войска. По безлюднымъ улицамъ прошелъ онъ до дворца, занятаго испанцами, гдѣ ждалъ его Альварадо.

Здѣсь онъ узналъ причину возмущенія. У астековъ существовалъ обычай совершать ежегодно въ маѣ торжество въ честь бога войны на площади передъ большимъ теокалли. Мехиканцы просили Альварадо не препятствовать этому торжеству и разрѣшить Монтесумѣ принять въ немъ участіе. Альварадо ничего не имѣлъ противъ торжества, но Монтесума, по оставленному будто-бы Кортесомъ приказанію, не долженъ былъ присутствовать.

Въ богатыхъ праздничныхъ одеждахъ собрались астеки на площади. Между ними было 600 молодыхъ людей изъ самыхъ знатныхъ семействъ страны; они начали свои пляски, какъ вдругъ появились испанцы съ Альварадою во главѣ и вмѣшались въ толпу. По данному знаку они обнажили оружіе и ударили на участниковъ торжества. Въ этой бойнѣ погибъ цвѣтъ мехиканской знати; ни одному изъ юныхъ астековъ не удалось спастись и не было знатнаго семейства, которое не оплакивало-бы когонибудь изъ родныхъ. Альварадо объяснялъ свой гнусный поступокъ тѣмъ, что будто-бы до него дошли слухи о тайныхъ приготовленіяхъ къ возмущенію; онъ хотѣлъ предупредить его и поступилъ такъ, какъ Кортесъ въ Чолулѣ. Но это подражаніе вышло неудачно: Кортесъ уничтожилъ своихъ враговъ, Альварадо ихъ только раздражилъ. Вся столица вооружилась до послѣдняго человѣка и на слѣдующее утро мехиканцы яростно напали на своихъ притѣснителей. Испанская крѣпость не могла-

бы устоять, если-бы Монтесума въ самую критическую минуту не появился на крышѣ и не успокоилъ возмутившихся. Тогда мехиканцы рѣшились на пассивное сопротивленіе: они закрыли рынки въ городѣ и старались уничтожить испанцевъ голодомъ.

Кортесъ выслушалъ донесеніе Альварадо, но чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе омрачалось лицо его и наконецъ онъ крикнулъ: „Вы не оправдали моего довѣрія, вы дѣйствовали какъ сумашедшій"!

Чтобы успокоить взволнованный народъ, Кортесъ выпустилъ на свободу брата Монтесумы; но это произвело какъ-разъ противоположное дѣйствіе: въ лицѣ этого мужественнаго царевича возмущеніе получило настоящаго руководителя.

Съ этихъ поръ начинается новый періодъ въ исторіи покоренія Мехики: побѣдители становятся побѣжденными и обороняются съ отчаяннымъ мужествомъ, достойнымъ древнихъ героевъ.

Чрезъ нѣсколько дней по возвращеніи Кортеса астеки уже сдѣлали приступъ на испанскую крѣпость. Цѣлый день длилась битва и испанцы, какъ и союзные имъ тласкаланцы отбивались съ большимъ трудомъ. Несмотря на ужасныя потери, которыя наносили мехиканцамъ пушки европейцевъ, они на слѣдующій день явились въ еще большемъ числѣ. Недостатокъ жизненныхъ припасовъ и особенно воды былъ очень чувствителенъ для испанцевъ, и кромѣ того врагамъ ихъ удалось зажечь легкія хижины тласкаланцевъ.

Тогда Кортесъ потребовалъ, чтобы Монтесума убѣдилъ народъ заключить перемиріе и обезпечилъ испанцамъ свободное отступленіе. Неохотно и не безъ борьбы согласился исполнить это требованіе Монтесума и вышелъ на крышу дворца въ царскомъ облаченіи. Когда мехиканскіе воины увидѣли его, они опустили оружіе и многіе преклонили колѣна предъ своимъ властелиномъ. Наступила мертвая тишина. Монтесума началъ говорить; но когда онъ назвалъ испанцевъ своими друзьями, под-

нялся дикій вой и градъ камней посыпался на крышу. Тщетно двое испанцевъ заслоняли Монтесуму своими щитами; онъ упалъ, пораженный камнемъ въ високъ и былъ унесенъ безъ чувствъ. Когда онъ пришелъ въ себя, онъ не говорилъ ни слова и срывалъ всѣ повязки, которыя ему накладывали; рана, которую нанесъ ему собственный народъ, не должна была зажить — отъ нея долженъ былъ умереть властитель!

Отчаянныя схватки происходили ежедневно. Испанцы дѣлали вылазки, чтобы отогнать непріятеля, зажигали дома и принуждены были взять приступомъ храмъ бога войны, потому что онъ господствовалъ надъ ихъ дворцомъ. Отрядъ мехиканцевъ въ нѣсколько сотъ человѣкъ занималъ теокалли и производилъ оттуда такую стрѣльбу изъ луковъ, что ни одинъ испанецъ ни на минуту не могъ оставить свой щитъ, не подвергаясь опасности. Необходимо было вытѣснить астековъ изъ теокалли, если испанцы хотѣли удержаться въ своемъ дворцѣ.

Жестокая битва закипѣла вокругъ храма; на огромной террасѣ его, гдѣ было достаточно мѣста для 1000 воиновъ, яростно бились христіане съ язычниками. Огнестрѣльное оружіе здѣсь было безполезно; завязался отчаянный рукопашный бой, во время котораго языческіе жрецы, въ длинныхъ, черныхъ одѣяніяхъ, возбуждали мужество туземцевъ. Наконецъ христіанамъ удалось завладѣть храмомъ; страшный богъ войны былъ низвергнутъ по ступенямъ теокалли и вскорѣ послѣ того запылали его деревянныя башни.

Но и этотъ успѣхъ не сломилъ силы астековъ; они продолжали сражаться съ возрастающимъ озлобленіемъ и положеніе испанцевъ съ каждымъ днемъ становилось затруднительнѣе.

Между тѣмъ Монтесума скончался на рукахъ нѣсколькихъ вельможъ, оставшихся ему вѣрными. Всѣ старанія испанцевъ окрестить его передъ смертью были тщетны — онъ остался вѣренъ религіи своихъ предковъ. Озабоченный судьбою своихъ дѣтей, онъ пригласилъ Кортеса къ

своей постели и просилъ его принять ихъ подъ свое покровительство, а также исходатайствовать у испанскаго короля, чтобы имъ была оставлена часть ихъ законнаго наслѣдства. Это желаніе было исполнено; впослѣдствіи потомки его получили титулы испанскихъ графовъ и вошли въ родственныя связи съ знатнѣйшими кастильскими семействами.

Тѣло Монтесумы, въ царской одеждѣ, было положено на носилки и отнесено на плечахъ его приближенныхъ въ городъ къ народу. Жалобный вопль, слышавшійся въ западной части города, былъ принятъ испанцами за плачъ погребальной процессіи; но гдѣ было погребено тѣло послѣдняго астекскаго государя, осталось неизвѣстнымъ.

Наконецъ Кортесъ увидѣлъ, что не будетъ въ силахъ держаться во дворцѣ и рѣшился оставить городъ. Изъ многихъ плотинъ, которыя вели на материкъ, онъ выбралъ кратчайшую — тлакопанскую, ведущую въ Такубу; но и эта плотина тянулась на нѣсколько верстъ и въ 3-хъ мѣстахъ была перерѣзана каналами, чрезъ которые прежде существовали мосты, теперь разрушенные мехиканцами. Кортесъ устроилъ переносный мостъ и поручилъ его надежнѣйшему офицеру съ 40 воинами.

Въ темную и дождливую ночь 1-го іюля 1520 года испанское войско вышло изъ своей крѣпости, стараясь двигаться безъ малѣйшаго шума. Улица, ведущая къ плотинѣ, была пуста и надъ всѣмъ городомъ царствовала мертвая тишина. Все казалось погруженнымъ въ глубокій сонъ и испанцы благополучно достигли плотины. Но здѣсь стояло на стражѣ нѣсколько индѣйцевъ, которые подняли тревогу и побѣжали по улицамъ, пробуждая криками своихъ согражданъ. Вскорѣ на вершинахъ теокалли затрубили въ рога, а въ опустошенномъ храмѣ бога войны загремѣлъ огромный барабанъ. Это былъ воинскій набатъ астековъ. Испанцы быстро навели мостъ и войско двинулось по плотинѣ. Въ это время послышались всплески безчисленныхъ веселъ и вскорѣ испанцы

были осыпаны градомъ стрѣлъ и камней. Индѣйцы приставали на своихъ лодкахъ къ плотинѣ, взбирались на нее и вступали въ рукопашный бой. Когда послѣднія части войска перешли черезъ мостъ, его хотѣли разобрать, чтобы перенести ко второму пролому въ плотинѣ. Но всѣ усилія оказались напрасными: тяжесть столькихъ людей, лошадей и артиллеріи такъ сильно вдавили бревна въ землю между камнями, что не было никакой возможности освободить ихъ. Извѣстіе объ этомъ какъ молнія пролетѣло по всему войску и привело всѣхъ въ отчаяніе. Порядокъ и дисциплина сразу рушились и каждый думалъ только о собственномъ спасеніи. При этомъ многіе раненые были захвачены астеками въ ихъ лодки для принесенія въ жертву богамъ. Сражаясь шагъ за шагомъ, тѣснимые со всѣхъ сторонъ, испанцы наконецъ завалили второй проломъ пушками, тюками добычи, сундуками, наполненными золотомъ и трупами людей и лошадей. Войско кое-какъ перебралось и достигло третьяго пролома, который также былъ широкъ и глубокъ, но не былъ такъ сильно занятъ непріятелемъ. Здѣсь пришлось уже перебираться вплавь; при этомъ многіе потонули вслѣдствіе своей алчности: нагруженные золотомъ, они не въ силахъ были переплыть небольшое пространство воды канала.

Къ восходу солнца удалось наконецъ испанцамъ ступить на твердую землю; къ счастью, непріятель не преслѣдовалъ ихъ съ такою-же рѣшительностью, съ какою дрался на плотинѣ; иначе они всѣ, до единаго человѣка, должны были погибнуть.

Недалеко отъ Такубы и теперь еще показываютъ путешественникамъ кипарисъ, подъ которымъ сидѣлъ и отдыхалъ Кортесъ, осматривая остатки своего войска. Онъ былъ разбитъ на̀-голову: исчезъ артиллерійскій паркъ, исчезли брошенныя солдатами ружья, не было знаменъ, осталось только 17 лошадей, и въ пробитыхъ панцыряхъ и изорванныхъ одеждахъ, покрытые ранами, собрались тѣ счастливцы, которымъ удалось спасти жизнь. Вся

пріобрѣтенная добыча также погибла; у испанцевъ не осталось ничего, кромѣ мечей. Потеря, понесенная въ эту „печальную ночь“, какъ они ее прозвали, опредѣляется различно; всего вѣроятнѣе, что она простиралась до 450 испанцевъ и до 4000 тласкаланцевъ. Тѣмъ не менѣе не все было потеряно. Когда Кортесъ осмотрѣлъ ряды своихъ воиновъ, онъ нашелъ между ними лучшихъ своихъ сподвижниковъ; онъ нашелъ искуснаго судостроителя Мартина Лопеса, переводчика Агилара и вѣрную свою подругу Марину.

Приведя въ порядокъ остатки своего войска, онъ двинулся съ ними къ берегу моря. Взгляды, полные ненависти, бросали испанцы на побѣдоносный городъ, а Кортесъ поклялся отомстить.

Тщетно астеки хотѣли заградить ему путь у Отумбы. Испанцы могли дѣйствовать только мечами, но они остались побѣдителями. Кортесъ самолично рѣшилъ битву: въ срединѣ непріятелей онъ замѣтилъ ихъ предводителя; поддержанный Альварадою и другими всадниками, онъ ворвался въ ряды враговъ и изрубилъ военачальника; тогда астеки обратились въ бѣгство.

Послѣ этой побѣды войско Кортеса вошло въ Тласкалу — столицу своихъ союзниковъ. Здѣсь оно встрѣтило дружественный пріемъ и отдыхало отъ перенесенныхъ трудовъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль. Здѣсь поправились испанскіе раненые, которыхъ было очень много; самъ Кортесъ пострадалъ весьма сильно. Онъ лишился употребленія двухъ пальцевъ на лѣвой рукѣ и получилъ двѣ раны въ голову; изъ нихъ одна была опасна и пришлось вынуть часть головной кости. Во время пребыванія въ Тласкалѣ Кортесу угрожали событія, едва не уничтожившія все его предпріятіе.

Въ числѣ его сподвижниковъ, особенно изъ воиновъ, пришедшихъ съ Нарваэсомъ, было много недовольныхъ, громко выражавшихъ свои жалобы. Они пришли въ надеждѣ обогатиться и не добыли ни золота, ни славы. Едва удалось Кортесу успокоить своихъ воиновъ, какъ

возникло недоброжелательство къ нимъ тласкаланцевъ, которые начали тяготиться своими гостями. При такихъ-то обстоятельствахъ явилось въ Тласкалу посольство изъ Мехики съ предложенiемъ предать забвенiю старую вражду и заключить союзъ противъ испанцевъ, какъ враговъ ихъ вѣры. Мнѣнiя тласкаланцевъ раздѣлились: одни стояли за принятiе предложенiя астековъ, другiе оставались вѣрными своему союзу съ бѣлыми. Послѣднiе взяли перевѣсъ и благодаря этому, Кортесъ былъ спасенъ.

Армiя была преобразована на берегу; нѣсколько кораблей, прибывшихъ между тѣмъ съ подкрѣпленiями для Нарваэса, перешли къ Кортесу, и чрезъ 4 мѣсяца онъ снова стоялъ во главѣ войска, состоявшаго изъ 40 всадниковъ и 600 пѣхотинцевъ, изъ которыхъ 80 были вооружены ружьями, и имѣлъ 9 небольшихъ пушекъ.

ГЛАВА XIII.

Завоеванiе Мехики и дальнѣйшая участь Кортеса.

Съ этими силами Кортесъ пошелъ на Теночтитланъ, чтобы его наказать и покорить. На островной городъ должно было напасть съ суши и съ воды. Приготовленiя къ этому нападенiю дѣлались въ Тласкалѣ. Смѣлые воины еще разъ поднялись на высокiй Попокатепетлъ и добыли изъ его кратера сѣры для приготовленiя пороха. Искусный кораблестроитель Мартинъ Лопесъ, при помощи дружественныхъ туземцевъ, приступилъ къ постройкѣ судовъ, долженствовавшихъ грозить городу съ озера Тескуко. Канаты, якоря, желѣзные скрѣпы, паруса и другiя принадлежности были доставлены индѣйцами изъ Вилла Рики; деревья были нарублены въ сосѣднихъ лѣсахъ, а смола — нѣчто незнакомое индѣйцамъ, — добыта изъ сосенъ близлежащихъ горъ.

Пока Лопесъ былъ занятъ судостроеніемъ, Кортесъ двинулся, чтобы не дать времени непріятелю собраться. Сопровождаемый нѣсколькими тысячами тласкаланскихъ союзниковъ, онъ вступилъ 31 декабря 1520 г. въ Тескуко и началъ военныя дѣйствія противъ Теночтитлана.

Здѣсь между тѣмъ произошли важныя перемѣны. Братъ и наслѣдникъ Монтесумы — Куитлагуакъ вдругъ умеръ отъ оспы. Его царствованіе продолжалось только 4 мѣсяца, но оно было славно, ибо въ это время испанцы потерпѣли пораженіе и были изгнаны изъ Мехико. Преемникомъ ему былъ избранъ Куатемодзинъ или по испанскому произношенію Гуатемозинъ — племянникъ обоихъ послѣднихъ властителей. „Онъ былъ не старше 25 лѣтъ и, для индѣйца, пріятной наружности, храбръ и до того грозенъ, что подданные трепетали при одномъ его взглядѣ", говоритъ объ немъ современникъ, имѣвшій случай часто его видѣть. Онъ былъ избранъ потому, что отличился въ бояхъ съ испанцами и занялъ расшатанный престолъ мехиканскій съ твердымъ намѣреніемъ побѣдить или геройски погибнуть.

Гуатемозинъ взывалъ ко всѣмъ своимъ вассаламъ, приглашая принять участіе въ этой борьбѣ, назначилъ награду за каждаго убитаго испанца и еще бо́льшую за тѣхъ, которыхъ доставятъ живьемъ въ столицу, чтобы принести ихъ въ жертву на алтаряхъ бога войны. Когда онъ узналъ о приближеніи испанскаго войска, онъ выслалъ изъ столицы лишнюю часть населенія и упражнялъ свои войска въ защитѣ вновь укрѣпленнаго города.

Съ такимъ врагомъ не могло быть рѣчи о мирѣ. Вокругъ озера вскорѣ закипѣла борьба и съ какимъ остервенѣніемъ велась она, о томъ свидѣтельствуетъ взятіе Ицтапалапана. Едва испанцы утвердились въ горящемъ городѣ, какъ раздался глухой шумъ, какъ-бы отъ волнъ разбушевавшагося моря. Индѣйцы прорвали плотины и наводнили городъ; съ большимъ трудомъ спаслись испанцы отъ смерти въ волнахъ озера.

Кортесъ медлилъ нападеніемъ на самую столицу, пока не прибудутъ суда изъ-за горъ и послалъ отрядъ для

прикрытія транспорта. Въ селеніяхъ по дорогѣ испанцы находили въ храмахъ оружіе и головы своихъ земляковъ, прибывшихъ въ страну въ качествѣ „безсмертныхъ“. На стѣнѣ одного дома они прочли слѣдующія слова, написанныя углемъ: „Здѣсь былъ заключенъ злополучный Хуанъ Хусте со многими товарищами изъ своего отряда“. Слезы выступили на глазахъ солдатъ, но за то какъ они были обрадованы, когда увидѣли на границѣ Тласкалы развѣвающіяся знамена транспорта, несшаго разобранныя суда чрезъ ущелья горъ.

Было заготовлено всего 13 судовъ или бригантинъ различной величины. Когда постройка была окончена, ихъ спустили на воду ближайшаго озера для испытанія; потомъ ихъ разобрали по частямъ, навьючили ими индѣйскихъ носильщиковъ и отправили подъ многочисленнымъ военнымъ прикрытіемъ въ Тескуко. Медленно двигалось шествіе чрезъ горы, часто тѣснимое непріятелемъ, но на 4-й день благополучно достигло цѣли.

Въ наше время перенесеніе разборныхъ лодокъ чрезъ первобытные лѣса Африки производитъ всеобщее удивленіе. Но что значитъ перенесеніе „Леди Алисы“ Стэнли чрезъ лѣса Ургуру въ сравненіи съ этимъ гигантскимъ подвигомъ XVI столѣтія! Здѣсь, на берегахъ озера Тускуко, совершилось поистинѣ чудо: цѣлый флотъ прошелъ посуху, да еще чрезъ горы!

Двѣ недѣли прошли, пока суда были собраны, спущены и закачались на водахъ озера при громѣ орудій. Тогда Кортесъ отдалъ приказъ къ наступленію съ суши и воды; онъ оканчивался словами: „Я сдѣлалъ послѣдній шагъ — я привелъ васъ къ цѣли, къ которой вы такъ долго стремились. Чрезъ нѣсколько дней вы будете стоять предъ вратами Теночтитлана, изъ котораго вы были изгнаны съ такимъ позоромъ. Но теперь мы идемъ впередъ подъ покровительствомъ Провидѣнія. Мы будемъ сражаться за вѣру, за нашу честь, ради пріобрѣтенія богатства и ради мести. Я противопоставилъ васъ непріятелю — теперь ваше дѣло съ нимъ покончить!“

Въ послѣдовавшихъ сраженіяхъ испанцамъ отводятъ обыкновенно слишкомъ видную роль, мало принимая во вниманіе значеніе ихъ союзниковъ. Поэтому здѣсь будетъ у мѣста напомнить, что они были собственно только предводителями войска, состоявшаго главнымъ образомъ изъ индѣйцевъ. Во время завоеванія Теночтитлана подъ знаменами Кортеса собрались всѣ враги астековъ; одни тласкаланцы выставили 50,000 человѣкъ, а вся армія будто-бы состояла изъ 150,000 людей.

Первое столкновеніе произошло у водопровода Такубы, которымъ городъ снабжался водою. Испанцы остались побѣдителями, трубы были разрушены и во время осады вода этимъ путемъ не доставлялась въ городъ. Затѣмъ началось исполненіе отдѣльныхъ частей плана осады — уничтоженіе безчисленныхъ лодокъ туземцевъ испанскими бригантинами и занятіе плотинъ. За обладаніе каждой плотиной приходилось давать цѣлыя сраженія и только чрезъ нѣсколько дней испанцы могли приступить къ штурму самого города. Съ большими потерями была наконецъ взята та часть его, гдѣ находился дворецъ Монтесумы. Кортесъ думалъ устрашить астековъ: чтобы принудить ихъ къ сдачѣ, онъ велѣлъ зажечь дворецъ, въ которомъ испанцы имѣли прежде свое мѣстопребываніе. Страшное пламя заставило христіанъ на время прекратить дальнѣйшее разрушеніе. Когда оно ослабѣло, они перешли на другую сторону площади, гдѣ находился, рядомъ съ дворцомъ Монтесумы, звѣринецъ. Одно изъ его зданій, именно птичникъ, было теперь зажжено испанцами. Это была легкая, красивая деревянная постройка, свидѣтельствовавшая о вкусѣ повелителя астековъ, рѣзко отличавшаяся отъ тяжелыхъ каменныхъ строеній, расположенныхъ вокругъ. Пламя охватило птичникъ и громадное зарево освѣтило городъ и озеро. Пернатые обитатели частью погибли въ огнѣ, частью прорвали легкія, плетеныя рѣшетки, съ крикомъ вились нѣсколько времени высоко надъ несчастнымъ городомъ, а потомъ улетѣли въ свои родные лѣса по ту сторону горъ.

Но мехиканцы, при видѣ этого, не потеряли мужества, какъ ожидалъ Кортесъ; напротивъ они яростно бросились на испанцевъ и заставили ихъ очистить эту часть города.

Снова закипѣлъ бой на переходахъ чрезъ плотины. Ночью ихъ надо было обставлять часовыми, смѣнявшимися ежечасно и состоявшими исключительно изъ испанцевъ, такъ какъ индѣйцы оказались негодными для этого рода службы. Безпрестанно раздавался по ночамъ призывъ къ оружію, ибо Гуатемозинъ не давалъ испанцамъ покоя.

Еще нѣсколько времени осажденные получали, при посредствѣ озера, съѣстные припасы, но мало-по-малу и здѣсь замкнулось желѣзное кольцо осаждающихъ и тогда началось ужасное бѣдствіе въ столицѣ астековъ.

Наконецъ Кортесъ самъ повелъ свое войско на приступъ. Гордо развѣвалось изорванное въ бояхъ знамя Кастиліи и нападающіе гнали непріятеля передъ собою; побѣда была легка и они далеко проникли внутрь города, не подозрѣвая, что были жертвой хитрости. Вдругъ съ высоты теокалли раздался призывный звукъ священнаго рога Гуатемозина, употребляемый только въ исключительныхъ случаяхъ; по этому знаку бѣгущіе мехиканцы обратились противъ своихъ преслѣдователей, изъ всѣхъ улицъ появились массы новыхъ воиновъ, и день окончился пораженіемъ испанцевъ. Самъ Кортесъ, сильно раненый въ ногу, съ большимъ трудомъ былъ высвобожденъ изъ рукъ разъяренныхъ астековъ; онъ потерялъ 7 лошадей, но всего ужаснѣе было то, что 62 испанца живьемъ попали въ плѣнъ.

Наступилъ вечеръ; солнце еще освѣщало горы, башни и храмы Теночтитлана, а испанцы услышали жалобные крики, проносившіеся надъ долиной. Старые воины уже слышали однажды эти страшные звуки въ достопамятную ночь перваго своего пораженія, когда въ храмѣ бога войны билъ барабанъ, сдѣланный изъ змѣиной кожи. Они обратили свои взоры на башню храма и увидѣли длинную про-

цессію; когда она достигла плоской вершины „священнаго холма“, испанцы могли различить рядъ обнаженныхъ до пояса людей и по бѣлому цвѣту кожи узнали своихъ соотечественниковъ: они были назначены для жертвоприношенія; головы ихъ были изукрашены перьями и ихъ подгоняли ударами. Затѣмъ... описывать-ли мученія на жертвенникахъ и слѣдовавшій за этимъ отвратительный пиръ людоѣдовъ, которымъ заключилось языческое богослуженіе?!

Историки часто ставили вопросъ, имѣлъ-ли право Кортесъ разрушить государство астековъ. Тѣмъ, которые въ это время смотрѣли на холмъ теокалли, были очевидцами страшной расправы, отвѣтъ на этотъ вопросъ былъ не труденъ.

Опьяненные успѣхомъ механцы, съ помощью легкихъ челноковъ своихъ прокрались на берегъ и разнесли въ разныя стороны головы испанцевъ и ихъ лошадей, всюду провозглашая возстаніе противъ чужестранцевъ. Боги астековъ устами своихъ жрецовъ высказывали свое удовольствіе по поводу принесенныхъ жертвъ, а также утѣшительное пророчество, что они въ теченіе 8 дней предадутъ враговъ въ руки астековъ. Со стѣнъ города это предсказаніе было сообщено осаждающимъ и оно подѣйствовало угнетающимъ образомъ на индѣйскихъ союзниковъ, такъ что побѣги стали чрезвычайно многочисленны.

Но испанцы, вмѣстѣ съ оставшимися имъ вѣрными союзниками, выдерживали нападенія. Имъ помогали жены, оставившія Кастилію, чтобы раздѣлить съ своими мужьями всѣ опасности похода; по ночамъ они надѣвали на себя вооруженіе и становились на часы, пока мужья ихъ спали.

Восемь страшныхъ дней прошли въ непрерывныхъ бояхъ, а испанцы стояли на своихъ мѣстахъ столь-же грозно, слѣдовательно старые боги обманули. Въ самомъ городѣ былъ голодъ и свирѣпствовали болѣзни.

Съ каждымъ днемъ осаждающіе подвигались далѣе; ежедневно сотни домовъ разрушались до основанія. Астеки видимо слабѣли; но тщетно Кортесъ требовалъ сдачи,

обѣщая всѣмъ сохранить жизнь; Гуатемозинъ отвергалъ всякія предложенія, хотя народъ его совершенно изнемогалъ. Кортесъ говорилъ, что въ городѣ лежало болѣе 50,000 труповъ. Разрушеніе Теночтитлана едва-ли не было ужаснѣе разрушенія Трои и Іерусалима.

Наконецъ запылалъ большой храмъ; базарная площадь была взята и стало замѣтно, что астеки, истощенные голодомъ, не въ силахъ болѣе оказывать серьезнаго сопротивленія.

13-го августа 1521 г. Кортесъ готовился нанести послѣдней ударъ еще не занятой части города. Передъ тѣмъ онъ узналъ изъ переговоровъ съ нѣкоторыми изъ мехиканскихъ военачальниковъ, что Гуатемозинъ не хочетъ сдаваться. Тогда онъ сказалъ старшему изъ нихъ: „Иди-же и приготовь своихъ земляковъ къ смерти; ихъ часъ насталъ!“

Еще разъ загремѣли пушки, съ дикимъ крикомъ бросились тласкаланцы — уже не въ бой, а на рѣзню, какъ вдругъ прекратилось сопротивленіе со стороны мехиканцевъ и они опустили оружіе, — пронеслась вѣсть, что Гуатемозинъ взятъ въ плѣнъ на озерѣ при попыткѣ побѣга!

Юнаго героя привели къ Кортесу. Онъ схватилъ рукоятку кинжала, висѣвшаго на боку Кортеса и крикнулъ громко: „приколи меня имъ и освободи отъ жизни!“ Кортесъ успокоилъ его и велѣлъ отвести въ главную квартиру.

Въ городѣ господствовалъ такой ужасный смрадъ отъ несчетныхъ труповъ, что побѣдители были вынуждены уйти изъ него. Наступила темная, бурная ночь, полилъ сильный дождь и разразилась такая ужасная гроза, какія бываютъ только между тропиками. Казалось, свирѣпые боги астековъ выли и убивались надъ паденіемъ столицы.

На слѣдующій день осажденные оставили городъ. Это было длинное и печальное шествіе: 40,000 голодныхъ, исхудалыхъ человѣческихъ существъ — мужчинъ, женщинъ и дѣтей — едва двигались по плотинамъ; по временамъ они останавливались и бросали грустные взгляды

на то мѣсто, гдѣ стоялъ гордый Теночтитланъ, а теперь осталась только груда развалинъ!

Какой историческій путь прошелъ этотъ народъ въ какіе-нибудь 300 лѣтъ! На берегахъ озера появились ихъ предки бродячею толпою; свайную деревню они съумѣли преобразить въ роскошный городъ, все болѣе разроставшійся, какъ и ихъ государство. А теперь? явилась горсть смѣльчаковъ, и въ одинъ годъ ихъ могущество распалось въ прахъ! Или это былъ дѣйствительно добрый богъ воздуха Квецалкоатлъ съ бѣлымъ цвѣтомъ кожи и кроткими нравами, который по старинному пророчеству возвратился, чтобы низвергнуть кровавые алтари астекскихъ боговъ и возстановить свое человѣколюбивое царство!

Пріобрѣтенная въ Теночтитланѣ добыча была незначительна въ сравненіи съ жертвами, принесенными испанцами. Часть своихъ сокровищъ астеки, безъ сомнѣнія, употребили на вооруженіе и на пріобрѣтеніе союзниковъ; но большую часть они утопили въ озерѣ или зарыли въ землю; они знали „болѣзнь сердца“ испанцевъ и не желали доставить имъ средство для исцѣленія.

Неудовольствіе распространилось поэтому въ лагерѣ, и Кортесъ имѣлъ слабость подвергнуть пыткѣ Гуатемозина; но послѣдній выказалъ столько-же твердости въ пыткѣ, какъ и въ битвахъ.

Мы уже имѣли случай указать на то, что Кортесъ отнюдь не былъ изъ числа тѣхъ дикихъ завователей, которые приходили изъ Испаніи только за добычей и главной своей цѣлью ставили пріобрѣтеніе золота и серебра. Даже въ способѣ веденія войны онъ выказывалъ болѣе кроткій нравъ и старался щадить своихъ враговъ, насколько это было возможно. Изъ всѣхъ завоевателей онъ велъ войну съ самымъ жестокимъ индѣйскимъ племенемъ и все-таки не выходилъ изъ предѣловъ военныхъ обычаевъ европейцевъ, практиковавшихся въ его время. Ужасы, которыми сопровождалось покореніе и разрушеніе Теночтитлана, онъ всячески старался умѣрить и только отчаянное

сопротивленіе астековъ принудило его отдать городъ въ жертву дикимъ ордамъ тласкаланцевъ.

Теперь, когда онъ неограниченно властвовалъ въ странѣ, знаменитый полководецъ явился и выдающимся государственнымъ человѣкомъ. Онъ старался ввести порядокъ и распространить лучшіе нравы въ странѣ и на этомъ поприщѣ сдѣлалъ много хорошаго.

Въ 4 года столица вновь выросла изъ пепла и имѣла еще болѣе блестящій видъ, чѣмъ во время астековъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ мрачный храмъ бога войны, Кортесъ выстроилъ большую церковь во имя св. Франсиска, да и прочія молельни мехиканцевъ были перестроены въ христіанскіе храмы. Окрещенные индѣйцы могли быть плохими христіанами, перенявшими только внѣшніе церковные обряды, но уже одно то сдѣлало ихъ лучшими людьми, что они съ этихъ поръ отрѣшились отъ человѣческихъ жертвоприношеній и людоѣдства.

Конечно приходилось вначалѣ сдерживать мехиканцевъ строгостью, и среди церквей возвышалась въ городѣ большая крѣпость, вооруженная не только привезенными изъ Испаніи пушками, но и отлитыми здѣсь въ нарочно для того устроенной Кортесомъ литейной. Имъ былъ устроенъ также первый въ Новомъ Свѣтѣ пороховой заводъ.

Но болѣе всего Кортесъ старался о поднятіи земледѣлія: по его почину были введены пшеница и сахарный тростникъ. Онъ былъ не только разрушителемъ, но и созидателемъ государства.

Колонизаторская дѣятельность Кортеса была прервана стремленіемъ расширить границы страны. Онъ предпринялъ очень трудный походъ въ Гондурасъ, во время котораго покончилъ свое существованіе послѣдній властитель астековъ — Гуатемозинъ. Этотъ обременительный плѣнникъ, долженствовавшій находиться всегда по близости Кортеса и имѣвшій все-еще громадное вліяніе на индѣйцевъ, былъ обвиненъ въ заговорѣ противъ испанцевъ. Его судили военнымъ судомъ, приговорили къ смертной казни и повѣсили на деревѣ.

Завоеванія Кортеса простирались уже отъ Атлантическаго океана до Великаго. Высота его положенія пріобрѣла ему много враговъ и завистниковъ; его обвинили передъ королемъ, будто онъ дѣйствуетъ не въ интересахъ правительства, будто онъ скрылъ богатства Монтесумы и даже стремится сдѣлаться властелиномъ, независимымъ отъ Кастиліи. Въ Мехику послали комиссаровъ, которымъ поручили произвести слѣдствіе. По обыкновенію ничтожныхъ личностей, эти комиссары подвергали стоявшаго неизмѣримо выше ихъ по своимъ дарованіямъ Кортеса всевозможнымъ оскорбленіямъ. Увидавъ недостойный образъ дѣйствій комиссаровъ, Кортесъ оставилъ поприще своей достославной дѣятельности и отправился въ 1528 г. въ Испанію, чтобы лично оправдаться передъ Карломъ.

Онъ присталъ къ берегу въ Палосѣ, той самой гавани, изъ которой нѣкогда отплылъ Колумбъ, и здѣсь встрѣтился съ другимъ уроженцемъ Эстремадуры — Франсискомъ Пизарро, который въ это время собирался въ свой знаменитый походъ въ Перу. Кортесъ снабдилъ его деньгами и онъ-же, вѣроятно внушилъ ему мысль — взять въ плѣнъ перуанскаго государя или инку, среди его подданныхъ.

При дворѣ Кортесъ достигъ полнаго оправданія. Его честность одержала побѣду надъ всѣми извѣтами и король осыпалъ его знаками своего благоволенія. Только въ одной милости, которой онъ болѣе всего добивался, онъ получилъ отказъ: ему не дали управлять государствомъ, которое онъ покорилъ.

Отважнымъ, предпріимчивымъ людямъ, подобнымъ Кортесу, испанское правительство было радо, ибо они дѣлали открытія и завоеванія; но при дворѣ они казались выскочками и искателями приключеній, которымъ не особенно довѣряли. Поэтому было принято за правило устранять ихъ подъ благовидными предлогами и поручать управленіе вновь открытыми странами членамъ старинныхъ аристократическихъ фамилій.

Такъ было и въ данномъ случаѣ: Антоніо де Мендоза назначили вице-королемъ „Новой Испаніи“, а Кортесъ долженъ былъ довольствоваться званіемъ военнаго начальника и „адмирала Южнаго океана“. Ему было предоставлено въ этомъ Южномъ, т.-е. Великомъ, океанѣ, усѣянномъ, по тогдашнимъ представленіямъ, островами, изобилующими золотомъ, дѣлать новыя открытія и завоевывать эти острова; вмѣстѣ съ тѣмъ ему было обѣщано, что тамъ управленіе будетъ предоставлено въ его руки.

Что значили для него и громкій титулъ маркиза дель-Валье, огромныя имѣнія въ долинѣ Оахаки, со многими городами и 30.000 населенія, которыя ему подарилъ король, что значилъ ласковый пріемъ, какой дѣлали ему знатнѣйшія семейства страны, такъ-что онъ, теперь вдовый, могъ жениться на аристократкѣ! Крылья его были подрѣзаны.

Сначала онъ пытался примириться со своимъ положеніемъ и молчалъ даже тогда, когда ему, главному начальнику войскъ, вице-король приказалъ держаться вдали отъ столицы по крайней мѣрѣ на разстояніи 10 миль. Онъ удалился въ свои имѣнія и посвятилъ себя мирной дѣятельности частнаго человѣка: разводилъ у себя испанскихъ мериносовъ, сахарный тростникъ, тутовыя деревья и шелковичныхъ червей; нашелъ богатыя мѣдныя и оловянныя руды и началъ разработывать серебряные рудники Закатекаса.

Но что значила эта дѣятельность въ сравненіи съ его прежнею блестящею карьерою! Вокругъ Мехики испанцы начали искать чудесную страну эль-Дорадо, и Кортесъ обратился на сѣверъ, въ надеждѣ найти здѣсь страну золота. Онъ снарядилъ экспедицію на собственныя средства и въ 1532 и 1534 годахъ открылъ знаменитую впослѣдствіи Калифорнію. Но здѣсь онъ нашелъ только голыя скалы, о которыя разбилась большая часть его кораблей.

Мендоза самымъ рѣшительнымъ образомъ препятствовалъ исполненію дальнѣйшихъ плановъ Кортеса; послѣдній

отправился въ 1540 г. въ Испанію, чтобы искать тамъ справедливости. Но онъ явился уже старымъ и сломаннымъ человѣкомъ, который не могъ доставить никакихъ новыхъ выгодъ правительству. Его приняли холодно. Чего онъ хотѣлъ еще? Развѣ онъ не былъ награжденъ по-царски за свои заслуги?

Тщетно просилъ онъ, чтобы дали ходъ его процессу по имѣніямъ, которыя онъ долженъ былъ еще получить, тщетно писалъ трогательныя письма къ королю: семь лѣтъ прошло и процессъ затянулся.

Кортесъ хотѣлъ покинуть неблагодарную родину, но смерть настигла его въ одной деревнѣ, неподалеку отъ Севильи, 2-го декабря 1547 г. Лишь въ 1562 г. смертные останки его были перевезены въ Мехико, какъ онъ это завѣщалъ.

Наука также оказалась неблагодарною по отношенію къ его открытіямъ: на картахъ Новой Испаніи нигдѣ не встрѣчается его имя, — ни одно мѣстечко не получило наименованія въ его честь! Только бурное море, на скалистыхъ берегахъ котораго закатилась его звѣзда, испанцы временно называли „El golfo de Cortez“.

У своихъ враговъ-астековъ онъ назывался Малинчей и теперь еще это имя носитъ тотъ хребетъ, чрезъ который онъ шелъ въ долину Мехики. Но мы знаемъ, что онъ раздѣлялъ это имя съ геройской индіанкой Мариной и потому остается нерѣшеннымъ вопросъ — названа-ли была цѣпь горъ Сіеррой-де-Малинче въ память полководца и завоевателя, разрушавшаго кровожадныхъ идоловъ и распространившаго власть Испаніи отъ одного океана до другого, или въ честь его вѣрной спутницы.

ГЛАВА XIV.

Открытіе Перу.

Громадный хребетъ Андовъ, простирающійся чрезъ всю Южную Америку съ юга на сѣверъ, раздѣляется вблизи тропика Козерога на двѣ цѣпи, параллельныя берегу Тихаго океана. Западная часть называется „Cordillera de la Costa“, восточная — „Cordillera de los Andes“.

Величественную и своеобразную картину представляетъ эта страна. На небольшомъ, сравнительно, пространствѣ здѣсь сосредоточены самые разнообразные виды. Высокія, снѣжныя горы господствуютъ надъ страною; у подножія ихъ разстилаются пустыни, напоминающія самыя безжизненныя области Сахары, а между ними, подобно оазамъ, лежатъ плодородныя, зеленѣющія долины, покрытыя растеніями умѣреннаго пояса; далѣе, по склонамъ горъ, непроницаемая чаща дѣвственныхъ лѣсовъ со всею роскошью тропической растительности; наконецъ зеленое море степей на востокѣ, тогда какъ на западѣ волны Тихаго океана съ шумомъ разбиваются о голыя скалы выступающихъ мысовъ.

Узкая полоса земли, расположенная между океаномъ и Кордильерой де-ла-Коста, представляетъ мрачную, негостепріимную страну. Горы, круто спускающіяся къ морю, обнажены и имѣютъ непригляднып, даже отталкивающій видъ. Еще пустыннѣе самый берегъ, песчаный или скалистый — царство смерти и безмолвія, прерываемаго только рѣзкимъ крикомъ водяныхъ птицъ и воемъ морскихъ львовъ. Дорога идетъ здѣсь по твердому песку, выровненному вѣтромъ, и лишь кое-гдѣ навѣяны рыхлые холмы или дюны, представляющіе обыкновенно форму серпа; изрѣдка попадается на глаза остовъ лошади или мула. Подобно тому, какъ въ пустынѣ взоръ жадно ищетъ пальмовую рощицу среди оаза, такъ здѣсь утомленный путникъ радостно встрѣчаетъ поросшія зеленью рѣчныя

долины, изрѣдка прерывающія мрачное однообразіе пустыни. Страна выжжена несмотря на близость моря; небо почти всегда безоблачно и только зимою влажные осадки тумановъ освѣжаютъ по временамъ землю. Растительность, а вмѣстѣ съ нею и жизнь человѣка сосредоточились на берегахъ рѣчекъ, которыя образуются въ снѣговой области горъ и послѣ короткаго и быстраго теченія изливаются въ море.

Совершенную противоположность представляетъ восточный склонъ Андовъ. Тысячи ручьевъ и рѣчекъ вырываются изъ горъ и соединяются въ могущественные притоки величайшей и многоводнѣйшей рѣки земнаго шара — Амазонки. Долины здѣсь не только знойны, но и влажны и первобытный лѣсъ въ нихъ настолько преобладаетъ, что онѣ до нашихъ дней служатъ мѣстопребываніемъ только дикихъ, бродячихъ племенъ.

Между этими двумя совершенно отличными другъ отъ друга странами, т.-е. между двумя цѣпями Кордильеръ, лежитъ третья своеобразная область — громадное плоскогоріе, подымающееся до 3-хъ верстъ (3000 метровъ) надъ уровнемъ моря. Рѣки, здѣсь протекающія, не находятъ выхода къ океану и изливаются во внутреннее, прѣсноводное море — озеро Титикака. По этому плоскогорію проходятъ поперечныя цѣпи, составляющія вѣтви Андовъ; между ними расположены такъ-назыв. пунасы, т.-е. настолько высокія равнины, что мятели, градъ и морозы составляютъ обыкновенное явленіе. Въ глубокихъ и узкихъ долинахъ произрастаютъ всевозможныя растенія умѣреннаго пояса; здѣсь расположены многолюдные города на высотѣ, которая все еще значительно превосходитъ высоту Уральскихъ или Крымскихъ горъ.

Въ этой области, замкнутой высокими хребтами, мы и теперь находимъ величественныя развалины — остатки построекъ, возведенныхъ изъ колоссальныхъ камней. То были дворцы, храмы, украшенные изваяніями, крѣпости, снабженныя бастіонами и водопроводы, напоминающіе римскія сооруженія этого рода.

Какъ своеобразна эта страна по природѣ и не можетъ быть сравниваема ни съ какой другой въ мірѣ, такъ и населеніе ея выработало особую культуру, стоящую одиноко въ исторіи человѣчества. Въ теченіе вѣковъ, а можетъ быть тысячелѣтій, народъ неизвѣстнаго происхожденія велъ упорную борьбу съ мрачной пустыней и обратилъ ее въ цвѣтущій садъ. А затѣмъ государство этого народа въ нѣсколько лѣтъ было разрушено горстью искателей приключеній и культура, достигнутая съ такимъ трудомъ, уничтожена однимъ ударомъ, сметена съ лица земли. Гибель государства инковъ есть кровавая страница въ исторіи человѣчества и представляетъ, по выраженію одного писателя, „трагедію въ земномъ раю“.

Десять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Бальбоа перешелъ Панамскій перешеекъ и открылъ Великій океанъ. Многочисленные искатели наживы послѣдовали по его стопамъ, привлеченные слухами о богатствѣ страны, „гдѣ ѣдятъ и пьютъ изъ золотыхъ сосудовъ и золото такъ дешево, какъ желѣзо“; но надежды и ожиданія, которыми сопровождались новыя открытія, все еще не оправдывались. Бальбоа палъ жертвою зависти даріэнскаго губернатора Педраріаса и былъ казненъ. Но послѣдній не остался равнодушнымъ къ тѣмъ выгодамъ, которыя можно было извлечь изъ новаго открытія. Онъ перенесъ свою столицу съ береговъ Атлантическаго океана къ берегамъ Тихаго и въ августѣ 1519 г. основалъ Старую Панаму, лежавшую нѣсколько восточнѣе нынѣшняго города этого имени. Отсюда удобнѣе было снаряжать экспедиціи какъ къ сѣверу, такъ и къ югу, вдоль неизвѣстныхъ еще тогда береговъ Америки.

Въ 1522 году Паскуаль де-Андогойа возвратился въ Панаму изъ путешествія по Тихому океану и привезъ извѣстіе объ изумительномъ богатствѣ странъ, лежащихъ южнѣе. Одновременно съ этимъ въ Панаму дошла вѣсть о покореніи Мехики Кортесомъ, и предпріимчивость

испанцевъ получила новый толчокъ. Андогойа самъ собирался во второе путешествіе въ эти страны, но умеръ неожиданно и его мѣсто заступили другіе предприниматели.

Франсиско Пизаро, Діэго де-Альмагро и Гернандо де-Люкъ соединились, чтобы отыскать и завоевать чудесную страну, о которой Андогойа собралъ такія заманчивыя свѣдѣнія.

Пизарро былъ избранъ начальникомъ новой экспедиціи. Онъ родился въ испанской провинціи Эстремадурѣ около 1470 г. Преданіе говоритъ, будто его мать — простая

Франсиско Пизарро.

женщина — выбросила его за дверь, гдѣ онъ былъ выкормленъ свиньей. Несомнѣнно то, что онъ въ молодости былъ свинопасомъ и не получилъ никакого образованія. Совсѣмъ безграмотный, онъ даже позднѣе, когда сталъ вице-королемъ Перу, ставилъ рядомъ съ подписью, которую дѣлалъ за него писарь, нѣсколько безобразныхъ каракуль. Исторія ничего не говоритъ о болѣе зрѣломъ возрастѣ его; неизвѣстно даже когда онъ переселился въ Новый Свѣтъ. Въ повѣствованіяхъ современниковъ мы находимъ его впервые въ 1510 г. на островѣ Ис-

паньолѣ, откуда онъ присоединился къ экспедиціи на материкъ. Затѣмъ онъ появляется въ числѣ спутниковъ Бальбоа во время перехода чрезъ Панамскій перешеекъ, а по смерти его поступаетъ на службу къ Педраріасу, который поручаетъ ему начальство во многихъ военныхъ экспедиціяхъ. Но всѣ эти предпріятія доставили Пизарро много славы, а не богатствъ и достигнувъ 50-лѣтняго возраста, онъ владѣлъ только полосой нездоровой земли близъ Панамы и небольшимъ числомъ невольниковъ.

Такимъ-же мракомъ покрыто прошлое товарища Пизарро — Діэго де-Альмагро. Въ испанскихъ колоніяхъ онъ пріобрѣлъ извѣстность какъ храбрый рубака; по образованію онъ не отличался отъ Пизарро и также не умѣлъ ни читать, ни писать.

Третій товарищъ — де-Люкъ былъ изъ духовныхъ, которые въ тѣ времена также часто искали счастія за моремъ. Въ Панамѣ онъ занималъ мѣсто учителя и пользовался у поселенцевъ добрымъ именемъ, такъ что они отдавали ему на храненіе свои сбереженія. Де-Люкъ добылъ своимъ союзникамъ необходимыя средства для предпріятія.

Снарядили два небольшихъ корабля, но такъ какъ трудно было собрать необходимое число людей, то Пизарро выѣхалъ одинъ въ срединѣ ноября 1524 года изъ Панамы на бо̀льшемъ изъ кораблей, а Альмагро продолжалъ набирать охотниковъ и долженъ былъ двинуться позднѣе.

Время года было крайне неблагопріятно для моряковъ; плохому кораблю приходилось бороться съ противными вѣтрами и бурнымъ моремъ. Пизарро нашелся вынужденнымъ пристать къ Жемчужному острову; только по прекращеніи бурь онъ поплылъ далѣе на югъ. Но нигдѣ берега не представлялись сколько-нибудь привлекательными: всюду виднѣлись лишь безконечныя чащи камышей безъ малѣйшаго признака человѣческой культуры. Достигнувъ устья рѣки Белу, Пизарро присталъ къ берегу, чтобы запастись водой и дровами. Онъ надѣялся найти здѣсь хоть селенія индѣйцевъ, но жестоко ошибся: кругомъ видны были лишь болотистые лѣса, наполненные

тучами комаровъ и вредными испареніями. Двинулись далѣе на югъ. Снова поднялись бури, и только послѣ труднаго плаванія встрѣтилась наконецъ широкая бухта, гдѣ корабли могли укрыться — и тутъ не было людей, а берега покрывала только непроницаемая чаща первобытнаго лѣса. Тѣмъ не менѣе здѣсь пришлось остаться, такъ какъ съѣстные припасы были на исходѣ. Изъ числа 114 человѣкъ экипажа 34 человѣка уже погибли отъ болѣзней и лишеній; остальнымъ 80 грозила голодная смерть. Они стали роптать, обвиняли своего предводителя во всѣхъ бѣдствіяхъ и требовали возвращенія въ Панаму. Пизарро былъ вынужденъ сдѣлать уступку и отправить корабль къ Жемчужнымъ островамъ за свѣжими припасами. Порученіе это возложено было на офицера Монтенегро, который взялъ съ собою почти половину всего экипажа. Пизарро разсчитывалъ, что корабль вернется по прошествіи 10—12 дней, но жестоко ошибся; прошелъ мѣсяцъ, а на морѣ не показывалось мучительно ожидаемаго корабля. Оставшимся негостепріимный берегъ давалъ мало средствъ пропитанія. Морскія животныя, ящерицы, кислые или горькіе плоды, молодые пальмовые листья, травы и нѣсколько банановъ — вотъ въ чемъ состояла скудная пища несчастныхъ. Смерть унесла 20 новыхъ жертвъ; наконецъ по прошествіи 47 мучительныхъ дней явился Монтенегро и привезъ кукурузы и свиней.

Собравшись съ новыми силами, испанцы оставили „Голодную гавань“, какъ они назвали бухту, и продолжали путешествіе на югъ. Черезъ нѣсколько дней они увидѣли на вершинѣ холма индѣйскую деревню, укрѣпленнную частоколомъ и высадили отрядъ для взятія ея. Но дѣло не дошло до сраженія, такъ какъ обитатели покинули селеніе. Испанцы нашли въ оставленныхъ хижинахъ не только обильные припасы, но, къ величайшему своему восторгу, и много золотыхъ вещей. Не подлежало сомнѣнію, что найдена была страна, въ которой золота было такъ много, что изъ него дѣлали домашнюю утварь и другія вещи повседневнаго употребленія. Эта

радость была однако омрачена страшнымъ открытіемъ: въ одномъ горшкѣ, у огня, испанскій солдатъ нашелъ человѣческія ноги и руки — деревню населяли людоѣды.

Съѣстные припасы и золото были доставлены на корабль и рѣшено отдохнуть нѣсколько дней подъ тѣнью деревьевъ окружавшихъ селеніе.

Ночь прошла спокойно и на слѣдующій день Монтенегро отправился съ небольшимъ отрядомъ внутрь страны на развѣдки. Давно уже онъ скрылся изъ вида, когда изъ лѣсной чащи появилось хорошо вооруженное войско индѣйцевъ и напало на оставшихся. Несмотря на мужественную защиту, испанцы были разбиты: они потеряли 5 человѣкъ убитыми и 17 ранеными; между послѣдними былъ и Пизарро, получившій семь тяжкихъ ранъ. Побѣдоносные индѣйцы считали его убитымъ и приберегли тѣло для своей отвратительной трапезы. Но въ это время возвратился Монтенегро, ударилъ яростно въ тылъ непріятеля и обратилъ его въ бѣгство. Такимъ образомъ Пизарро былъ спасенъ; его перенесли на корабль, гдѣ онъ понемногу поправился отъ своихъ ранъ.

Малочисленность испанцевъ не позволила имъ проникнуть далѣе въ глубь страны, поэтому пришлось вернуться въ Панаму. Пизарро не рѣшился однако явиться въ городъ, а послалъ только губернатору пріобрѣтенное золото.

Незадолго передъ тѣмъ Діэго де-Альмагро двинулся съ 60-ю человѣками на меньшемъ кораблѣ вслѣдъ за Пизарро. Его путешествіе было удачнѣе. Въ „Голодной гавани“ онъ нашелъ слѣды пребыванія испанцевъ, въ томъ числѣ условленныя зарубки на деревьяхъ. Онъ продолжалъ путь и достигъ деревни, гдѣ Пизарро потерпѣлъ пораженіе. Обитатели дали испанцамъ высадиться, но затѣмъ тотчасъ-же на нихъ напали. Но Альмагро былъ счастливѣе въ битвѣ: его солдаты, не обращая вниманія на стрѣлы, бросились на индѣйцевъ и изрубили многихъ; остальные разбѣжались. Селеніе было взято и сожжено, а потому получило названіе „Pueblo Quemado“, т.-е. спаленная деревня. Альмагро въ этомъ сраженіи былъ ра-

ненъ подъ бровь; вскорѣ наступило воспаленіе и онъ лишился глаза; тѣмъ не менѣе поиски за Пизарро продолжались.

Альмагро проникъ южнѣе и подъ 4° с. ш. достигъ устьевъ большой рѣки, которую назвалъ „Rio de San Juan“, такъ какъ открылъ ее въ день св. Іоанна. Дорогой онъ нашелъ и ограбилъ нѣсколько селеній; при этомъ онъ былъ пораженъ зажиточностью туземцевъ, прекраснымъ состояніемъ полей и чистотою ихъ жилищъ. Не найдя далѣе слѣдовъ Пизарро, онъ вернулся въ Панаму, гдѣ къ величайшему удивленію встрѣтилъ своего друга.

Альмагро привезъ больше золота и потерялъ меньше людей; поэтому онъ смѣло отправился къ губернатору съ донесеніемъ, въ надеждѣ добиться разрѣшенія новой экспедиціи.

Но въ глазахъ Педраріаса достигнутый успѣхъ былъ слишкомъ незначителенъ, ибо привезенное золото далеко не покрывало издержекъ на экспедицію, а изъ 174 участниковъ ея, вернулось только 50 человѣкъ. Педраріасъ принялъ поэтому Альмагро очень холодно и даже пригрозилъ подвергнуть его и Пизарро отвѣтственности за погибель столькихъ людей. Онъ запретилъ всякія новыя вербовки и только убѣдительной рѣчи духовнаго лица — де-Люка удалось добиться отмѣны этого рѣшенія. Онъ позволилъ, наконецъ, набирать новыхъ солдатъ, но потребовалъ, чтобы изъ прибыли въ его пользу было отчислено около 6000 рублей на наши деньги и поставилъ условіемъ раздѣленіе начальства между Пизарро и Альмагро. Этой мѣрой онъ положилъ начало раздорамъ между обоими товарищами, имѣвшимъ самыя пагубныя послѣдствія.

Пизарро явился въ Панаму и заключилъ здѣсь съ Альмагро и Люкомъ знаменитый договоръ, долженствовавшій привести къ завоеванію Перу. Люкъ далъ предпринимателямъ взаймы около 120,000 рублей; добыча должна была дѣлиться на три равныя части, такъ что каждый получалъ треть пріобрѣтенныхъ земель, треть людей,

золота, серебра и драгоцѣнныхъ камней. Всѣ трое дали клятву предъ Евангеліемъ свято соблюдать условія и приняли св. причастіе. Кромѣ того, былъ составленъ актъ нотаріальнымъ порядкомъ и подписанъ Люкомъ, а за неграмотностью Пизарро и Альмагро — двумя другими испанцами. Это совершилось 10 марта 1526 г. и вскорѣ послѣ того походъ въ золотую страну Перу объявленъ публично и началась вербовка людей.

На этотъ разъ предприниматели двинулись изъ Панамы на двухъ большихъ корабляхъ, имѣя 170 человѣкъ воиновъ, нѣсколько индѣйскихъ прислужниковъ, одного негра-невольника и нѣсколько лошадей.

Пизарро остановился на знакомомъ берегу при устьѣ С. Жуана, взялъ одно индѣйское селеніе и услыхавъ отъ плѣнныхъ, что южнѣе находятся весьма плодородныя области, остался здѣсь на нѣкоторое время и послалъ Альмагро обратно въ Панаму, чтобы запастись бо́льшимъ количествомъ пороха и навербовать новыхъ добровольцевъ.

Другой корабль былъ порученъ штурману Руису и отправленъ на югъ, чтобы убѣдиться въ справедливости показаній плѣнныхъ.

Пизарро опять остался одинъ и снова долженъ былъ переносить всевозможныя лишенія. Индѣйцы, жившіе на обоихъ берегахъ рѣки С. Жуана, удалились въ густые лѣса и унесли съ собою или сожгли всѣ съѣстные припасы. Грозная перспектива голода заставила Пизарро слѣдовать за ними; но непроницаемый лѣсъ страшно затруднялъ походъ. Деревья невиданныхъ размѣровъ и высоты, переплетенныя почти сплошною сѣтью вьющихся растеній, на каждомъ шагу ставили испанцамъ преграды, а лѣсу, казалось, не будетъ конца. Богатство природы, роскошная растительность и невиданныя животныя возбуждали удивленіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и страхъ. Расписанные яркими красками попугаи и другія птицы приковывали взоры; за то громадные удавы и отвратительные аллигаторы, населявшіе каждую рѣчку, приводили въ содроганіе тѣмъ болѣе, что не одинъ испанецъ сдѣлался

Южноамериканскій лѣсъ

жертвою этихъ гигантскихъ ящерицъ. Но опаснѣе всякихъ звѣрей были индѣйцы; знакомые съ каждой тропинкой въ лѣсу и сами невидимые испанцамъ, они не теряли ихъ ни на минуту изъ вида и пользовались каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы пускать въ нихъ отравленныя стрѣлы или безжалостно умерщвлять отсталыхъ. Двадцать человѣкъ погибло за-разъ при одномъ нападеніи, когда лодка сѣла на мель среди рѣки. Ко всему этому присоединился голодъ; онъ снова сталъ ихъ ежедневнымъ спутникомъ. Коренья, травы, родъ картофеля, горькіе или кислые плоды едва поддерживали ихъ существованіе.

Наконецъ испанцы отчаялись въ возможности достигнуть населенныхъ мѣстъ, вышли изъ лѣсовъ и направились въ прибрежную равнину въ надеждѣ найти здѣсь обработанныя земли и съѣстные припасы. Но ихъ снова ждало разочарованіе: вмѣсто улыбающихся нивъ, они нашли пустыни, въ которыхъ тропическое солнце выжгло каждую травку, а раскаленные пески, разносимые вѣтромъ, грозили засыпать людей и лошадей. Отвѣсно падали жгучіе лучи солнца на стальные шлемы и панцыри воиновъ, которымъ казалось, что они сгорятъ или задохнутся. Когда послѣ мучительно знойнаго дня наступала ночная прохлада, изъ ближнихъ болотъ подымались тучи комаровъ и не давали покоя измученнымъ путникамъ. Чтобы сколько-нибудь защититься отъ докучливыхъ насѣкомыхъ, приходилось до головы зарываться въ раскаленный песокъ.

Такимъ образомъ испанцы, послѣ безплоднаго скитанія, вернулись на старое мѣсто и ожидали здѣсь, голодные и измученные, возращенія Руиса и Альмагро.

Руисъ вернулся первый послѣ двухмѣсячнаго отсутствія; но онъ привезъ такія добрыя вѣсти, что всѣ забыли о только-что испытанныхъ бѣдствіяхъ и требовали, чтобы Пизарро тотчасъ велъ ихъ на югъ.

Руисъ проникъ до 3° ю. ш. и былъ такимъ образомъ первымъ европейцемъ, переѣхавшимъ чрезъ экваторъ

въ Великомъ океанѣ. Въ бухтѣ Св. Матѳея онъ, къ изумленію своему, встрѣтилъ судно съ распущенными парусами, казавшееся издали каравелою значительной величины. Никогда еще испанцы не видали туземныхъ судовъ на водахъ Тихаго океана и потому приняли его за европейскій корабль. Когда подплыли ближе, то увидѣли, что это было большое судно или скорѣе плотъ, который былъ построенъ изъ толстыхъ бревенъ легкаго ноздреватаго дерева, плотно связанныхъ между собою и покрытыхъ легкою тростниковою настилкою въ родѣ дека. Къ обоимъ концамъ судно заострялось и имѣло невысокіе борта; въ срединѣ его находился маленькій домикъ для помѣщенія путешественниковъ. Двѣ довольно высокія жерди служили мачтами и къ нимъ прикрѣплялся широкій четыреугольный парусъ изъ хлопчатобумажной ткани; большіе камни служили якорями. Люди, находившіеся на суднѣ, носили шерстяныя или бумажныя одежды, искусно сотканныя и ярко раскрашенныя изображеніями животныхъ, птицъ, рыбъ, цвѣтовъ и деревьевъ. Какъ мужчины, такъ и женщины имѣли также богатыя украшенія изъ золота и серебра. На суднѣ было множество всевозможныхъ товаровъ. Индѣйцы нисколько не смутились при встрѣчѣ съ бѣлыми, бородатыми людьми; двое изъ нихъ взошли даже на корабль Руиса и разсказывали, что они купцы изъ города Тумбеса. Испанцы узнали отъ нихъ, что шерсть для тканей индѣйцы получаютъ съ животныхъ, которыя водятся въ странѣ огромными стадами и принадлежатъ ихъ государю или „инкѣ“. Отъ нихъ-же узнали, что въ Тумбесѣ есть храмъ солнца и дворецъ государя, въ которомъ можно видѣть много золота и серебра.

Между экипажами обоихъ судовъ завязались мирныя торговыя отношенія; испанцы получили много драгоцѣннаго металла и дорогихъ тканей за разныя, ничего не стоющія бездѣлицы. Такъ какъ индѣйцы не соглашались возвратиться съ Руисомъ въ Тумбесъ, то онъ оставилъ по крайней мѣрѣ у себя двухъ изъ нихъ, чтобы отвезти ихъ къ Пизарро и пользоваться ими какъ переводчиками.

Вскорѣ послѣ Руиса возвратился и Альмагро; онъ также привезъ добрыя вѣсти и 80 человѣкъ вновь навербованныхъ воиновъ. Педраріасъ умеръ, а новый губернаторъ Педро де-лосъ-Ріосъ относился благосклонно къ планамъ Пизарро.

Экспедиція снова двинулась на югъ и достигла значительнаго города Атакамеса. Извѣстія современниковъ говорятъ разнорѣчиво о пріемѣ Пизарро въ этомъ городѣ. Но, повидимому, онъ потерпѣлъ здѣсь неудачу, такъ какъ отступилъ на островъ Галло, покинутый туземцами. И опять Альмагро былъ посланъ обратно въ Панаму за новыми подкрѣпленіями.

Между тѣмъ люди Пизарро роптали, ибо знали по опыту, сколько приходилось переносить остающимся; они требовали возвращенія, но Альмагро не взялъ никого и скрылъ письма, отправленныя недовольными къ своимъ друзьямъ и родственникамъ въ Панаму. Объ этомъ провѣдалъ нѣкто Сарабія и употребилъ слѣдующую хитрость: онъ составилъ жалобу, подписанную большимъ числомъ недовольныхъ, спряталъ ее въ тюкъ хлопка и передалъ таковой Альмагро съ просьбой вручить его одному изъ своихъ друзей въ Панамѣ, чтобы онъ сдѣлалъ себѣ изъ него одѣяло. Хитрость удалась и жалоба попала въ руки губернатора.

Педро де-лосъ-Ріосъ запретилъ всякія дальнѣйшія вербовки и послалъ два корабля подъ начальствомъ своего офицера Тафура на островъ Галло съ порученіемъ привезти оттуда всѣхъ недовольныхъ, кто только пожелаетъ.

Тафуръ нашелъ оставшихся въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Пизарро выслушалъ непріятную вѣсть съ удивленіемъ, но не потерялъ присутствія духа. Онъ созвалъ своихъ воиновъ, провелъ мечомъ черту по песку въ направленіи съ востока на западъ, сталъ самъ на южную сторону и крикнулъ: „Кастильянцы! эта сторона означаетъ труды, голодъ, жажду, раны, болѣзни, быть-можетъ смерть, но за то и пріобрѣтеніе перуанскихъ золотыхъ сокровищъ; другая сторона — спокойствіе и удобства, но и вѣчную бѣдность въ Панамѣ. Выбирайте“.

Руисъ первый перешелъ этотъ Рубиконъ; за нимъ последовало еще 11 человѣкъ.

„Los trece de la fama“ — „Знаменитыми тринадцатью“ называетъ потомство эту горсть непоколебимыхъ людей, которые хотѣли покорить могущественное царство. Тафуръ былъ одинаково удивленъ, какъ и возмущенъ этимъ геройствомъ или скорѣе безумной отвагой; только послѣ долгаго сопротивленія онъ рѣшился оставить имъ нѣсколько кукурузы для прокормленія.

Изъ числа 13-ти, самый вѣрный — Руисъ отправился вмѣстѣ съ Тафуромъ въ надеждѣ, что ему удастся, при помощи Альмагро, набрать новыхъ людей для предпріятія.

Пизарро не считалъ себя безопаснымъ отъ нападеній индѣйцевъ на своемъ островѣ и потому оставилъ его съ своими 11-ю спутниками. Наскоро былъ сколоченъ плотъ, и смѣльчаки пустились на немъ въ море. Они пристали къ обнаженному, скалистому и необитаемому острову, который назвали сначала „Isla Georgona“ по многочисленности впадающихъ въ море рѣчекъ, а потомъ переименовали въ „Infierno“, т.-е. „Адъ“, въ память перенесенныхъ здѣсь страданій.

Только чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ томительнаго ожиданія прибыли наконецъ Руисъ и Альмагро; они привезли съѣстные припасы, но не привезли людей. Никого нельзя было навербовать, а губернаторъ, кромѣ того, послалъ Пизарро рѣшительный приказъ вернуться въ Панаму въ теченіе 6 мѣсяцевъ, каковы-бы ни были результаты его путешествія.

Но Пизарро не легко было настращать. Снова корабль поплылъ на югъ и послѣ 20-дневнаго плаванія испанцы достигли залива Тумбеса (теперь Гваякильскаго) и крайняго города царства инковъ.

Городъ Тумбесъ стоялъ на южномъ берегу залива и видъ на него привелъ въ восторгъ испанцевъ. Со времени оставленія родины они не видали ничего подобнаго: большой, сильно укрѣпленный городъ былъ окруженъ, на сколько хваталъ глазъ, прекрасно воздѣланными по-

лями, прорѣзанными вдоль и поперекъ оросительными каналами — словомъ, предъ ними открылся цвѣтущій садъ.

Обитатели встрѣтили испанцевъ привѣтливо; перуанскіе чиновники изъ города явились на корабль и съ помощію взятыхъ съ собою индѣйскихъ переводчиковъ, Пизарро легко могъ съ ними объясниться. Его требованіе съѣстныхъ припасовъ было исполнено охотно и скоро. Въ нѣсколькихъ лодкахъ навезли кукурузы, картофеля, ананасовъ, кокосовыхъ орѣховъ, банановъ и другія произведенія плодородной долины. Губернаторъ прислалъ кромѣ того нѣсколько живыхъ ламъ, которыхъ испанцы увидѣли здѣсь въ первый разъ.

Случайно въ Тумбесѣ находился одинъ изъ инковъ — родственникъ государя. Движимый любопытствомъ, онъ посѣтилъ Пизарро. Очень интересовалъ его корабль, обо всемъ онъ разспрашивалъ и былъ очень обрадованъ, когда ему подарили топоръ. Съ своей стороны онъ приглашалъ испанцевъ посѣтить Тумбесъ.

На другой день на берегъ отправился испанецъ Алонзо де-Молина въ сопровожденіи негра-невольника и повезъ инкѣ въ подарокъ куръ и свиней.

Каково было удивленіе тумбесцевъ, когда они въ первый разъ въ жизни увидѣли двухъ, столь различнаго цвѣта людей — одного бѣлаго, другаго чернаго! На Молину смотрѣли какъ на полубога — сына солнца; а негра индѣйцы пытались отмыть и несказанно изумлялись, когда это не удалось.

Молину водили всюду; ему показали не только дворецъ инки, но и храмъ солнца. Богатства, которыя онъ тутъ увидалъ, были такъ громадны, что Пизарро не совсѣмъ повѣрилъ его расказу и на слѣдующій день отправилъ другого развѣдчика въ Тумбесъ.

Въ полномъ рыцарскомъ вооруженіи Педро де-Кандія вступилъ въ городъ. Онъ надѣлъ свою блестящую броню и горѣвшій на солнцѣ шлемъ; въ рукѣ онъ несъ стальной щитъ; кромѣ меча, онъ былъ вооруженъ еще пищалью. Ярко блестѣло все вооруженіе въ лучахъ тропическаго

солнца и удивленіе обитателей не имѣло границъ, особено когда онъ выстрѣлилъ изъ ружья въ доску и отъ нея полетѣли въ разныя стороны щепки. Это былъ настоящій сынъ солнца, державшій въ рукахъ своихъ громъ и молнію! Разсказываютъ, будто индѣйцы хотѣли испытать этого полубога и выпустили на него ягуара, но тотъ не только не бросился на испанца, а униженно прильнулъ къ его ногамъ. Съ этихъ поръ не было болѣе ни малѣйшаго сомнѣнія: чужеземецъ былъ сынъ бога солнца и его надлежало вести въ храмъ его отца!

По своемъ возвращеніи на корабль Педро де-Кандія подтвердилъ разсказъ Молины. Онъ сообщилъ, что стѣны храма бога солнца снизу до-верху выложены золотыми листами, а полъ покрытъ тонкими коврами, сотканными въ монастырѣ дѣвушками, посвященными солнцу. О дворцѣ инки онъ говорилъ, что роскошь и богатство его превосходятъ всякое представленіе: вся утварь тутъ изъ золота и серебра; въ саду, окружающемъ дворецъ, множество фигуръ людей и животныхъ, сдѣланныхъ изъ тѣхъ-же драгоцѣнныхъ металловъ. Онъ хвалилъ порядокъ въ городѣ, чистоту на улицахъ, прекрасно содержимые каналы и площади, обсаженныя деревьями. Онъ побывалъ и въ крѣпости и нашелъ ее сильной, обильно снабженной припасами и водою.

Не подлежало сомнѣнію — страна золота, о которой такъ много говорили и мечтали, была найдена; но вмѣстѣ съ тѣмъ испанцы поняли, что они были слишкомъ слабы, чтобы вступить въ борьбу съ перуанцами.

Двинулись далѣе на югъ; всюду испанцевъ принимали торжественно, всюду они находили тѣ-же превосходно обработанныя рѣчныя долины, всюду тотъ-же порядокъ.

На холмахъ и вершинахъ горъ виднѣлись высокія, кверху заостренныя башни, которыя, по изслѣдованіи, оказались гробницами. Двери этихъ усыпальницъ были обращены на востокъ, къ сторонѣ восхода солнца; внутри находились хорошо сохранившіяся муміи въ сидячемъ положеніи, со скрещенными на груди руками; одѣты онѣ

были въ бумажныя матеріи и многія были обвѣшаны золотыми украшеніями и драгоцѣнными камнями.

Чрезъ рѣки переброшены были мосты, а дороги находились въ превосходномъ состояніи — во всякомъ случаѣ въ несравненно лучшемъ, чѣмъ въ Испаніи. Все здѣсь встрѣчавшееся приводило европейцевъ въ величайшее изумленіе: они нашли тутъ высокую культуру, съумѣвшую превратить страну, гдѣ не падаетъ дождя, въ цвѣтущій садъ!

Пизарро строго слѣдилъ за тѣмъ, чтобы люди его вели себя порядочно, ибо хотѣлъ оставить объ испанцахъ хорошее воспоминаніе. Тѣмъ не менѣе онъ чрезъ своихъ переводчиковъ объявлялъ намѣстникамъ незнакомаго ему государя, имѣвшаго свою столицу высоко въ горахъ, что онъ намѣренъ взять страну во власть могущественнѣйшаго короля Леона и Кастиліи и обратить язычниковъ въ христіанство. Индѣйцы его слушали, но ничего не понимали. Что могли означать для нихъ слова: „король Леона и Кастиліи и христіанство!“ Они предоставляли ему говорить и даже исполняли требовавшіеся отъ нихъ знаки покорности: такъ въ Санта-Крусѣ одна индѣйская принцесса, по требованію Пизарро, махала по воздуху испанскимъ знаменемъ, при чемъ отъ души смѣялась надъ этой игрою. И могла-ли она предвидѣть, что вскорѣ ей придется проливать горючія слезы!

40 лѣтъ въ исторіи человѣчества — небольшой періодъ, а какія перемѣны произошли въ нѣсколько десятилѣтій въ царствѣ инковъ! Когда испанскій лѣтописецъ Сіэза де-Леонъ посѣтилъ этотъ берегъ 40 лѣтъ послѣ перваго прибытія Пизарро, большой городъ Тумбесъ лежалъ въ развалинахъ, а окружавшія его цвѣтущія поля обратились въ пустыню; тамъ, гдѣ прежде счастливо жило 40,000 людей, теперь едва 400 человѣкъ влачили жалкое существованіе!

На всѣ четыре стороны разсѣянъ былъ народъ перуанскій. Мудрымъ управленіемъ инки превратили почву пустыни въ плодородную землю; испанцы обратили цвѣ-

тущія нивы въ пустыню! Что было пріобрѣтено трудомъ столѣтій, погибло въ нѣсколько лѣтъ отъ алчной руки завоевателя!

Пизарро возвратился въ Панаму въ послѣдній день назначеннаго губернаторомъ срока. Вѣсти, которыя онъ сообщилъ, произвели сильное возбужденіе въ колоніи. Привезенныя вещи — утварь, кубки, копья, золотые топоры — все это доказывало, что въ Перу золото такъ-же обыкновенно, какъ въ Испаніи мѣдь.

И все-таки успѣхъ, до сихъ поръ достигнутый, былъ не великъ: три года продолжалась экспедиція, а ея предводители, которыхъ причисляли къ самымъ зажиточнымъ людямъ въ колоніи, не только обѣднѣли, но еще задолжали. Этимъ объясняется, почему губернаторъ Ріосъ ни подъ какимъ видомъ не допускалъ новыхъ вербовокъ; онъ не хотѣлъ, чтобы колонія его обезлюдѣла.

Тогда Люкъ предложилъ Пизарро отправиться въ Испанію и лично дать обо всемъ отчетъ королю. Съ большимъ трудомъ былъ сдѣланъ новый заемъ, доставившій средства для этого путешествія. Весною 1528 года онъ отплылъ съ Педро де-Кандіей. Они везли вещественныя доказательства справедливости своихъ сообщеній: нѣсколько перуанцевъ, пару ламъ, которыхъ въ Европѣ никто еще не видалъ, тонкія ткани изъ хлопка и шерсти вигони, золотую и серебрянную утварь и боевые топоры изъ чистаго золота.

Здѣсь будетъ у мѣста вернуться къ протекшимъ вѣкамъ и ознакомиться съ бытомъ и исторіей перуанцевъ; иначе позднѣйшіе успѣхи Пизарро и трагическое паденіе государства инковъ будутъ непонятны.

ГЛАВА XV.

Культура древнихъ перуанцевъ.

Инки, воздвигавшіе величественные храмы и дворцы, основавшіе многолюдные города, строившіе прекрасныя дороги и обращавшіе пустыни въ цвѣтущія нивы — эти носители высокой культуры Южной Америки — не имѣли письменности.

Въ гробницахъ Египта мы находимъ іероглифы и свертки папируса, которые повѣствуютъ намъ судьбы давно исчезнувшаго царства; въ развалинахъ Ниневіи встрѣчаемъ мы каменныя плиты, покрытыя клинообразными надписями; эти письмена разобраны и исторія, религія и преданія ассирянъ воскресаютъ передъ нами.

Инки не оставили писанной исторіи. Пока процвѣтало ихъ государство, событія излагались въ пѣсняхъ, которыя передавались особо для того поставленными учителями. Когда рушилось государство, смолкли пѣсни, учителя разсѣялись и сказанія перепутались въ воспоминаніяхъ потомства.

Преданія древнѣйшей исторіи инковъ сохранились лишь въ разсказахъ полуобразованныхъ завоевателей и въ остаткахъ развалинъ храмовъ, дворцовъ и гробницъ. Не мудрено, что исторія страны представляетъ большіе пробѣлы и о многомъ замѣчательномъ въ разныхъ учрежденіяхъ этого удивительнаго государства существуютъ очень различныя мнѣнія.

Америка такъ-же какъ и Старый Свѣтъ имѣла свои переселенія народовъ; объ этомъ повѣствуютъ разнообразныя развалины и могилы. Перу не составляетъ въ этомъ отношеніи исключенія и несомнѣнно, что инки заняли уже населенныя или оставленныя области. Откуда они пришли, остается до сихъ поръ загадкой. Преданіе, по словамъ испанскаго историка, гласитъ объ этомъ такъ: Богъ солнца почувствовалъ состраданіе къ несчастнымъ

обитателямъ Перу, которые находились въ состоянiи совершеннаго варварства, не знали ни добродѣтелей, ни законовъ и вели жизнь подобно дикимъ звѣрямъ. Онъ вознамѣрился улучшить ихъ бытъ, чтобы они обработывали впустѣ лежащiя земли, приручили живущiя въ горахъ стада ламъ, жили обществами въ селенiяхъ и воздавали ему — своему создателю — почитанiе и поклоненiе. Чтобы распространить эти благодѣянiя между дикарями, онъ избралъ двухъ изъ своихъ дѣтей, сына и дочь и привелъ ихъ на большой островъ среди озера Титикака. „Примите этотъ золотой жезлъ“, сказалъ онъ имъ, „и идите въ какую угодно сторону; вездѣ, гдѣ будете ночевать, наклоняйте жезлъ къ землѣ и наблюдайте внимательно, не погрузится-ли онъ самъ по себѣ въ почву; гдѣ это случится, тамъ изберите себѣ мѣстопребыванiе“. Сказавъ это, онъ передалъ имъ тонкiй золотой жезлъ и прибавилъ: „когда вы обратите ко мнѣ этотъ несчастный народъ, тогда можете имъ властвовать; управляйте имъ кротко, снисходительно и справедливо; смотрите на себя какъ на добрыхъ родителей, а на своихъ подданныхъ, какъ на вашихъ дѣтей. Возьмите примѣръ съ меня, отца вашего: я оказываю благодѣянiя всему мiру, давая ему свѣтъ и теплоту, чтобы люди могли видѣть и исполнять свои работы; я грѣю ихъ, когда холодно, даю преуспѣянiе ихъ посѣвамъ и стадамъ, посылаю дождь и хорошую погоду, ежедневно странствую вокругъ свѣта, чтобы ознакомиться съ нуждами каждой страны и дать ея обитателямъ то, въ чемъ они особенно нуждаются. Вы должны слѣдовать моему примѣру, ибо вы мои дѣти, ниспосланныя на землю единственно для того, чтобы наставить этихъ несчастныхъ, которые живутъ какъ звѣри, и оказывать имъ благодѣянiя. Я ставлю васъ властителями и царями, чтобы вы направляли народъ убѣжденiемъ, а онъ подчинялся вамъ ради вашихъ добрыхъ дѣлъ и вашего хорошаго управленiя“.

Манко Капакъ — такъ звали сына солнца — и его сестра и супруга Мама Окло отправились съ острова озера

Титикака въ горы. На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ городъ Куско, золотой жезлъ изчезъ въ землѣ, и здѣсь основали они государство, собирая вокругъ себя обитателей и обучая ихъ земледѣлію и разнымъ ремесламъ.

Манко Капакъ былъ основателемъ династіи инковъ и за нимъ слѣдовало еще 13 властителей, которые распространили предѣлы государства завоеваніями такъ, что оно занимало во дни высшаго своего процвѣтанія нынѣшнія владѣнія Перу, Чили, Боливіи и Экуадора. Всюду вносили они между покоренными варварами культуру и лучшіе нравы; ихъ мудрому управленію милліоны людей были обязаны невиданнымъ благосостояніемъ.

Инка или государь былъ неограниченнымъ властелиномъ страны; онъ издавалъ законы и пользовался божескимъ почитаніемъ. Его законная супруга, обыкновенно старшая сестра, называлась Койей или государыней и ея сынъ былъ законнымъ наслѣдникомъ престола. Дѣти отъ прочихъ женъ государя составляли высшую аристократію страны и назывались тоже инками; дворянство состояло изъ потомковъ государей покоренныхъ странъ, а всѣ прочіе индѣйцы составляли простой народъ.

Служить инкѣ составляло высшую честь и его дворъ состоялъ изъ многихъ тысячъ людей. Каждая область доставляла прислужниковъ съ особымъ назначеніемъ; одна поваровъ, погребщиковъ, хранителей драгоцѣнностей и царской одежды; другая — привратниковъ, третья — садовниковъ и т. д. Одна область ставила исключительно носильщиковъ царя, такъ какъ инка внѣ дворца появлялся не иначе, какъ на тяжелыхъ носилкахъ. На 20-мъ году жизни носильщиковъ начинали учить ихъ ремеслу и только послѣ тщательнаго испытанія отправляли ко двору. Горе тому изъ нихъ, который-бы споткнулся и заставилъ покачнуться носилки со священной особой инки; такое преступленіе безъ милосердія наказывалось смертью.

Платья, разъ надѣтыя инкой, всѣ вещи, до которыхъ онъ прикасался, кромѣ золота и серебра, прятались и чрезъ полгода сжигались. Несмотря на эту расточи-

тельность, никогда не было недостатка въ дорогихъ тканяхъ, ибо при храмахъ жили тысячи дѣвъ, посвященныхъ солнцу и работавшихъ исключительно на своего государя. Въ Куско есть развалины одного изъ храмовъ, при которомъ жило будто-бы 1500 такихъ дѣвъ-монахинь. Стѣны храма имѣютъ до 110 саженъ длины и отъ 3—3 $^1/_2$ саженъ вышины.

Изумительно велико число развалинъ дворцовъ. Каждый инка, при вступленіи на престолъ, начиналъ строить дворецъ, который послѣ его смерти занималъ наслѣдникъ. Располагая милліонами рабочихъ рукъ, каждый инка хотѣлъ превзойти своего предшественника. Дворецъ умершаго инки запирался и вся домашняя обстановка оставалась нетронутой; заботились о томъ, чтобы покойникъ, если ему вздумается возвратиться на землю, нашелъ все, къ чему привыкъ, на своемъ мѣстѣ.

Усыпальницу каждый инка строилъ себѣ самъ при жизни. Она состояла изъ нѣсколькихъ комнатъ; въ самой большой помѣщали мумію на золотомъ сидѣніи и въ полномъ царскомъ облаченіи. Въ эту обширную могилу, входы которой закладывали камнями, слѣдовала за усопшимъ часть его женъ, чтобы умереть голодной смертью. Кромѣ того, во время похоронъ сотни людей лишались жизни. Въ этой могилѣ мумія оставалась только годъ, а потомъ ее переносили въ храмъ солнца въ Куско. Первые испанскіе завоеватели еще видѣли эти муміи, помѣщенныя по обѣ сторонѣ изображенія солнца; онѣ сидѣли во всемъ царскомъ облаченіи съ опущенной главою и скрещенными на груди руками; высохшія глаза покрыты были пластинками золота, чело было украшено золотой діадемой, а ноги покоились на золотыхъ плитахъ. За исключеніемъ муміи Гуяны Капака, помѣщенной противъ изображенія солнца, всѣ прочія сидѣли къ нему спиною. Муміи государынь помѣщались въ другомъ храмѣ, посвященномъ богинѣ луны; и здѣсь онѣ сидѣли спиною къ серебряному изображенію богини и только мумія Мамы Окло, первой царицы страны, находилась прямо противъ него.

Почитанiе этихъ мумiй было очень велико; ихъ мыли, надѣвали имъ новыя платья, а при большихъ торжествахъ выносили на дворъ храма для прогулки. Существовали особые прислужники мумiй, какъ мужескаго, такъ и женскаго пола; они сообщали желанiя мумiй чиновникамъ. Разсказываютъ, что эти стражи нерѣдко устраивали пиры, якобы по желанiю мумiй.

Почитанiе, которое народъ оказывалъ своимъ повелителямъ, становится понятнымъ, когда ознакомимся съ управленiемъ страны.

Одинъ изъ основныхъ законовъ государства гласилъ: „всякiй, начиная съ государя и кончая послѣднимъ подданнымъ, долженъ заниматься обработкой полей, садовъ и огородовъ“. Яснѣе не можетъ быть выраженъ характеръ земледѣльческаго государства, и на самомъ дѣлѣ все благосостоянiе страны зависѣло отъ степени урожайности почвы.

Такъ какъ большая часть областей лежала въ такой мѣстности, гдѣ почти никогда не бываетъ дождей, то урожайность зависѣла исключительно отъ искусственнаго орошенiя и тщательности обработки.

Вся воздѣланная земля раздѣлялась на 3 части: одна принадлежала богу солнца, другая — государю, а третья — общинѣ.

Начало полевыхъ работъ открывалось торжественной церемонiей. Среди столицы находилось поле, посвященное богу солнца и когда наступало время, являлся государь въ сопровожденiи членовъ своей семьи и лично открывалъ работы, высѣвая сѣмена кукурузы. Онъ работалъ золотыми орудiями, а для народа это былъ день торжества и веселья.

Послѣ сдѣланнаго государемъ почина, въ каждомъ селенiи старшина всходилъ на особую башню и звуками рога давалъ знать земледѣльцамъ, чтобы они на другой день собирались на полевыя работы. Прежде всего воздѣлывалась земля бога солнца, потомъ слѣдовала общественная; при этомъ поля больныхъ и отсутствующихъ

обработывались раньше всѣхъ. Наконецъ слѣдовала обработка земель царскихъ. „Благо подданныхъ должно быть для властителя ближе къ сердцу, чѣмъ свое собственное“, говорили инки.

Во время работъ земледѣлецъ не заботился о своемъ пропитаніи, ибо его снабжали всѣмъ изъ складовъ бога солнца или государя; только во время работъ за больныхъ и отсутствующихъ, каждый долженъ былъ прокармливать себя самъ.

Громадны были сооруженія перуанцевъ для орошенія полей. Водопроводы тянулись на сотни верстъ и доставляли необходимую влагу каждому клочку земли. Имъ обязано было населеніе цвѣтущимъ благосостояніемъ своимъ, такъ какъ сборъ не зависѣлъ тутъ отъ погоды. Урожай былъ здѣсь вѣрнѣе, чѣмъ въ Египтѣ, гдѣ онъ зависѣлъ отъ большей или меньшей степени поднятія рѣки, и вѣрнѣе, чѣмъ въ умѣренномъ поясѣ, гдѣ избытокъ или недостатокъ влаги можетъ уничтожить жатву.

Инки заботились и объ удобреніи земли. На берегахъ Перу и близлежащихъ островахъ водятся несмѣтныя стаи птицъ, доставляющихъ знаменитое гуано; перуанцы знали удобрительныя свойства его. Залежи гуано находились подъ защитой закона и каждой области былъ отведенъ особый островъ, ими покрытый. Посѣщеніе такого острова во время высиживанія птенцовъ или убіеніе птицъ наказывалось смертью.

Всего болѣе въ Перу разводили кукурузу, затѣмъ бананы, бобы, ананасы, разныя овощи и коку. Запасы хранились въ обширныхъ хлѣбныхъ магазинахъ, выстроенныхъ изъ кирпича, обожженнаго на солнцѣ; ихъ называли „пируа“ и нѣкоторые полагаютъ, что отъ этого слова произошло названіе страны.

Во всякомъ случаѣ государство инковъ было настоящей житницей. Въ городахъ, селеніяхъ и мѣстахъ пересѣченія дорогъ стояли хлѣбные магазины; они были такъ полны, что обезпечивали населеніе съѣстными припасами на цѣлый рядъ лѣтъ. Голодъ, отъ котораго въ прежніе

вѣка часто страдала Европа, былъ немыслимъ подъ скипетромъ инковъ. Раздѣленіе на три части простиралось и на собранный хлѣбъ: существовали магазины бога солнца, государевы и общественные.

Въ сравненіи съ земледѣліемъ скотоводство было незначительно. Въ горахъ содержали ламъ и альпакъ;

Караванъ ламъ въ Андахъ.

большая часть этихъ единственныхъ домашнихъ животныхъ перуанцевъ принадлежала богу солнца или инкѣ. Простолюдинъ получалъ для своей домашней потребности только пару этихъ животныхъ; ему разрѣшалось рѣзать телятъ, а старую ламу только тогда, когда она можетъ

уже быть замѣнена молодою. Одинъ разъ въ годъ производилась большая стрижка и шерсть сдавалась также въ магазины. Ламъ пріучали къ переноскѣ тяжестей до двухъ пудовъ, но онѣ оставались животнымине послушными, упрямыми и случалось нерѣдко, что караванъ нагруженныхъ ламъ обращался въ бѣгство и навсегда исчезалъ въ горахъ со всею поклажей.

Ламы были не единственными животными, доставлявшими шерсть; очень цѣнилась шерсть вигони и другихъ горныхъ животныхъ, на которыхъ производились грандіозныя охоты.

Какъ все въ государствѣ инковъ, такъ и охота была подчинена извѣстнымъ правиламъ. Простолюдинъ могъ, и то по особому разрѣшенію, охотиться только за птицами; охота-же за горной дичью составляла монополію государства. По опыту было извѣстно, что только въ четырехлѣтній срокъ шерсть вигони достигаетъ надлежащей длины и мягкости, какая требовалась для изготовленія тонкихъ тканей и потому охота въ одной и той же мѣстности могла производиться только чрезъ каждые четыре года.

Охоты инковъ были безъ сомнѣнія грандіознѣйшими въ свѣтѣ. Число загонщиковъ рѣдко бывало менѣе 50,000, а по большей части доходило до 60—100,000 человѣкъ. Направленіе погони опредѣлялось видимыми издалека скалами, а рѣчныя долины, дороги, пропасти и лѣса служили опорою живому кольцу, которое замыкалось въ теченіе нѣсколькихъ дней и наконецъ съуживалось до того, что состояло уже изъ 2 или 3 рядовъ людей, такъ что дичи не было ни малѣйшей возможности прорваться. У многихъ загонщиковъ были копья на случай встрѣчи съ хищными животными, остальные были вооружены дубинами. Въ мѣстностяхъ особенно изобильныхъ дичью такимъ способомъ нерѣдко удавалось окружить сразу отъ 20—40,000 головъ и пригнать ихъ къ стану инки. Рядомъ съ вигонями, гуанако, альпака и оленями тѣснились и хищныя животныя, напр. пумы, ягуары, оселоты, медвѣди и т. п.

Часть пойманной добычи убивалась самимъ инкою и особо обученными къ тому охотниками; другую часть, а именно тонкорунныхъ животныхъ, стригли и выпускали затѣмъ тысячами на свободу съ тою цѣлью, чтобы дичь не переводилась. Много людей бывало занято приготовленіемъ сушенаго мяса.

Тонкія ткани перуанцевъ возбуждали удивленіе при дворѣ Карла V и Филиппа II; матеріи, изготовленныя изъ тончайшей вигоневой шерсти, принимались сначала за шелковыя; тѣмъ не менѣе это не были еще лучшія произведенія перуанскихъ ткачей. Для своего государя они выдѣлывали еще болѣе тонкія и мягкія ткани изъ нѣжной шерсти летучихъ мышей.

Благородные металлы добывались въ Перу частью промывкою рѣчнаго песка, частью въ рудникахъ. Все золото и серебро считалось собственностью инки; вывозъ этихъ металловъ былъ запрещенъ подъ страхомъ смертной казни. Случалось, что царская сокровищница обогащалась въ теченіе года болѣе чѣмъ на 35,000 пуд. серебра и 12,000 пуд. золота.

Отыскивая золото, перуанцы научились и добыванію другихъ металловъ; имъ были знакомы желѣзныя руды, но плавить ихъ они не умѣли. За то они приготовляли изъ мѣди и олова сплавъ въ родѣ бронзы, твердый какъ сталь и изъ него выдѣлывали разныя орудія. Плавильныя печи устраивались на вершинахъ холмовъ и по ночамъ далеко освѣщали окрестности.

Добычѣ естественныхъ богатствъ, числу жителей и т. п. велся строгій счетъ. Хотя перуанцы и не имѣли письменности, но у нихъ существовалъ способъ передачи мыслей посредствомъ шнурковъ съ узелками, подобно тому, какъ это дѣлалось въ древности у китайцевъ. Шнурки эти назывались „киппу“. Испанскій историкъ говоритъ о нихъ слѣдующее:

„Слово „киппу“ означаетъ „узелъ“, также „счетъ“, такъ какъ по узламъ можно вести всему счетъ. Индѣйцы приготовляютъ шнурки, окрашенные въ одинъ или нѣсколько

различныхъ цвѣтовъ, такъ какъ каждый цвѣтъ имѣетъ свое особое значеніе, а также и сочетаніе цвѣтовъ. Каждый шнурокъ составляется изъ 3 или 4 скрученныхъ вмѣстѣ бичевокъ и бываетъ въ полъ-аршина длины, а толщиною въ карандашъ; всѣ шнурки прикрѣпляются однимъ концомъ къ поперечному шнурку. По окраскѣ видно, что означаетъ каждый изъ нихъ: такъ желтый цвѣтъ означаетъ золото, бѣлый — серебро, красный — воиновъ. Многія понятія выражаются не цвѣтами, а извѣстной послѣдовательностью шнурковъ и при этомъ первые шнурки означаютъ наиболѣе важное, а послѣдующіе — предметы меньшей важности въ нисходящемъ порядкѣ. Такъ напр. при обозначеніи разныхъ родовъ хлѣбныхъ растеній по ихъ значенію въ Испаніи слѣдовалъ-бы такой порядокъ: сначала пшеница, потомъ ячмень, горохъ, бобы и т. д. Точно такъ-же, когда давался отчетъ объ оружіи, первый шнурокъ означалъ важнѣйшее — копья, а затѣмъ слѣдовали дротики, луки, стрѣлы, палицы, топоры и т. п. При счетѣ жителей первые шнурки обозначали число мужчинъ въ каждомъ селеніи, а затѣмъ въ каждой области; начальный обозначалъ стариковъ достигшихъ 60-лѣтняго возраста, второй — 50-лѣтнихъ и т. д. Такимъ-же порядкомъ выражалось число женщинъ по возрастамъ. Отъ нѣкоторыхъ изъ этихъ шнурковъ отдѣлялись, на подобіе вѣтвей, другіе, меньшіе и болѣе тонкіе, но того-же цвѣта: они показывали различныя подраздѣленія и исключенія, означая напр. вдовцовъ или вдовъ разныхъ возрастовъ. Узлы на шнуркахъ означали единицы, десятки, сотни, тысячи и десятки тысячъ; очень рѣдко встрѣчались высшіе порядки, такъ какъ каждое селеніе вело свои перечни отдѣльно, а большіе города дѣлились на участки. Всѣ узлы, составлявшіе одну цифру, связывались общею петлею, и число ихъ никогда не превышало 9-ти, такъ какъ единицы, десятки и т. д. никогда не переходятъ этой цифры; верхній узелъ очначалъ десятки высячъ, второй — тысячи и т. д. до единицъ. Дѣлаютъ эти узлы и слѣдятъ за ними особые счетчики,

въ число которыхъ выбираются наиболѣе надежные и испытанные люди. Въ небольшихъ селеніяхъ такихъ счетчиковъ бываетъ 3 или 4, а въ большихъ — отъ 20 до 30. Хотя для каждой отдѣльной мѣстности было бы достаточно и одного подобнаго служащаго, но инки держали большое число ихъ для избѣжанія ошибокъ и злоупотребленій".

Письмена эти служили не только для обозначенія ариѳметическихъ представленій, но не подлежитъ сомнѣнію, что съ теченіемъ времени они стали употребляться и для выраженія другихъ понятій. Ко времени завоеванія Перу испанцами этотъ способъ передачи мыслей достигъ высокой степени совершенства. „Киппу" этого времени содержатъ собранія законовъ, описанія жизни и правленія инковъ, исторію важнѣйшихъ событій, даже стихотворенія. Существовалъ особый классъ перуанскихъ ученыхъ, которымъ поручалось веденіе лѣтописей; были и школы, въ которыхъ дѣтей вельможъ обучали законовѣдѣнію, исторіи, астрономіи и т. п., и несомнѣнно, что при этомъ не довольствовались однимъ устнымъ преподаваніемъ, а прибѣгали и къ помощи „киппу". Извѣстный ученый Чуди говоритъ: „Неизмѣримо богата литература перуанскаго языка, но по всей вѣроятности она для насъ останется на-вѣки покрытою непроницаемымъ мракомъ. Повѣствованія перуанской исторіи содержатся въ разноцвѣтныхъ шнуркахъ, сплетенныхъ изъ шерсти ламъ или волоконъ американской агавы. Пудами ихъ находятъ на перуанскихъ кладбищахъ; большинство до такой степени истлѣло въ сырыхъ и солончаковыхъ пескахъ прибрежья, что разсыпается при малѣйшемъ прикосновеніи, но многіе сохранились въ сухой почвѣ такъ хорошо, что даже окраска не пострадала. Страхъ и ненависть къ испанцамъ съ одной стороны, а съ другой — уваженіе къ памяти предковъ и боязнь выдать ихъ тайны завоевателямъ — все это заставляетъ индѣйцевъ скрывать ключъ къ объясненію ихъ древней письменности. Что ключъ этотъ еще не потерянъ, въ томъ я лично убѣдился, но владѣетъ имъ очень небольшое число индѣйцевъ, кото-

рые хранятъ его съ величайшимъ тщаніемъ и подозрительностью, какъ народную святыню".

Когда государство инковъ, вслѣдствіе завоеванія сосѣднихъ областей, значительно расширилось, правительство озаботилось устройствомъ дорогъ, по которымъ войска могли быстро передвигаться въ каждую данную мѣстность. Вдоль этихъ дорогъ строились хлѣбные магазины, а въ главныхъ узловыхъ точкахъ были сосредоточены такіе запасы, что ими безъ труда можно было продовольствовать армію въ 10,000 и даже 20,000 человѣкъ. Въ такихъ случаяхъ прежде всего брались припасы изъ складовъ, посвященныхъ богу солнца, а если ихъ не хватало, принимались за царскіе магазины и подъ конецъ уже за общественныя. На перекресткахъ главнѣйшихъ дорогъ строились сильныя крѣпости. Дорогами этими вполнѣ обезпечивались сношенія отдѣльныхъ, иногда очень отдаленныхъ другъ отъ друга областей. Изъ числа этихъ дорогъ особенно замѣчательны двѣ. „Верхняя дорога", длиною въ 1200 миль, ведетъ по плоскогорію отъ Квито до Куско; другая — „нижняя", тянется на протяженіи 1600 миль по берегу моря отъ южной границы нынѣшняго Экуадора до Чили. Обѣ дороги возбуждали удивленіе испанцевъ и остатки обѣихъ сохранились до настоящаго времени. Онѣ имѣли отъ 8—11 аршинъ ширины, были вымощены камнемъ и защищены съ боковъ земляными насыпями; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онѣ были шоссированы щебнемъ. Направленіе ихъ всегда прямое, несмотря ни на какую крутизну, такъ какъ не въ обычаѣ индѣйцевъ обходить препятствія. На десятки верстъ высѣчены галлереи въ скалахъ, на спускахъ вырублены ступени, болота и пропасти заполнены камнемъ, а черезъ горные потоки переброшены частью каменные, частью висячіе мосты. Послѣдніе поддерживались толстыми канатами, сдѣланными изъ волоконъ американской агавы и плотно закрѣпленными на обоихъ берегахъ. Не вездѣ, конечно, дороги эти соотвѣтствуютъ современнымъ требованіямъ, такъ напр., на песчаныхъ равнинахъ совсѣмъ нѣтъ дороги,

а она обозначена только воткнутыми жердями; въ крутыхъ мѣстахъ уступы дороги не походятъ на ступени лѣстницы, а подпираются только рядомъ камней, препятствующихъ сползанію земли. Но для древнихъ перуанцевъ этого было вполнѣ достаточно, ибо они не имѣли ни упряжныхъ животныхъ, ни экипажей, а совершали путешествія пѣшкомъ, при чемъ тяжести переносились людьми. Разстоянія обозначались какъ и на нашихъ дорогахъ, каменными столбами, приблизительно черезъ каждыя 7 верстъ. „Нижняя дорога“ съ обѣихъ сторонъ была окаймлена глиняными стѣнами и обсажена деревьями. На разстояніи нѣсколькихъ миль другъ отъ друга стояли станціонные дома для путешественниковъ, а на меньшихъ промежуткахъ, смотря по свойству мѣстности, были устроены посты скороходовъ, которые должны были перебѣгать небольшое пространство до слѣдующаго поста и передавать свои порученія другимъ, уже стоявшимъ на-готовѣ. Такимъ способомъ всякіе приказы, извѣстія и т. п. съ большою быстротою передавались изъ столицы во всѣ области и обратно.

Не менѣе заботливости перуанцы прилагали къ устройству крѣпостей, изъ которыхъ многія были такъ сильны, что при отсутствіи артиллеріи могли считаться неприступными.

Къ числу самыхъ важныхъ правительственныхъ мѣропріятій относятся массовыя переселенія обитателей изъ одной области въ другую; тысячи семействъ должны были перемѣнять мѣстожительство по волѣ инки. При этихъ переселеніяхъ преслѣдовались разныя цѣли: во-первыхъ — заселеніе и охрана пограничныхъ областей отъ безпокойныхъ сосѣдей, во-вторыхъ — облегченіе населенія въ мѣстностяхъ, гдѣ оно было наиболѣе скучено, и наконецъ — пріобрѣтеніе для культуры новыхъ земель. Сообразно съ этимъ, переселенцы дѣлились на воиновъ и земледѣльцевъ. На восточномъ склонѣ Андовъ дикія племена безпрестанно вторгались въ предѣлы государства, жгли селенія и уводили жителей въ горы. Хотя инки

издавна выстроили для защиты отъ нихъ цѣлый рядъ крѣпостей, но окончательное усмиреніе дикарей стало возможнымъ только съ тѣхъ поръ, когда въ пограничныхъ областяхъ возникли многочисленныя поселенія опытныхъ въ военномъ дѣлѣ людей. Всѣ водворенные здѣсь переселенцы жили въ укрѣпленныхъ деревняхъ и содержались на казенный счетъ, получая изъ ближайшихъ областей все необходимое и кромѣ того еще богатые подарки, смотря по заслугамъ, такъ-что они большею частью были очень довольны своей судьбою. Не менѣе заботъ прилагалось и по отношенію къ переселенцамъ-земледѣльцамъ. Вообще, какъ ни жестоко кажется это принудительное выселеніе, но оно приводилось въ исполненіе съ соблюденіемъ всѣхъ интересовъ переселенцевъ. Правительство заботилось о томъ, чтобы они попадали въ мѣстности, гдѣ климатическія и почвенныя условія были-бы по возможности такія-же, какъ на родинѣ; ихъ снабжали всѣмъ необходимымъ — сѣменами, полевыми орудіями, ламами; при этомъ было принято за правило никогда не раздѣлять членовъ семейства. На государственный счетъ устраивались храмы, запасные магазины, водопроводы и др. сооруженія и казна оказывала переселенцамъ всяческую помощь въ дѣлѣ превращенія нетронутыхъ земель въ плодородныя нивы. Такимъ образомъ высокія долины Андовъ, гдѣ прежде бродили только стада дикихъ ламъ, понемногу обратились въ цвѣтущіе сады, и даже самыя отдаленныя области были такъ хорошо обработаны, что испанцы, при видѣ земель, не входившихъ въ составъ перуанскаго государства и слѣдовательно лишенныхъ культуры, невольно говорили: „если-бы инки проникли сюда, совсѣмъ иной видъ представляла-бы страна!“

Въ каждую вновь пріобрѣтенную область инка посылалъ отъ 10—12,000 семействъ и столько-же народа, изъ числа покоренныхъ, если не болѣе, должно было выселяться во внутреннія части государства. Переведенные на окраину переселенцы становились въ извѣстной

степени начальствомъ надъ покоренными и служили имъ образцомъ, обучая варваровъ обработкѣ земли и разнымъ ремесламъ. Въ свою очередь дикари, выселенные внутрь страны, отрѣзанные отъ своихъ одноплеменниковъ и окруженные перуанцами, мало-по-малу принимали ихъ обычаи, занятія и даже языкъ, а въ слѣдующемъ поколѣніи уже совершенно сливались съ господствующимъ народомъ.

Рядомъ съ свѣтлыми сторонами перуанской жизни мы встрѣчаемъ и темныя. Въ жертву богамъ приносились, правда въ рѣдкихъ и особенно торжественныхъ случаяхъ, дѣти и молодыя дѣвушки. Однимъ изъ главныхъ недостатковъ народа была наклонность къ пьянству. Въ огромныхъ количествахъ приготовлялся во всей странѣ напитокъ изъ кукурузы, родъ хмѣльнаго пива, наз. чича. Въ пристрастіи къ этому напитку испанскіе историки видятъ одну изъ причинъ поразительно быстраго паденія перуанскаго государства. Въ извѣстные праздники и торжественные дни чича, приготовленная „дѣвами солнца", проводилась по трубамъ въ главный храмъ. Сначала пилъ ее самъ инка въ память своихъ предковъ, а потомъ предоставлялось пить народу, который бражничалъ по цѣлымъ днямъ. Эти празднества длились по однимъ извѣстіямъ до 9, а по другимъ — даже до 30 дней. Чича въ изобиліи употреблялась и въ другихъ случаяхъ; такъ жены умершихъ инковъ, которыхъ замуравливали живыми въ склепахъ мумій, входили туда, отуманенныя этимъ напиткомъ; а обычай пьянствовать для храбрости передъ битвою имѣлъ для войскъ инковъ роковыя послѣдствія.

Но слабѣйшую сторону перуанскаго государства составляла система управленія. Народъ находился подъ самою строгою и предусмотрительною опекою. О существованіи каждаго заботилось государство, каждому назначалась работа. Никто не долженъ былъ терпѣть нужды; всякій получалъ свой домъ и клочекъ земли, и послѣ рожденія каждаго ребенка семейству прибавлялось по новому участку. Заботливость о благѣ подданныхъ доходила до того, что воровство изъ нужды считалось немысли-

мымъ. Если-же это случалось, то наказывался не воръ, а чиновникъ, въ вѣдѣніи котораго находился участокъ.

Извѣстныя преимущества такого управленія неоспоримы. Но съ другой стороны подобныя учрежденія могли воспитать только слабое, не имѣвшее своей воли общество, неспособное, по собственному почину, принять то или другое важное рѣшеніе. Люди были только безотвѣтными колесами въ государственномъ механизмѣ, движущую силу котораго представлялъ лишь инка и его высшіе сановники. Такое положеніе дѣлъ не могло длиться безконечно. И дѣйствительно, ко времени появленія испанцевъ въ средѣ самихъ инковъ успѣла уже начаться борьба противъ главнѣйшихъ основъ государственнаго строя Перу.

ГЛАВА XVI.

Междоусобная война.

Гуаина Капакъ, предпослѣдній изъ независимыхъ инковъ, былъ одинъ изъ величайшихъ государей своей династіи. Еще будучи наслѣдникомъ, онъ отличался храбростью и во главѣ большаго войска покорилъ сосѣднее государство Пуиту (Квито). Побѣдитель плѣнился красотою наслѣдной принцессы покоренной страны, женился на ней и впослѣдствіи сдѣлалъ ее государыней, наравнѣ съ законною своею супругою. Это было важнымъ нарушеніемъ семейныхъ обычаевъ, по которымъ только принцесса изъ рода инковъ могла сдѣлаться государыней. Отъ этого брака онъ имѣлъ сына, котораго звали Атагуальпою. Это былъ красивый, живой мальчикъ, котораго отецъ любилъ болѣе, чѣмъ законнаго наслѣдника Гуаскара.

Въ послѣдніе годы своего царствованія Гуаина Капакъ рѣдко посѣщалъ свою столицу Куско, гдѣ жилъ

Гуаскаръ съ матерью. Большую часть времени онъ проводилъ въ Пуиту по близости царицы изъ чужаго племени; поэтому и молодой Атагуальпа былъ всегда при немъ, сопровождалъ его въ походахъ и пріобрѣлъ расположеніе солдатъ и испытанныхъ военачальниковъ своего отца.

Атагуальпа и Гуаскаръ были еще несовершеннолѣтними, когда отецъ уже позаботился объ ихъ будущности. Онъ созвалъ знатнѣйшихъ вельможъ страны и объявилъ, что намѣренъ раздѣлить государство между своими двумя сыновьями. Гуаскаръ долженъ былъ получить главную часть государства, а Атагуальпѣ назначалась страна Пуиту. Никто не противорѣчилъ рѣшенію государя, хотя оно не согласовалось съ коренными законами страны.

Гуаина Капакъ продолжалъ жить въ Пуиту и здѣсь онъ получилъ извѣстіе, что на берегу моря появились блѣднолицые бородатые люди въ длинныхъ одеждахъ и необычайномъ вооруженіи. Они не причинили вреда обитателямъ и отплыли далѣе. Инка встревожился, приказалъ усилить гарнизоны по прибрежью и не допускать новыхъ высадокъ иностранцевъ; бѣлые однако не возвращались и Гуаина Капакъ успокоился. Вскорѣ открылась сильная оспенная эпидемія, отъ которой умерло множество народа, въ томъ числѣ и самъ государь.

По смерти его тотчасъ же начались раздоры между его сыновьями. Гуаскаръ требовалъ, чтобы Атагуальпа присягнулъ ему въ качествѣ вассала, а Атагуальпа въ свою очередь задумалъ погубить брата и захватить власть въ свои руки. Страна Пуиту была ему вѣрна, а кромѣ того онъ былъ любимцемъ войска и всѣ главные военачальники держали его сторону.

Прошло нѣсколько лѣтъ, пока удалось выполнить этотъ планъ. Гуаскаръ продолжалъ настаивать, чтобы Атагуальпа явился въ Куско выразить свою покорность. Тотъ для виду согласился и обѣщалъ прибыть съ большою свитою; между тѣмъ онъ тайно созвалъ своихъ военачальниковъ, приказалъ собрать лучшіе полки и отправить ихъ отдѣльными частями въ столицу.

Частыя прохожденія этихъ отрядовъ не остались незамѣченными сторонниками Гуаскара, но воины Атагуальпы имѣли приказъ скрывать оружіе и значки и говорили, что составляютъ только часть его свиты. Этимъ показаніямъ дали вѣру и даже самъ Гуаскаръ не питалъ никакихъ подозрѣній, хотя опытные люди и совѣтовали ему стянуть къ Куско сильную армію.

Передовые отряды Атагуальпы между тѣмъ каждый день сокращали свои переходы такъ, чтобы послѣдующіе могли ихъ догнать. Когда такимъ образомъ собралось въ окрестностяхъ столицы до 20,000 человѣкъ, свита вдругъ оказалась войскомъ, и главное начальство надъ нимъ принялъ одинъ изъ приближенныхъ Атагуальпы — Чалкучима. За этимъ войскомъ ускореннымъ маршемъ шла другая армія въ 10,000 человѣкъ. Самъ Атагуальпа ждалъ рѣшенія на границѣ своей области.

Когда Гуаскаръ получилъ роковое извѣстіе, онъ наскоро приготовился къ защитѣ, но могъ набрать только молодыхъ, неопытныхъ воиновъ, такъ какъ лучшія войска стояли на окраинахъ государства; дѣльныхъ военачальниковъ тоже не было, а самые способные перешли на сторону Атагуальпы. Тѣмъ не менѣе Гуаскаръ лично выступилъ противъ враговъ, передавши главное начальство надъ войскомъ Атоку. Битва долго оставалась нерѣшенной, но къ вечеру подоспѣли 5000 свѣжихъ воиновъ Атагуальпы и побѣда склонилась на его сторону. До 6000 убитыхъ осталось на полѣ битвы; самъ Гуаскаръ и его военачальникъ Атокъ были взяты въ плѣнъ. Послѣдняго Чалкучима приказалъ привязать къ столбу и замучить до смерти, а изъ черепа его велѣлъ приготовить себѣ чашу.

Вѣсть о плѣненіи инки быстро разнеслась по всей странѣ и Атагуальпа вызвалъ всѣхъ членовъ царствующей династіи въ Куско, чтобы на общемъ совѣтѣ рѣшить, какъ раздѣлить государство между нимъ и плѣннымъ Гуаскаромъ. Инки согласились, не предполагая, что Атагуальпа замышляетъ недоброе. Царственная семья состояла изъ нѣсколькихъ тысячъ членовъ, которые зани-

мали высшія должности въ войскѣ и гражданскомъ управленіи и имѣли огромное вліяніе на населеніе. Атагуальпа задумалъ истребить весь родъ ихъ и одинъ завладѣть всею страною.

Когда они тысячами явились въ Куско, то вдругъ оказалось, что ни Атагуальпы, ни Гуаскара въ городѣ нѣтъ, а главное начальство находится въ рукахъ Чалкучимы. Вскорѣ они всѣ были схвачены и приговорены къ смерти: однихъ обезглавили, другихъ сбросили въ пропасть, третьихъ утопили. Немногіе спаслись бѣгствомъ, переодѣтые простолюдинами, и укрылись въ недоступныхъ ущельяхъ Андовъ.

По истребленіи мужчинъ, Чалкучима принялся за женщинъ и дѣтей и всѣхъ велѣлъ перерѣзать. Несчастный Гуаскаръ долженъ былъ со связанными руками присутствовать при умерщвленіи своихъ женъ и дѣтей.

Страшная расправа еще не кончилась, когда пришла вѣсть, что на берегу моря опять появились тѣ-же блѣдные, бородатые люди; сообщалось также, что они носятъ блестящіе шлемы и латы и ѣздятъ верхомъ на какихъ-то невиданныхъ животныхъ, быстрыхъ какъ вѣтеръ, а оружіе ихъ мечетъ громъ и молнію. На этотъ разъ чужеземцы не заявили себя мирными пришельцами; съ разныхъ мѣстъ приходили извѣстія о насиліяхъ и грабежахъ, совершонныхъ ими и разнесся даже слухъ о паденіи города Тумбеса.

Передъ этими извѣстіями внутреннія смуты отступили на второй планъ, тѣмъ болѣе, что предводитель иноземцевъ будто-бы заявилъ, что идетъ къ самому Атагуальпѣ. Этотъ предводитель былъ Франсиско Пизарро, къ судьбѣ котораго мы теперь и возвращаемся.

ГЛАВА XVII.

Завоеваніе Перу.

Король Карлъ, къ которому рѣшилъ обратиться Пизарро, находился въ то время на высотѣ своего могущества. Онъ только что смирилъ Францію, выигравъ сраженіе при Павіи и взявъ въ плѣнъ Франциска I. Италія также была покорена, и Карлъ собирался возложить на себя корону германскихъ императоровъ. Славное событіе совершилось и въ Индіи: Кортесъ повергъ къ стопамъ Карла корону мехиканскую.

Карлъ находился въ Толедо, когда ему донесли о прибытіи Пизарро, который предлагалъ завоевать для него еще новое царство, богатое золотомъ. Минута для Пизарро была удобна. Но едва успѣлъ онъ прибыть въ Севилью, какъ объ этомъ узнали его старинные заимодавцы и посадили его въ долговую тюрьму; оттуда онъ былъ освобожденъ только по именному повелѣнію короля. Пизарро поспѣшилъ въ Толедо, чтобы представить своему государю привезенныхъ индѣйцевъ, ламъ, золотую утварь и изложить передъ нимъ свой планъ завоеванія.

Пизарро сдѣлалъ свой докладъ передъ полнымъ собраніемъ королевскаго двора. Дѣйствительно пережитое и испытанное передается всегда съ неподдѣльною правдивостью, такъ что и его слушали съ напряженнымъ вниманіемъ, а когда онъ разсказывалъ объ испытанныхъ имъ и его 12-ю товарищами бѣдствіяхъ и лишеніяхъ, самъ государь не могъ удержаться отъ слезъ.

Пизарро достигъ чего хотѣлъ. Честолюбіе его было удовлетворено дарованіемъ ему дворянскаго достоинства и креста ордена Сантъ-Яго съ разрѣшеніемъ помѣстить въ своемъ гербѣ императорскаго орла, эмблемы императорской печати, индѣйскій городъ и ламу.

Такъ какъ Карлъ спѣшилъ въ Римъ, чтобы короноваться императорской короною, то рѣшеніе вопроса было

Пизарро предъ Карломъ V.

поручено совѣту по дѣламъ Индіи, съ которымъ Пизарро, поддержанный королевою, 26 іюля 1529 года заключилъ свою „капитуляцію“. По этому условію онъ утверждался во всѣхъ правахъ завоевателя провинціи Перу, получившей названіе „Новой Кастиліи“; ему предоставлялась верховная власть надъ всѣми землями вдоль западнаго берега Америки, слишкомъ на 1000 верстъ далѣе нынѣшняго Сантъ-Яго, пожизненное званіе губернатора, генералъ-капитана и огромное содержаніе. Онъ получилъ право строить крѣпости, держать себѣ тѣлохранителей, раздавать земли съ ихъ обитателями въ награду заслуженнымъ воинамъ, однимъ словомъ — почти всѣ права и привилегіи вице-короля.

Альмагро былъ награжденъ не такъ щедро: его назначили губернаторомъ города Тумбеса съ значительнымъ окладомъ и дали ему дворянское достоинство. Руисъ получилъ титулъ „великаго пилота Южнаго океана“; Педро де-Кандія былъ назначенъ главнымъ начальникомъ артиллеріи, Люкъ — епископомъ Тумбеса и „протекторомъ“ индѣйцевъ, а остальные участники похода были возведены въ дворянство. Всѣ поселяющіеся въ Перу испанцы освобождались навсегда отъ большинства повинностей, взимаемыхъ въ колоніяхъ. Правительство выговорило себѣ десятую долю доходовъ отъ рудниковъ и пріисковъ и $^1/_5$ часть драгоцѣнностей изъ будущей добычи, но не обѣщало денежной поддержки; даже положенные оклады должны были выплачиваться изъ будущихъ доходовъ страны. Пизарро, въ свою очередь, обязывался набрать въ теченіе полугода 250 хорошо вооруженныхъ солдатъ, изъ которыхъ 100 человѣкъ могли быть навербованы въ колоніяхъ; кромѣ того онъ обязывался взять съ собою и содержать на свой счетъ извѣстное число монаховъ, но отстоялъ за то безусловное воспрещеніе въѣзда въ завоеванную страну адвокатамъ, нотаріусамъ и т. п. людямъ. Для пріобрѣтенія оружія и припасовъ казна выдала ему сверхъ того небольшое пособіе.

Пизарро отправился прежде всего на родину. Прежній свинопасъ, украшенный теперь крестомъ ордена Сантъ-Яго, былъ героемъ дня; всюду встрѣчали его торжественно, хвастались родствомъ и знакомствомъ съ нимъ, и многіе, въ томъ числѣ и 4 брата Пизарро, убѣдительно просили позволенія присоединиться къ его походу. Но осыпанный почестями всякаго рода, Пизарро на самомъ дѣлѣ не имѣлъ ни денегъ, ни кредита и экспедиція его никогда-бы не состоялась, если-бы Кортесъ, хорошо знакомый съ Америкою, не доставилъ ему на это необходимыхъ средствъ.

Пріобрѣтено было три корабля, но не хватило денегъ на вооруженіе, которое Пизарро обязался дать солдатамъ. Между тѣмъ день, назначенный „высокимъ совѣтомъ по дѣламъ Индіи“ для отплытія, приближался и Пизарро узналъ стороною, что назначена коммиссія для провѣрки его дѣйствій и уже находится на пути въ Севилью. Тогда онъ рѣшилъ просто бѣжать изъ этого города. Въ январѣ 1530 года онъ сѣлъ на одинъ изъ кораблей и отплылъ, давъ приказаніе своему брату Гернандо присоединиться къ нему на Канарскихъ островахъ. Повѣрочная коммиссія явилась и не нашла, разумѣется, многого необходимаго для похода, въ томъ числѣ и достаточнаго количества людей. Но Гернандо заявилъ, что все недостающее находится на самомъ большомъ кораблѣ, съ которымъ отплылъ Пизарро; коммиссія удовольствовалась этимъ отвѣтомъ и Гернандо безпрепятственно послѣдовалъ за своимъ братомъ.

Въ гавани Номбре-де-Діосъ, на восточномъ берегу Панамскаго перешейка, Альмагро и Люкъ съ нетерпѣніемъ ожидали возвращенія своего союзника. Послѣдній повидимому остался доволенъ пріобрѣтеннымъ саномъ епископа. Но Альмагро былъ глубоко возмущенъ противъ Пизарро. Этотъ возвратился осыпанный почестями, а что привезъ онъ своему вѣрному товарищу? — титулъ коменданта крѣпости, которую еще предстояло взять! Произошла крупная ссора и гнѣвъ Альмагро грозилъ разстроить всю экспедицію, такъ какъ онъ одинъ еще имѣлъ

кое-какія денежныя средства. Долго онъ въ нихъ отказывалъ и братья Пизарро терпѣли большую нужду; солдаты, навербованные въ Испаніи, дошли до того, что заложили свои плащи и все дѣло стало, пока наконецъ не удалось склонить Альмагро къ примиренію; но въ душѣ братья Пизарро, въ особенности Гернандо, съ тѣхъ поръ питали къ нему непримиримую ненависть.

Въ январѣ 1531 г. Пизарро отплылъ изъ Панамы на 3 корабляхъ, имѣя 180 человѣкъ пѣхоты, 37 всадниковъ и 2 небольшихъ орудія. Онъ хотѣлъ сначала плыть прямо къ Тумбесу, но противные вѣтры принудили его высадиться съ частью войска въ бухтѣ Св. Матѳея и продолжать путь берегомъ.

Мы уже знаемъ изъ прежняго, какъ затруднительны были такіе переходы. Съ большими усиліями испанцы продвигались впередъ, пока наконецъ достигли большаго индѣйскаго селенія, которое взяли приступомъ. Добыча, доставшаяся имъ, была богата и состояла не только изъ золота и серебра, но и изъ драгоцѣнныхъ камней. Послѣдніе однако принесли имъ мало пользы, ибо по совѣту одного монаха солдаты вздумали испытывать твердость изумрудовъ молоткомъ на наковальнѣ, при чемъ конечно камни разбивались вдребезги. Тѣмъ не менѣе въ Панаму былъ отправленъ корабль съ золотомъ и серебромъ приблизительно на сумму въ 130.000 руб.; на эти деньги предполагалось закупить свѣжихъ припасовъ и навербовать еще людей; другой карабль съ тою же цѣлью отправленъ былъ въ Никарагуа.

Пизарро расположился въ ожиданіи этихъ подкрѣпленій на островѣ Пунѣ (нынѣшнемъ Сантъ-Яго), лежащемъ въ Гваякильскомъ заливѣ недалеко отъ города Тумбеса. Злодѣйства его солдатъ и опустошеніе ими гробницъ вызвали заговоръ жителей, который однако былъ во-время открытъ и подавленъ.

Наконецъ изъ Никарагуа прибылъ храбрый капитанъ Фердинандъ де-Сото съ сотней свѣжаго войска и Пизарро рѣшилъ двинуться далѣе. Во время своего пер-

ваго посѣщенія онъ оставилъ въ Тумбесѣ двоихъ изъ своихъ спутниковъ, и памятуя прежній дружественный пріемъ въ этомъ городѣ, послалъ туда трехъ солдатъ возвѣстить о своемъ прибытіи. На этотъ разъ встрѣча была иная: посланныхъ схватили и повѣсили, а затѣмъ жители сами разрушили городъ и бѣжали въ лѣса. Два прежніе спутника Пизарро также пропали безъ вѣсти; по словамъ жителей, они умерли естественной смертью.

Пизарро продолжалъ путь на югъ и основалъ на мѣстѣ одной сожженной индѣйской деревни испанскую колонію Санъ-Мигуэль. Уже во время своего пребыванія на островѣ Пунѣ онъ слышалъ о междоусобной войнѣ между Гуаскаромъ и Атагуальпой; теперь онъ узналъ, что послѣдній остался побѣдителемъ и рѣшилъ до него добраться.

Свой походъ прямо въ военный станъ Атагуальпы Пизарро предпринялъ въ срединѣ октября. Мы уже имѣемъ понятіе о могуществѣ перуанскаго инки и невольно удивляемся безумной отвагѣ горсти людей, задумавшихъ идти на покореніе государства, котораго обитатели считались милліонами, а войско — сотнями тысячъ! Всей этой силѣ Пизарро могъ противопоставить только 67 всадниковъ и 110 человѣкъ пѣхоты, изъ которыхъ лишь немногіе имѣли ружья, а артиллерія его состояла только изъ двухъ небольшихъ орудій. Въ честномъ бою онъ никогда-бы не остался побѣдителемъ; свой мрачный планъ онъ обдумалъ вѣроятно еще въ Санъ-Мигуэлѣ и надежнѣйшими союзниками избралъ себѣ хитрость и вѣроломство. Всѣхъ сколько-нибудь неподходящихъ людей онъ оставилъ въ Санъ-Мигуэлѣ, такъ что войско его состояло лишь изъ самыхъ отчаянныхъ смѣльчаковъ. На одномъ изъ ближайшихъ приваловъ онъ снова собралъ своихъ солдатъ и еще разъ предложилъ вернуться всѣмъ, кто пожелаетъ; онъ даже облегчилъ имъ по возможности отступленіе, объявивъ, будто жители Санъ-Мигуэля просили его прислать къ нимъ еще нѣсколько солдатъ для своей безопасности. Онъ хотѣлъ имѣть подъ своимъ на-

чальствомъ только людей дѣйствительно безстрашныхъ. готовыхъ идти куда и на что угодно. Пятеро всадниковъ и четверо пѣшихъ солдатъ воротились, но остальные послѣдовали за своимъ предводителемъ съ твердой рѣшимостью побѣдить или погибнуть.

Страна, по которой шли испанцы, походила на плодовый садъ: по обѣ стороны дороги стояли тѣнистыя деревья, въ долинахъ виднѣлись прекрасно обработанныя нивы, а по склонамъ горъ — зеленѣющіе луга; хорошіе мосты были переброшены чрезъ рѣки и каналы. Вдоль дороги часто попадались гостинницы, а на разстояніи 25 верстъ другъ отъ друга стояли полные хлѣбные магазины, гостепріимно отворявшіеся чужестранцамъ — по приказанію инки, какъ докладывали туземцы.

По дорогѣ послы инки встрѣтили Пизарро съ подарками и приглашеніями въ военный лагерь отъ имени своего государя. Съ обѣхъ сторонъ дѣлались попытки вывѣдать намѣренія другъ у друга, но на вопросы объ инкѣ индѣйцы упорно молчали.

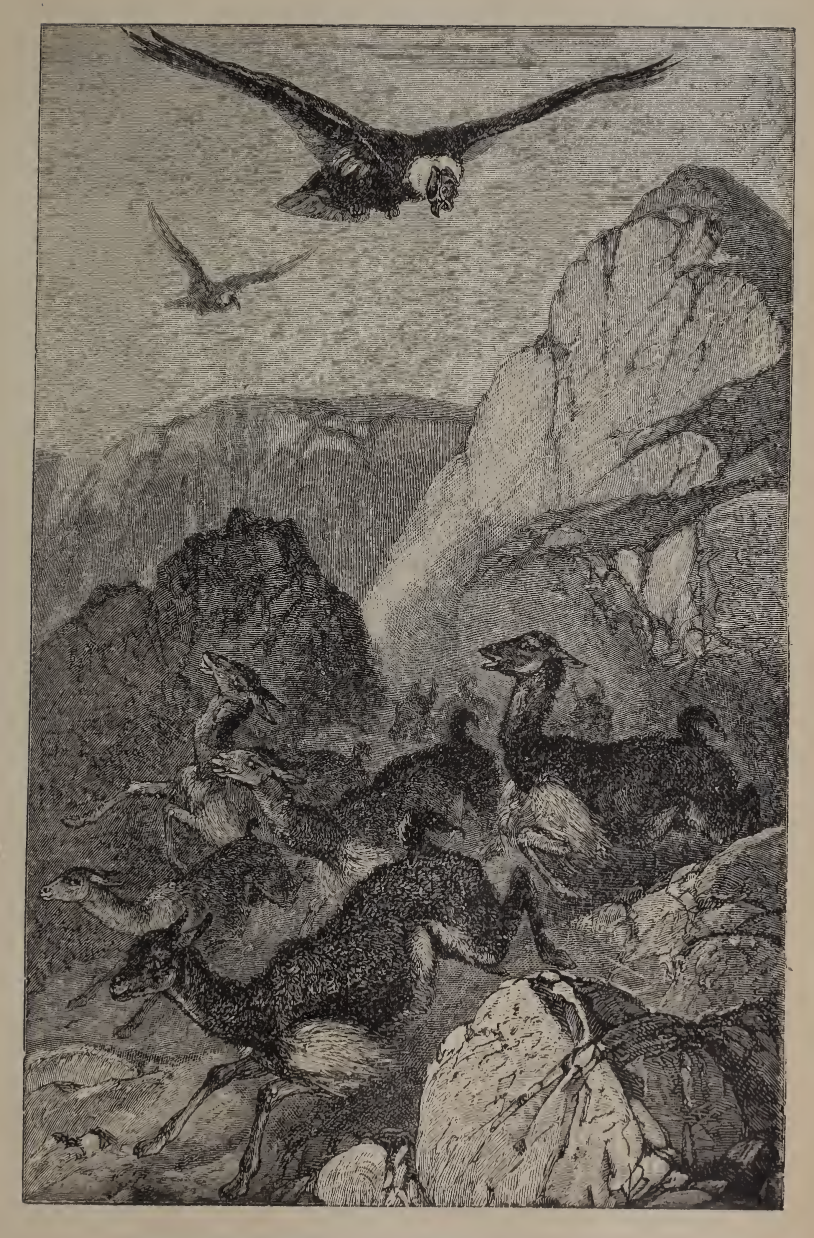
Испанцы подвигались все далѣе. Цѣлью ихъ былъ городъ Кахамарка, гдѣ находился лагерь инки. Три дня они шли по необитаемымъ, песчанымъ или скалистымъ мѣстамъ и сильно страдали отъ жажды, такъ какъ па большихъ пространствахъ нигдѣ не находили воды. Наконецъ, они достигли подошвы Андовъ. Дорога здѣсь раздѣлялась надвое: одна, широкая и хорошо содержимая, вела въ столицу, другая — узкая и крутая, подымалась къ снѣжнымъ вершинамъ; это былъ путь въ Кахамарку — горную твердыню инки.

Тѣсная тропинка, по которой подымались отважные воины, могла быть удобна для полунагихъ индѣйскихъ воиновъ; но для тяжело вооруженныхъ латниковъ и особенно для конныхъ она была почти непроходима. Высѣченная въ крутыхъ стѣнахъ горъ, тропа эта шла то по краю страшныхъ пропастей, то спускалась безчисленными ступенями въ глубину долинъ, то подымалась оттуда на ужасающую высоту. Пробираться по такой тропѣ

верхомъ было немыслимо: всадники должны были спѣшиваться и съ величайшею осмотрительностью вести своихъ коней въ поводьяхъ. Дико шумящіе горные потоки съ пѣною неслись по дну узкихъ и глубокихъ ущелій; переходы чрезъ такія рѣчки представляли нерѣдко большія затрудненія. Со страхомъ оглядывались по сторонамъ испанцы, ежеминутно опасаясь нападенія перуанцевъ; но никого не было видно въ ущельяхъ, нигдѣ не раздавалось дикаго военнаго крика индѣйцевъ и мертвая тишина горной страны только изрѣдка нарушалась испуганно несущимися стадами вигоней и гуанако, да царь Андовъ, мощный кондоръ, описывалъ въ воздухѣ свои круги.

На перевалѣ одной такой тѣснины испанцы увидѣли большую каменную башню, господствовавшую надъ ущельемъ. Здѣсь можно было опасаться засады, ибо горсть индѣйцевъ могла удержать цѣлое войско. Но и тутъ не показалось ни одного копья, не прозвучалъ ни одинъ боевой рогъ. Укрѣпленіе было пусто и солдаты взобрались на него по каменнымъ ступенямъ, высѣченнымъ въ скалѣ. Пизарро сдѣлалъ тутъ привалъ. Постройка укрѣпленія изумила испанцевъ: нижняя часть его была высѣчена изъ самой скалы, а верхняя состояла изъ тщательно наслоенныхъ тесанныхъ камней. Испанцевъ, поднявшихся на эту высь изъ раскаленныхъ прибрежныхъ равнинъ, пронизывалъ холодный горный вѣтеръ; еще гораздо болѣе страдали отъ него полунагіе индѣйцы.

Въ тотъ-же вечеръ возвратился въ лагерь одинъ изъ индѣйцевъ, сопровождавшихъ посланца Пизарро къ Атагуальпѣ. Онъ сообщилъ, что по дорогѣ въ Кахамарку они не видѣли ничего подозрительнаго; близъ самаго города они встрѣтились съ двумя сановниками, которые должны были торжественно привѣтствовать Пизарро отъ имени своего повелителя и могутъ прибыть каждую минуту; самъ-же посланецъ продолжаетъ путь въ станъ Атагуальпы. Узнавши объ этомъ, Пизарро послалъ своему брату Гернандо приказъ слѣдовать за нимъ ускорен-

Кондоры и вигони.

нымъ маршемъ; онъ велѣлъ ему передать, что самъ пойдетъ по возможности медленно, чтобы братъ успѣлъ догнать его, не доходя Кахамарки.

На слѣдующій день отрядъ Пизарро достигъ наконецъ самаго высокаго перевала и расположился лагеремъ на голой, страшно холодной равнинѣ. Солдаты раскинули свои шатры изъ бумажной ткани, но холодъ былъ такъ чувствителенъ, что не помогли ни палатки, ни одежда, ни даже костры, разведенные изъ жалкаго, низкорослаго кустарника. Всего сильнѣе страдали конечно полуодѣтые индѣйскіе носильщики; многіе изъ нихъ замерзли, не будучи въ состояніи перенести такого непривычнаго холода. Ни одного деревца не было видно на обнаженной поверхности плоскогорія; лишь кое-гдѣ росла жесткая, сухая трава, да золотисто-желтые лишаи покрывали скалы. При вечернихъ лучахъ солнца утесы, поросшіе такими лишаями, казались состоящими изъ чистаго золота.

Спускъ былъ гораздо труднѣе подъема, особенно для всадниковъ. Но каково было радостное изумленіе испанцевъ, когда послѣ 7-дневнаго утомительнаго похода они увидѣли цвѣтущую долину Кахамарки, покрытую рощами темно-зеленыхъ плодовыхъ деревьевъ и въ срединѣ ея большой городъ! Лагерь Атагуальпы состоялъ изъ безконечнаго ряда шатровъ, растянувшихся по крайней мѣрѣ на цѣлую милю; по срединѣ помѣщалась ставка грознаго властелина Перу, равно прославленнаго какъ отвагою, такъ и жестокостью.

Обитатели Кахамарки уже нѣсколько дней тому назадъ покинули городъ. Медленно, но твердымъ шагомъ вступили въ него испанцы; это было въ пятницу 15 ноября 1532 г. Пройдя нѣсколько пустыхъ улицъ, они достигли треугольной площади, обставленной частью огромными зданіями, а частью окруженной кирпичною стѣною; съ нею сообщалась аркою одна изъ громадныхъ залъ дворца. Съ площади широкая каменная лѣстница вела въ крѣпость, которая была такъ же безлюдна, какъ и самый городъ. На этой площади Пизарро устроилъ свою глав-

ную квартиру, а орудія велѣлъ поставить въ крѣпости. Затѣмъ онъ отправилъ своего брата Гернандо съ 40 всадниками въ станъ инки, чтобы возвѣстить и своемъ прибытіи.

Индѣйцы съ удивленіемъ смотрѣли на чужеземныхъ воиновъ и въ особенности на ихъ лошадей; съ своей стороны и испанцы изумленно разглядывали безконечные ряды войскъ, между которыми приходилось продвигаться, чтобы дойти до ставки инки. Солдаты были въ деревянныхъ шлемахъ и хлопчато-бумажныхъ латахъ; вооруженіе ихъ состояло изъ палицъ, сѣкиръ, луковъ и длинныхъ копій; впереди ихъ стояли начальники, которыхъ легко было узнать по золотымъ и серебрянымъ сѣкирамъ; каждая часть имѣла свой военный значокъ, нѣчто въ родѣ штандарта.

Самъ инка ожидалъ испанцевъ передъ зданіемъ, похожимъ на бесѣдку; человѣкъ четыреста индѣйцевъ, въ блестящихъ украшеніяхъ изъ золота и разноцвѣтныхъ перьевъ, окружали своего повелителя; впереди его стояли двѣ изъ его женъ и поддерживали разноцвѣтное шерстяное покрывало, пока инка не желалъ показываться взорамъ обыкновенныхъ смертныхъ; при появленіи испанцевъ эта завѣса была отдернута.

Инка встрѣтилъ ихъ съ тою-же холодностью и пренебреженіемъ, съ какими относился и къ собственнымъ подданнымъ; онъ едва удостоилъ ихъ взгляда, но обѣщалъ на слѣдующій день посѣтить Пизарро. Несмотря на многочисленные предварительные переговоры между обѣими сторонами, инка не подозрѣвалъ истинныхъ намѣреній чужестранцевъ, а ничтожное число ихъ не могло, конечно, внушить ему особенныхъ опасеній. Въ пущенный слухъ, будто испанцы безсмертны, онъ не вѣрилъ, тѣмъ болѣе, что имѣлъ уже извѣстіе объ убійствѣ бѣлыхъ въ Тумбесѣ.

Одинъ изъ испанцевъ, Фердинандъ де-Сото, желая произвести сильное впечатлѣніе, гарцовалъ на своемъ конѣ взадъ и впередъ, дѣйствительно заставилъ попя-

титься нѣсколькихъ воиновъ и подскакавъ къ инкѣ, внезапно осадилъ лошадь, такъ что обрызгалъ пѣною государя. Атагуальпа не сморгнулъ глазомъ; но когда испанцы удалились, онъ велѣлъ схватить оробѣвшихъ солдатъ и обезглавить ихъ, страха ради, вмѣстѣ съ ихъ офицерами.

Отрядъ вернулся въ Кахамарку; наступилъ вечеръ и въ лагерѣ Атагуальпы зажглись костры. По словамъ одного изъ участниковъ похода, число ихъ было такъ велико, какъ число звѣздъ на небѣ. Полагаютъ, что въ войскѣ инки собрано было до 40,000 человѣкъ.

Пизарро достигъ теперь своей цѣли, но что оставалось дѣлать далѣе? Испанія была далеко, а враги — лицомъ къ лицу; солдаты смотрѣли на него недоумѣвающими взорами, когда онъ далъ имъ приказъ всю ночь не покидать оружія и самъ удалился со своими офицерами на военный совѣтъ.

Тутъ только открылъ онъ имъ свой планъ. Оставался лишь одинъ способъ дѣйствій въ виду понятнаго раздраженія инки за разрушеніе Тумбеса: онъ обѣщалъ на слѣдующій день прибыть въ Кахамарку и испанцы должны были взять его въ плѣнъ живымъ. Другаго исхода не было — всѣ согласились, и начались приготовленія къ засадѣ.

Наступилъ достопамятный день 16-го ноября 1532 г. и солнце взошло надъ вершинами восточной цѣпи Андовъ. Въ послѣдній разъ оно свѣтило независимому, свободному инкѣ и прежде чѣмъ ему закатиться, могущественное царство, лишенное своего владыки, должно было стать игрушкою въ рукахъ горсти искателей приключеній.

Въ ночной тиши войско испанцевъ размѣстилось по своимъ позиціямъ. Обѣ пушки были поставлены въ крѣпости; въ домахъ, выходившихъ на площадь, скрывалась пѣхота, а конница была размѣщена въ просторныхъ залахъ дворца и всѣ получили приказъ броситься на врага, какъ только раздадутся выстрѣлы и боевой кликъ „Сантіаго“. Предварительно отслуженъ былъ молебенъ и все войско приняло причастіе изъ рукъ монаха Вальверде.

Самъ Пизарро въ сопровожденіи только 20 надежнѣйшихъ товарищей ожидалъ на площади прибытія инки.

Вскорѣ сторожевые на крѣпостной стѣнѣ донесли, что инка выступилъ изъ лагеря. По всему пути его войска стояли шпалерами. Шествіе открывали нѣсколько сотъ пестро одѣтыхъ прислужниковъ, которые сметали съ дороги пыль и соръ. Затѣмъ шло опять нѣсколько сотъ человѣкъ въ клѣтчатыхъ какъ шахматница одеждахъ краснаго и бѣлаго цвѣта; они пѣли и плясали для развлеченія инки. За ними, въ блестящемъ золотомъ вооруженіи и съ развѣвающимися перьями, слѣдовали тѣлохранители, окружая самого Атагуальпу. Носилки его были богато выложены золотомъ и серебромъ и украшены драгоцѣнными камнями и разноцвѣтными перьями; онъ сидѣлъ на золотомъ тронѣ и ноги его покоились на тяжелой золотой плитѣ. Дорогая одежда его была тоньше шелковой и соткана изъ шерсти летучихъ мышей; на груди блестѣлъ богатый золотой уборъ, ожерелье состояло изъ крупныхъ изумрудовъ, а на лбу висѣла яркокрасная шерстяная кисть — эмблема царскаго сана.

За носилками шла блестящая свита придворныхъ, родственниковъ инки и важнѣйшихъ сановниковъ государства; 5000 воиновъ заключали шествіе.

Передъ самымъ городомъ процессія остановилась. Воины не должны были идти дальше, а провожатымъ своимъ Атагуальпа приказалъ сложить оружіе: предполагалась дружественная встрѣча съ Пизарро.

Солнце склонялось уже къ закату, когда свита Атагуальпы стала наполнять городскую площадь Кахамарки. Собралось до 5000 безоружныхъ людей, когда инка явился на площадь. Пизарро отошелъ въ это время въ одну изъ залъ дворца, а впередъ выступилъ только монахъ Вальверде съ крестомъ въ правой рукѣ и библіей въ лѣвой. Тѣлохранители почтительно разступились; онъ остановился передъ носилками инки и началъ длинную рѣчь, которая передавалась Атагуальпѣ переводчикомъ.

Вальверде разсказалъ ему прежде всего о сотвореніи

міра, потомъ перешелъ къ грѣхопаденію, къ рожденію, жизни и страданіямъ Христа, старался разъяснить индѣйцу понятіе о Тріединомъ Богѣ и уговаривалъ его отказаться отъ язычества. Онъ разсказалъ затѣмъ, какъ Спаситель вознесся на небо и какъ онъ назначилъ своимъ намѣстникомъ апостола Петра, передавшаго свою власть папамъ. Далѣе Вальверде объяснилъ, что папѣ принадлежитъ право раздавать государства, что онъ уже раздѣлилъ міръ между царями земли, и страну „четырехъ солнцъ", т.-е. Перу, — назначилъ королю Испаніи. Король Карлъ прислалъ поэтому сюда своего военачальника Пизарро, чтобы принять страну во владѣніе и обратить язычниковъ въ христіанство.

Атагуальпа спокойно выслушалъ рѣчь монаха и затѣмъ спросилъ, откуда онъ знаетъ все то, о чемъ онъ ему говорилъ. Вальверде указалъ на библію и отвѣчалъ: „здѣсь это написано".

Инка взялъ библію изъ рукъ монаха, перелистовалъ ее и произнесъ: „Мнѣ эта вещь ничего не говоритъ. О вашемъ Богѣ, сотворившемъ небо и землю, мнѣ ничего не извѣстно; напротивъ, я знаю, что Пачакамакъ — создатель міра и что солнце и луна, которыя мы почитаемъ, безсмертны, тогда какъ Христосъ, о которомъ ты говоришь, умеръ. О вашемъ папѣ, раздающемъ земли, ему не принадлежащія, я никогда ничего не слыхалъ и никто не въ правѣ располагать моимъ государствомъ безъ моего согласія". Съ этими словами Атагуальпа презрительно бросилъ библію на землю.

Лишь только увидалъ это Вальверде, какъ поднялъ отчаянный крикъ: „Какъ, библія на землѣ! Христіане, мщеніе! бей язычниковъ!"

Пизарро немедленно бросился изъ своей засады, пробилъ себѣ съ 4 солдатами мечомъ дорогу къ носилкамъ, схватилъ Атагуальпу за лѣвую руку и крикнулъ: „Сантіаго!"

Раздался звукъ трубъ, загремѣли выстрѣлы изъ пушекъ и ружей. Всадники, копи которыхъ были увѣшаны бу-

бенчиками для большаго шума, ворвались въ толпу, за ними бросилась пѣхота и началась рѣзня безоружныхъ индѣйцевъ.

Ни одинъ изъ нихъ не поднялъ руки для своей защиты; они имѣли приказъ стоять безъ оружія и повиновались ему.

Вокругъ инки стѣснилась толпа его вѣрныхъ слугъ, составляя какъ бы живую стѣну для защиты своего повелителя. На мигъ Пизарро былъ оттѣсненъ. Испанцы безъ милосердія рубили всѣхъ, но каждаго падшаго замѣщали трое или четверо новыхъ. Наконецъ Пизарро удалось протѣсниться, схватить инку и стащить его съ носилокъ. Солдаты какъ звѣри бросились на Атагуальпу, сорвали съ него одежду и навѣрное убили бы его, еслибъ Пизарро, самъ раненый въ суматохѣ кѣмъ-то изъ своихъ въ руку, не закричалъ, чтобы подъ страхомъ смерти никто не смѣлъ тронуть инку.

Инка палъ; какъ только индѣйцы это увидѣли, они обратились въ бѣгство. Подъ давленіемъ напиравшей толпы легкая кирпичная ограда площади обрушилась и масса людей широкимъ потокомъ разлилась по равнинѣ. Многіе изъ нихъ погибли подъ ударами преслѣдовавшей ихъ конницы, еще больше было раздавлено. Только тѣлохранители Атагуальпы не двинулись съ мѣста и всѣ до послѣдняго безъ сопротивленія полегли за своего властелина.

Всемірная исторія не представляетъ намъ примѣра подобнаго самопожертвованія, какъ не знаетъ примѣра государства, гдѣ, какъ въ странѣ инковъ, безусловное повиновеніе было доведено до такихъ крайнихъ предѣловъ. Только слѣпыя орудія чужой воли могли дать себя перерѣзать такимъ образомъ на площади Кахамарки.

Когда въ станѣ инки узнали о его паденіи, войска его обратились въ бѣгство и ушли въ Пуиту. Событіе это становится намъ понятнѣе, если вспомнимъ, что Атагуальпа собственно былъ похитителемъ престола, между тѣмъ какъ законный инка, Гуаскаръ, находился въ

заключеніи. Пизарро многимъ могъ казаться мстителемъ за Гуаскара и одинъ лѣтописецъ того времени не безъ основанія говоритъ, что никогда-бы испанцамъ не удалось такъ легко захватить въ плѣнъ законнаго инку, въ родѣ Гуаины Капака.

Ночь прекратила кровопролитіе; 2000 убитыхъ и 5000 тяжело раненыхъ покрывали площадь и ея окрестности. У испанцевъ потерь не было; только Пизарро получилъ легкую рану, да и та была нанесена испанскимъ мечомъ!

На слѣдующій день продолжалось разграбленіе лагеря и обираніе убитыхъ. Весь придворный штатъ Атагуальпы былъ взятъ въ плѣнъ, въ томъ числѣ до 5000 женщинъ. Испанцы раздѣлили между собою добычу и многіе изъ нихъ, занимавшіе на родинѣ самыя скромныя должности, повелѣвали теперь сотнями индѣйскихъ рабовъ и рабынь. Сверхъ того имъ досталась масса золотыхъ и серебряныхъ вещей, много другихъ драгоцѣнностей и цѣлыя стада ламъ.

Какъ испанцы обходились съ Атагуальпой, объ этомъ современники повѣствуютъ различно. Одно несомнѣнно: онъ очень скоро понялъ, что золото для нихъ дороже всего и обѣщалъ дать богатый выкупъ, если они отпустятъ его на свободу.

„Сколько?“ спросилъ съ любопытствомъ Пизарро.

„Я велю покрыть весь полъ этой комнаты золотомъ и серебромъ“, отвѣчалъ инка.

Испанцы недовѣрчиво улыбнулись, такъ какъ комната имѣла около 10 аршинъ длины и 8 арш. ширины Тогда Атагуальпа всталъ, провелъ рукою черту по стѣнѣ и сказалъ: „не только полъ я выложу золотомъ и серебромъ, но наполню всю комнату до этой черты золотыми вещами, а сосѣднюю — серебряными; обѣщайте мнѣ только сохранить вещи въ цѣлости, а не обращать ихъ въ ломъ“. Черта, которую провелъ Атагуальпа на стѣнѣ, была на высотѣ 9 футовъ отъ пола. Говорятъ, что съ этой минуты Пизарро сталъ обращаться съ инкою хорошо и обѣщалъ ему свободу тотчасъ по полученіи

выкупа. По словамъ другихъ, Пизарро самъ назначилъ размѣръ выкупа и собственноручно провелъ по стѣнѣ черту своимъ кинжаломъ.

Атагуальпа отправилъ въ свою столицу Куско вѣстниковъ съ приказаніемъ доставить въ Кахамарку потребное количество золота и серебра. Проходили дни и недѣли, въ теченіе которыхъ испанцы съ нетерпѣніемъ ожидали прибытія драгоцѣнностей, а между тѣмъ Пизарро и Вальверде старались обратить инку въ христіанство. Въ Кахамарку стали являться родственники и приближенные инки и испанцы увидѣли съ изумленіемъ, что вліяніе ихъ высокаго плѣнника на его подданныхъ нисколько не уменьшилось. Каждый, кто являлся къ нему, снималъ свои сандаліи на порогѣ и клалъ себѣ на спину мѣшокъ кукурузы. Атагуальпа принималъ всѣхъ съ тѣмъ-же спокойствіемъ и равнодушіемъ, какъ и въ дни своего прежняго величія. Теперь Пизарро былъ увѣренъ, что противъ него не возстанетъ ни одинъ перуанецъ, пока инка будетъ находиться въ его власти.

Но существовалъ другой, законный инка. Несмотря на свое тяжелое заточеніе въ одной изъ горныхъ областей, Гуаскаръ узналъ объ участи, постигшей его брата, какъ узналъ и о жадности испанцевъ къ золоту. Онъ также отправилъ пословъ къ Пизарро и умолялъ его о помощи. За свое спасеніе онъ обѣщалъ выкупъ втрое большій, чѣмъ предлагалъ Атагуальпа, увѣряя, что ему одному извѣстно, гдѣ хранятся величайшія сокровища казны.

Пизарро это было очень кстати и онъ рѣшилъ разыграть роль посредника между обоими братьями. Онъ объявилъ Атагуальпѣ, что намѣренъ приказать привезти Гуаскара въ Кахамарку и разслѣдовать, кто изъ нихъ имѣетъ больше правъ на престолъ.

Когда Атагуальпа узналъ объ этомъ, онъ сильно перепугался и втихомолку приказалъ своимъ военачальникамъ умертвить Гуаскара. Приказъ былъ исполненъ: Гуаскара, связаннаго по рукамъ и ногамъ, бросили въ быструю горную рѣчку; трупъ его не былъ найденъ и

послѣднему законному инкѣ не пришлось быть погребеннымъ въ усыпальницѣ своихъ предковъ. Когда пришло извѣстіе о его смерти, Атагуальпа притворился глубоко огорченнымъ; онъ рыдалъ неутѣшно, слагая всю вину на своихъ военачальниковъ, но не могъ обмануть Пизарро, который понялъ замыселъ братоубійцы.

Хотя изъ всѣхъ областей государства начали въ изобиліи свозить золотыя и серебряныя вещи, но Пизарро постоянно торопилъ доставку выкупа, такъ какъ не желалъ дѣлить добычу съ Альмагро, который вскорѣ долженъ былъ прибыть съ подкрѣпленіями изъ колоніи С. Мигуэль. Онъ отправилъ поэтому отрядъ войска въ Куско и въ храмъ Пачакамака. Во время перехода черезъ горы у лошадей стоптались подковы и такъ какъ нигдѣ нельзя было достать желѣза, то пришлось заказать у индѣйскихъ кузнецовъ подковы изъ золота и серебра. И тѣ и другія, какъ говорятъ, оказались весьма хорошими, но это можетъ быть единственный случай въ исторіи, что простые солдаты ѣхали на коняхъ, подкованныхъ драгоцѣнными металлами.

Нельзя сказать, чтобы Пизарро былъ особенно обрадованъ прибытіемъ Альмагро, который явился въ Кахамарку 14 апрѣля 1533 года во главѣ 80 всадниковъ и 150 человѣкъ пѣхоты.

Не дожидаясь полной доставки выкупа, обѣщаннаго Атагуальпой и вопреки выраженному имъ желанію, испанцы начали сплавлять въ слитки всѣ золотыя и серебряныя вещи тотчасъ по привозѣ ихъ въ Кахамарку. Утварь всякаго рода, блюда, кубки, изображенія человѣческихъ фигуръ, деревьевъ и цвѣтовъ — все пошло въ плавильную печь. Такимъ образомъ погибло множество памятниковъ перуанскаго искусства. Пизарро сохранилътолько нѣкоторыя наиболѣе изящныя вещи для отправки къ императору. Но онъ, очевидно, былъ слишкомъ высокаго мнѣнія о пониманіи Карла въ произведеніяхъ искусства: когда вещи прибыли въ Севилью, онъ даже не поинтересовался взглянуть на нихъ и приказалъ сплавить ихъ въ слитки.

Мы не будемъ утомлять читателя перечисленіемъ всѣхъ сокровищъ, найденныхъ въ храмахъ и дворцахъ; скажемъ только, что общая цѣнность выкупа за Атагуальпу, по оцѣнкѣ правительственныхъ чиновниковъ, сопровождавшихъ экспедицію, составляла на наши деньги около 35 милл. рублей.

Добыча была подѣлена: Пизарро получилъ приблизительно 600,000 руб., Альмагро немного болѣе половины этой суммы. Третій товарищъ ихъ — Люкъ въ это время уже умеръ; онъ имѣлъ, правда, наслѣдниковъ, по ни Пизарро, ни Альмагро и не подумали исполнить договоръ, заключенный нѣкогда съ такою торжественностью.

Солдаты также получили соотвѣтственное вознагражденіе и золото потеряло въ Кахамаркѣ свою цѣну. Стоимость европейскихъ товаровъ повысилась напротивъ до чудовищныхъ размѣровъ; лошади продавались по 5—7000 руб., за мечъ платили отъ 80—100 руб., пара башмаковъ стоила 60—80 руб., десть писчей бумаги — до 20 руб. и т. д. Въ Кахамаркѣ господствовала самая необузданная жизнь: между солдатами развилась страсть къ азартнымъ играмъ и многіе въ одну ночь успѣвали проиграть все, что пріобрѣли цѣною столькихъ трудовъ и лишеній. Другіе, болѣе благоразумные, рѣшили отправиться съ добычею на родину, но иныхъ и тутъ постигла неудача. Они нагрузили своими сокровищами ламъ, но когда пришлось проходить горными тропинками, своевольныя животныя вдругъ бросались въ бѣгство и безслѣдно исчезали съ драгоцѣнностями.

Атагуальпа сдержалъ свое слово, представивъ за себя условленный выкупъ; Пизарро-же, съ своей стороны, не думалъ исполнять своего обѣщанія и освободить инку. Онъ опасался, что Атагуальпа соберетъ всѣ силы своей страны и уничтожитъ испанцевъ. Чтобы удержать за собою власть, необходимо было имѣть инку заложникомъ или какъ-нибудь отдѣлаться отъ него. Неразборчивый на средства, Пизарро избралъ послѣдній путь, вопреки совѣтамъ нѣсколькихъ болѣе совѣстливыхъ изъ своихъ

товарищей. Мысль, что смерть инки составляетъ неизбѣжную необходимость, все болѣе укрѣплялась въ безсердечномъ завоевателѣ и ему было не трудно придумать предлогъ для оправданія убійства.

Атагуальпу обвинили прежде всего въ томъ, что братъ его Гуаскаръ былъ убитъ по его приказанію (что осталось недоказаннымъ); далѣе ему ставилось въ вину незаконное присвоеніе власти и растрата государственныхъ сокровищъ, отчего испанская казна понесла большіе убытки; наконецъ онъ обвинялся въ замышленіи всеобщаго возстанія индѣйцевъ противъ испанскаго владычества. Всего было составлено 12 обвинительныхъ пунктовъ. Во главѣ судилища стояли Альмагро и Гернандо Пизарро; слушались показанія свидѣтелей-индѣйцевъ, слова которыхъ переводчикъ передавалъ по своему усмотрѣнію, мало заботясь о точности перевода. Исходъ процесса легко было предвидѣть: Атагуальпа былъ признанъ виновнымъ и приговоренъ къ сожженію на кострѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ было рѣшено привести приговоръ въ исполненіе еще до полуночи. Подъ нимъ безграмотный Пизарро нацарапалъ свои каракули, а фанатикъ Вальверде написалъ: „никогда еще не было постановлено болѣе справедливаго приговора“.

Къ чести сподвижниковъ бездушнаго Пизарро надо сказать, что нѣкоторые заявили протестъ въ виду недоказанности обвиненій. Но Пизарро не обратилъ на это никакого вниманія и въ тотъ-же вечеръ 3 августа 1533 г. приказалъ воздвигнуть костеръ на той самой площади Кахамарки, гдѣ инка измѣннически былъ захваченъ въ плѣнъ.

Наступила ночь. Солдаты окружали костеръ, освѣщенный факелами. Вокругъ стояли густыя толпы индѣйцевъ. Тѣмъ временемъ въ темницѣ инки Вальверде напрягалъ всѣ старанія, чтобы обратить плѣнника въ христіанство и уговаривалъ принять крещеніе; но Атагуальпа оставался вѣренъ своимъ богамъ.

Въ полночь его вывели на мѣсто казни. Онъ былъ въ цѣпяхъ, но держалъ себя съ большимъ достоинствомъ;

за то индѣйцы подняли страшный вопль, когда увидѣли своего инку закованнаго въ цѣпи.

Въ послѣднюю минуту Вальверде сдѣлалъ еще попытку убѣдить его принять крещеніе. Онъ зналъ, что по воззрѣніямъ перуанцевъ сожженный никогда не воскреснетъ и обѣщалъ замѣнить эту казнь удушеніемъ, если инка согласенъ креститься. Атагуальпа спросилъ Пизарро, дѣйствительно-ли будетъ ему оказана эта милость; тотъ отвѣтилъ наклоненіемъ головы и тогда Атагуальпа принялъ крещеніе.

Передъ смертью онъ высказалъ два желанія: чтобы тѣло его было положено въ усыпальницѣ его предковъ и чтобы Пизарро принялъ подъ свое покровительство его малолѣтнихъ дѣтей.

Послѣ этого онъ спокойно взошелъ на помостъ. Палачъ надѣлъ ему на шею гаротту — желѣзное кольцо, стягиваемое посредствомъ винта — и при звукахъ духовнаго пѣнія и страшныхъ вопляхъ индѣйцевъ Атагуальпа былъ задушенъ.

Тѣло оставалось на мѣстѣ всю ночь, охраняемое испанцами. На слѣдующій день его перевезли въ только-что отстроенную церковь св. Франсиска и отпѣли какъ христіанина, въ присутствіи Пизарро и всѣхъ военачальниковъ, одѣтыхъ въ трауръ. Здѣсь-же онъ былъ погребенъ.

Индѣйцы требовали выдачи тѣла инки, чтобы похоронить его со всѣми подобающими почестями, но получили отказъ. Тогда вѣрными слугами овладѣло отчаяніе и они сами наложили на себя руки, чтобы послѣдовать за своимъ повелителемъ: одни бросались со скалы въ пропасть, другіе топились въ ближайшей рѣкѣ, третьи вѣшались.— вокругъ Кахамарки лежало болѣе 300 труповъ.

Смертью Атагуальпы оканчивается исторія государства инковъ. Хотя испанцы впослѣдствіи и возводили на престолъ новыхъ государей, но это были лишь послушныя орудія въ рукахъ европейцевъ и царствованіе ихъ не представляетъ и тѣни того величія и блеска, какими отличались прежніе „сыны солнца“. Угнетенный народъ без-

успѣшно поднялъ знамя возстанія подъ предводительствомъ инки Манко, а послѣдній — 20-й инка, Тупакъ Амару, умеръ на эшафотѣ въ 1572 г., призывая создателя міра Пачакамака въ свидѣтели своей правоты.

Самимъ завоевателямъ владычество надъ Перу не принесло счастья — почти всѣ они нашли тамъ свою могилу. Франсиско Пизарро и Альмагро пали оба подъ ударами испанскаго оружія, и гибель ихъ составляетъ какъ-бы эпилогъ къ этой „трагедіи въ земномъ раю“.

ГЛАВА XVIII.

Послѣдніе инки.

Пизарро и его товарищи спѣшили по возможности скорѣе завладѣть сокровищами въ храмахъ и дворцахъ Куско, столицы инковъ; они узнали, что изъ сѣверныхъ испанскихъ колоній, куда проникъ слухъ о несмѣтныхъ богатствахъ Перу, двинулись толпы алчныхъ искателей наживы, съ которыми завоеватели не желали дѣлить добычи.

Къ числу этихъ людей принадлежалъ Педро де-Альварадо, товарищъ Кортеса по покоренію Мехики. Онъ въ это время былъ намѣстникомъ въ Гватемалѣ, снарядилъ тамъ экспедицію и двинулся въ Перу. Дорогою ему удалось переманить къ себѣ отрядъ солдатъ, навербованныхъ для Пизарро. Онъ высадился съ 500 человѣкъ и двинулся на Куско, чтобы занять этотъ городъ раньше Пизарро.

Дѣло въ томъ, что при заключеніи извѣстнаго договора Пизарро съ испанскимъ правительствомъ никто еще не имѣлъ понятія о дѣйствительномъ протяженіи царства инковъ и что область, въ которой лежитъ Куско, не входила въ районъ, надъ которымъ начальникомъ былъ поставленъ Пизарро.

Походъ Альварадо черезъ горы сопровождался опасностями и лишеніями всякаго рода. Нѣсколько дней сряду его войско шло подъ густымъ дождемъ вулканическаго пепла, извергавшагося горою Котопахи. Съѣстныхъ припасовъ нельзя было найти и испанцамъ пришлось рѣзать собственныхъ лошадей; но всего страшнѣе былъ леденящій холодъ, который господствовалъ на высотѣ перевала. Чтобы ободрить солдатъ, Альварадо предложилъ имъ свою долю изъ будущей добычи, но тѣ съ ожесточеніемъ кричали: „Намъ нуженъ хлѣбъ, а не золото!“ Въ снѣжной области Кордильеръ замерзло 80 человѣкъ и въ числѣ ихъ одна женщина — первая испанка, прибывшая въ Перу.

Альварадо однако опоздалъ. Пизарро успѣлъуже занять Куско и когда узналъ о приближеніи соперника, то послалъ ему навстрѣчу отрядъ подъ начальствомъ Альмагро. Благоразуміе обоихъ предводителей предотвратило кровопролитіе. Отъ имени Пизарро сумма въ 700,000 р. была предложена Альварадо въ видѣ отступнаго, если онъ уйдетъ и предоставитъ своихъ солдатъ въ распоряженіе Пизарро. Тотъ согласился и вернулся въ Гватемалу, но вскорѣ упалъ съ лошадью въ пропасть и разбился.

Торопясь занять столицу инковъ, Пизарро имѣлъ въ виду не только завладѣніе ея несмѣтными богатствами, но и соображенія другого рода. Дѣло въ томъ, что послѣ смерти Атагуальпы наиболѣе могущественные правители отдѣльныхъ областей объявили себя независимыми; ихъ примѣру послѣдовали другіе и царство инковъ стало распадаться. Пизарро понялъ, что казнь Атагуальпы была необдуманнымъ шагомъ и попытался остановить дальнѣйшее распаденіе государства тѣмъ, что объявилъ инкою младшаго брата Атагуальпы — Тупака-Гуаину, случайно находившагося въ Кахамаркѣ. Вмѣстѣ съ нимъ онъ двинулся въ Куско; но во время похода новый инка умеръ, будто-бы отравленный полководцемъ Чалкучимой, котораго Пизарро велѣлъ безъ суда сжечь за это на кострѣ. Между тѣмъ въ Куско прибылъ братъ утопленнаго Гуа-

скара, Манко, чтобы предъявить свои права на престолъ и просить для этого помощи у Пизарро. Последнему это пришлось очень кстати и онъ постарался увѣрить своего гостя, что съ самаго начала имѣлъ цѣлью возстановить власть Гуаскара и низвергнуть Атагуальпу. Онъ такъ обворожилъ Манко, что тотъ самъ ввелъ испанское войско въ Куско и при своемъ торжественномъ короновании, принявъ изъ рукъ Пизарро красную кисть инковъ и знамя Кастилiи, помахалъ имъ нѣсколько разъ по воздуху въ знакъ того, что признаетъ себя вассаломъ испанскаго короля.

Едва испанцы заняли Куско, какъ уже начали обирать храмы и дворцы и несмотря на то, что индѣйцы успѣли наскоро убрать наиболѣе драгоцѣнныя вещи, награбили гораздо болѣе того, чѣмъ обѣщалъ имъ Атагуальпа за свое освобожденiе. Сцены крайней необузданности, происходившiя при дѣлежѣ добычи въ Кахамаркѣ, повторились и здѣсь со всѣми своими послѣдствiями.

Огромный городъ, въ которомъ въ то время было до 200,000 жителей, имѣлъ великолѣпный видъ. Онъ былъ построенъ совершенно правильно и изобиловалъ дворцами, которые строилъ каждый инка при своемъ вступленiи на престолъ. Надъ городомъ возвышалась сильная крѣпость съ толстыми стѣнами и башнями. Въ срединѣ ея находилась большая площадь, отъ которой начинались знаменитыя перуанскiя дороги, ведшiя къ отдаленнымъ областямъ.

Изъ всѣхъ построекъ самою величественною представлялся храмъ солнца, окруженный садами и жилищами жрецовъ и „дѣвъ солнца“. Это святилище составляло особую часть города, расположенную на холмѣ и окруженную толстыми стѣнами въ 5 рядовъ. Храмъ имѣлъ круглую форму и крышу въ видѣ купола. Главное помѣщенiе было посвящено богу солнца, колоссальное изображенiе котораго, изъ чистаго золота, находилось у задней стѣны. Отдѣлка святилища богатствомъ и блескомъ превосходила всякое описанiе. Двери были украшены изумрудами, а косяки были золотые; всѣ стѣны были вы-

ложены золотомъ, и кромѣ мумій въ царскомъ облаченіи, помѣщенныхъ въ нишахъ стѣнъ, тутъ стояли еще изваянія изъ массивнаго золота; невѣроятно велико было количество всякаго рода золотой утвари и разныхъ орудій для жертвоприношеній. Дверь, обитая серебромъ, вела въ другое помѣщеніе, посвященное богинѣ луны — сестрѣ и супругѣ бога солнца; и здѣсь противъ входа помѣщалось серебряное изображеніе луны, а по сторонамъ его — муміи царицъ. Третье помѣщеніе посвящено было звѣздамъ; стѣны здѣсь были выложены золотомъ, а съ голубого потолка блестѣли золотыя звѣзды. Нечего и говорить, что всѣ эти сокровища тотчасъ-же были разграблены и переплавлены въ слитки.

Избавившись отъ Альварадо, братья Пизарро властвовали въ странѣ неограниченно; но своимъ высокомѣріемъ они возбудили противъ себя испанскихъ переселенцевъ и многіе изъ послѣднихъ были очень обрадованы извѣстіемъ, что король Карлъ раздѣлилъ Перу между его завоевателями и назначилъ Альмагро намѣстникомъ Куско. Королевскій указъ еще не былъ полученъ, а Альмагро уже потребовалъ, чтобы Гернандо Пизарро уступилъ ему это мѣсто и собирался поддержать свое требованіе силою. Междоусобіе готово было вспыхнуть, но еще разъ удалось его избѣгнуть: Альмагро согласился за извѣстное вознагражденіе отказаться навсегда отъ Куско и занялся приготовленіями къ завоеванію Чили.

Подавивъ нѣсколько мятежей въ отдѣльныхъ областяхъ, Пизарро двинулся къ берегу океана, гдѣ онъ еще ранѣе (6 января 1535 г.) основалъ поселеніе, названное имъ Ciudad de los Rejos (городъ королей) и задуманное въ грандіозныхъ размѣрахъ. Это поселеніе нынѣ носитъ названіе Лимы и есть главный городъ республики Перу. Пизарро хотѣлъ теперь серіозно заняться устройствомъ завоеванной страны и насажденіемъ европейской культуры между индѣйцами. Переселенцы стали водворяться въ большомъ числѣ и все повидимому устраивалось хорошо, какъ вдругъ возстаніе индѣйскихъ племенъ разстроило его планы.

Только съ напряженіемъ всѣхъ силъ и съ величайшими жертвами испанцамъ удалось подавить этотъ мятежъ.

Альмагро вернулся между тѣмъ изъ чилійской экспедиціи безъ успѣха. Королевскій указъ, которымъ онъ назначался губернаторомъ Куско, тѣмъ временемъ прибылъ и какимъ-то образомъ попалъ ему въ руки. Тогда враги Пизарро стали уговаривать Альмагро настоять на исполненіи этого указа вопреки своему прежнему уговору съ Франсискомъ Пизарро, доказывая, что онъ обязанъ это сдѣлать ради сына, которому онъ долженъ оставить извѣстное почетное положеніе. Альмагро уступилъ и отправилъ копію съ документа къ Гернандо Пизарро съ требованіемъ признать его намѣстникомъ Куско. Вслѣдствіе этого возгорѣлась междоусобная война, кончившаяся тѣмъ, что Альмагро былъ побѣжденъ, взятъ въ плѣнъ и задушенъ въ темницѣ по приказанію Гернандо Пизарро.

Страна не была еще окончательно умиротворена: индѣйцы продолжали народную войну съ испанцами. Тогда Пизарро задумалъ основать рядъ военныхъ колоній на плоскогоріяхъ Кордильеръ. У обитавшихъ тамъ индѣйцевъ отняли всю землю и роздали ее испанскимъ переселенцамъ или племенамъ, враждебнымъ инкамъ. Эти поселенія снабжались на годъ оружіемъ, съѣстными и боевыми припасами и были окружены крѣпкими стѣнами, а поселенцы обязывались выставлять вооруженныхъ людей по первому требованію. Только этимъ способомъ удалось наконецъ совершенно сломить перуанцевъ.

Но Пизарро не суждено было увидѣть вновь процвѣтаніе страны, которую онъ разорилъ. Ненависть приверженцевъ Альмагро съ теченіемъ времени все усиливалась и они составили заговоръ съ цѣлью убить Пизарро. Для исполненія замысла было выбрано воскресенье 26 іюня 1541 г.; убійство предполагалось совершить во время слѣдованія Пизарро въ церковь и заговорщики собрались въ домѣ молодаго Альмагро.

Тутъ они узнали, что Пизарро по случаю легкаго нездоровья не будетъ присутствовать при богослуженіи.

Послѣ краткаго совѣщанія они рѣшили не откладывать своего намѣренія, а напасть на врага въ его собственномъ домѣ.

Пизарро сидѣлъ за столомъ съ нѣсколькими изъ своихъ друзей, какъ вдругъ во дворѣ раздался крикъ: „Да здравствуетъ король! смерть измѣннику!“ Одинъ изъ часовыхъ былъ приколотъ, другой бросился въ домъ съ крикомъ о помощи. Гости бѣжали въ садъ, а Пизарро съ своимъ родственникомъ Мартинесомъ де-Алькантара схватились за оружіе. Алькантара съ двумя пажами встрѣтилъ заговорщиковъ на порогѣ комнаты, но послѣ краткаго сопротивленія всѣ трое пали, тяжело раненые. Пизарро второпяхъ не могъ затянуть ремней своего панцыря; въ нетерпѣніи онъ бросилъ его въ сторону, обернулъ лѣвую руку плащемъ и съ мечомъ въ правой встрѣтилъ нападающихъ. Онъ защищался отчаянно и убилъ двоихъ изъ противниковъ, но наконецъ упалъ, пронзенный въ горло шпагою; тогда на него набросились остальные и убили.

Съ окровавленными мечами заговорщики прошли по улицамъ Лимы, провозглашая: „Тиранъ палъ! Законъ и порядокъ возстановлены! Да здравствуютъ король и его намѣстникъ Альмагро!“

Приверженцы Пизарро были арестованы и заключены въ тюрьму. Когда наступила ночь, старый слуга Пизарро вмѣстѣ съ своею женою завернули трупъ въ простыню, снесли въ соборъ, построенный убитымъ, и схоронили втихомолку. Позднѣе останки завоевателя Перу были положены въ гробъ и лишь въ 1607 г. торжественно перенесены въ новый соборъ Лимы.

Пизарро было 70 лѣтъ, когда онъ палъ подъ ударами заговорщиковъ. Отзывы о немъ въ высшей степени разнорѣчивы; несомнѣнно только, что это былъ истый сынъ своего вѣка, раздѣлявшій вмѣстѣ съ остальными героями эпохи завоеваній всѣ ихъ достоинства и недостатки. Онъ былъ безспорно храбрый солдатъ и умный полководецъ, а какъ правитель обладалъ несокрушимой энергіей. Кортесъ также покорилъ могущественное царство, но походъ

Пизарро былъ несравненно труднѣе и опаснѣе, такъ какъ онъ имѣлъ дѣло съ болѣе сильнымъ и благоустроеннымъ государствомъ, а располагалъ гораздо меньшими средствами. Но всѣ природныя дарованія служили въ немъ только честолюбію и алчности, для удовлетворенія которыхъ онъ не стѣснялся въ выборѣ средствъ.

Наслѣдство, оставленное имъ, было довольно незначительно, такъ какъ большую часть своего дѣйствительно огромнаго богатства онъ употребилъ на различныя общественныя постройки въ перуанскомъ намѣстничествѣ. Когда впослѣдствіи одинъ изъ его потомковъ получилъ отъ короля Филиппа IV титулъ маркиза, ему назначена была вмѣстѣ съ тѣмъ и значительная пенсія.

Разсѣянные члены династіи инковъ тщетно пытались возвратить себѣ хоть часть своихъ утраченныхъ имуществъ. Какъ прежде Атагуальпа хотѣлъ уничтожить весь родъ инковъ, такъ теперь испанцы стремились извести его.

Манко, оказавшій испанцамъ послѣднее вооруженное сопротивленіе, былъ убитъ. Единственный, считавшійся у туземцевъ законнымъ властителемъ царства — инка Тупакъ Амару былъ измѣннически захваченъ въ горахъ и обвиненъ безъ всякаго основанія въ государственной измѣнѣ.

Уже на слѣдующій день его повели по улицамъ Куско на казнь. Собравшейся толпѣ было объявлено, что „измѣнникъ, разбойникъ, возмутитель и врагъ испанцевъ Тупакъ Амару будетъ обезглавленъ по приказанію мудраго, справедливаго и могущественнаго вице-короля Франсиско де-Толедо“.

Инка спросилъ сопровождавшаго его монаха о значеніи этихъ словъ и потомъ сказалъ: „Не говори лжи! И ты, и вице-король и всѣ собравшіеся здѣсь испанцы хорошо знаютъ, что я никогда не замышлялъ измѣны ни противъ короля Испаніи, ни противъ его намѣстника. Объяви напротивъ, что я погибаю напрасно, потому что вице-королю такъ желательно. Пачакамака, создателя міра, я призываю въ свидѣтели моей невиновности!“

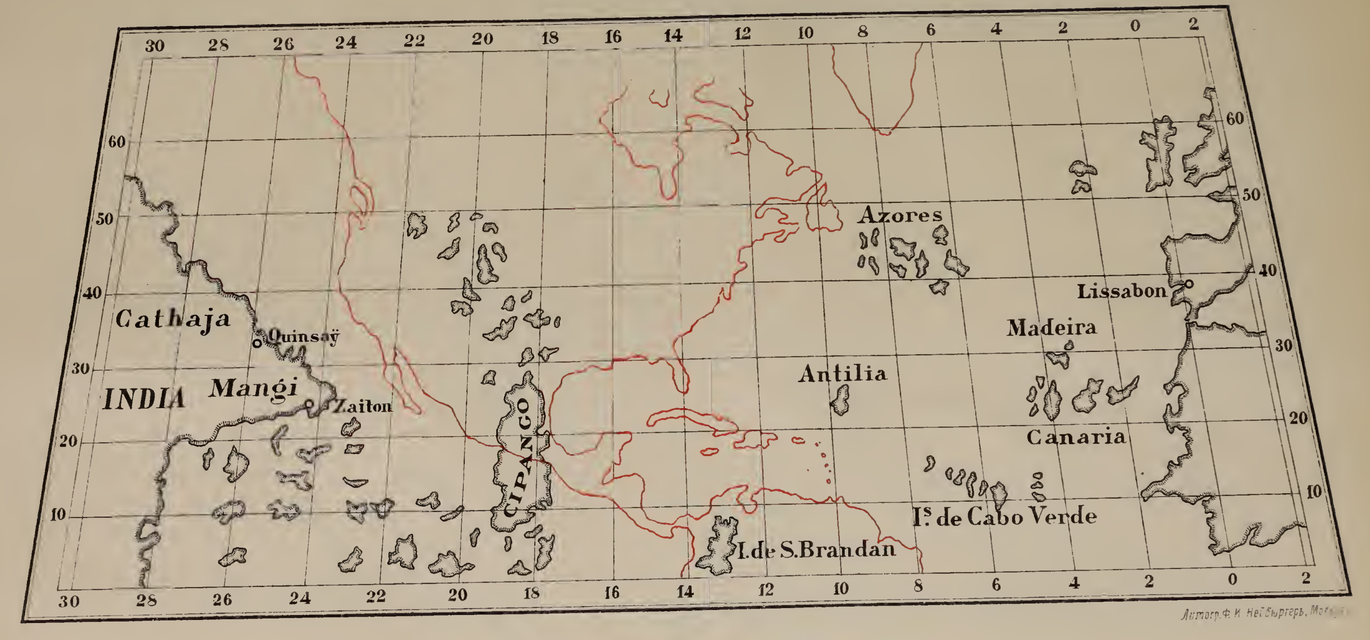
Громадная толпа индѣйцевъ, наполнявшая площадь и улицы, заволновалась; послышался громкій ропотъ и дѣло грозило принять опасный оборотъ. Тогда монахи, сопровождавшіе инку, стали уговаривать его унять народъ. Онъ подумалъ минуту, но потомъ поднялъ правую руку и снова медленно опустилъ; народъ смолкъ и голова Тупака Амару скатилась на помостъ. Самое имя „инковъ“ перестало страшить испанцевъ!

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

					Напечатано:	*слѣд. читать:*
Стран.	7	строка	8	св.	Нордканъ	Нордканъ
„	16	„	18	св.	достоенъ	достоинъ
„	58	„	13	св.	человѣхъ	человѣкъ
„	95	„	13	св.	разбивашихъ	разбивавшихъ
„	105	„	16	св.	ещо	еще
„	117	„	1	сн.	Мантесуму	Монтесуму
„	120	„	10	сн.	офицера,	офицера
„	121	„	10	сн.	большаго	большого
„	122	„	16	сн.	начали	начали
„	126	„	7	св.	вдавили	вдавила
„	130	„	15	сн.	Тускуко	Тескуко
„	156	„	6	сн.	серебрянныя	серебряныя
„	166	„	3	сн.	очначалъ	означалъ
„	166	„	2	сн.	высячъ	тысячъ
„	168	„	14	св.	общественныя	общественные
„	179	„	11	сн.	карабль	корабль
„	181	„	17	св.	обѣхъ	обѣихъ
„	184	„	3	св.	и	о

Карта Тосканелли по копіи М. Бегайма.

Мехиканскій зал.

М. Каточе

Мерида

(Развалины)

О. Козумель

ЮКАТАНЪ

(Развалины)

(Развалины)

Табаско

Р. Грихальва

Вилла Рика де Вера Крусъ

Семпоалла

С. Жуанъ Уллоа

Вера Крусъ

Р. Альварадо

Орисаба

Отумба

Теночтитланъ

Тласкала

Чолула

Попокатепетль

АНАГУАКЪ

Окрестности ТЕНОЧТИТЛАНА.

Оз. Тескуко

Тескуко

Тлакопанъ

Теночтитланъ

Оз. Чалко

Чалко

Отумба

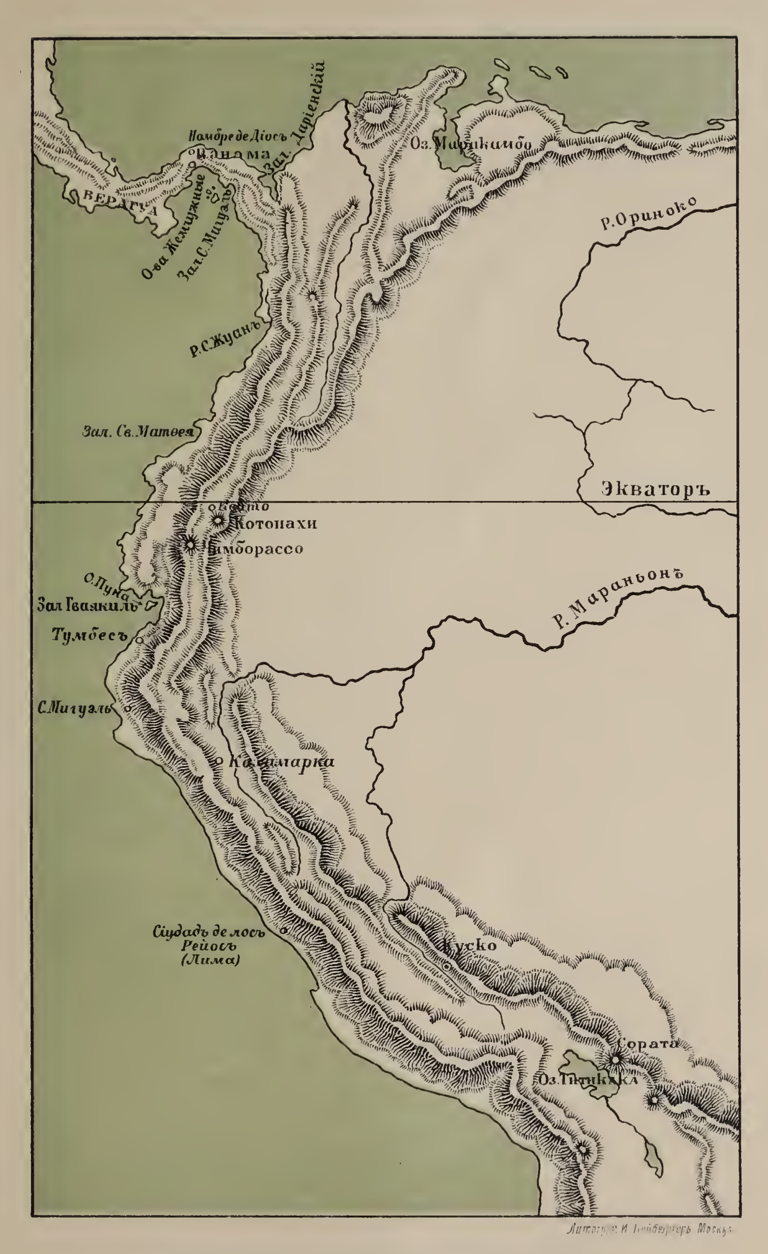
Тласкала

Иштаксигуатль

Чолула

Попокатепетль

Карта къ исторіи завоеванія Мехики.

Карта къ исторіи завоеванія Перу

